

ДАЛЛИ

Принадлежит к циклу дастанов о Гороглы. Дастан сложился примерно в XVII — XVIII веках. Записан самим сказителем — Эргашем Джуманбульбуль-оглы в 1926 г. в кишлаке Курган Кошрабатского района Самаркандской области. Рукопись хранится в фольклорном архиве ИЯЛ АН УзССР под инвентарным номером 1.

Впервые в сокращенном виде дастан опубликован поэтом Умарджаном Исмаиловым («Далли». Ташкент, 1942). Наиболее полное издание подготовила известный фольклорист Музайяна Алавия («Эргаш Джуманбулбулугли»: В двух томах. Ташкент, 1972. Т. 2.)

Перевод выполнен на основе последнего издания, осуществленного Зарифовым с некоторыми незначительными сокращениями («Булбул таронлари». В пяти томах. Ташкент, 1972. Т. 2.). Опубликован перевод в трехтомнике «Песни Бульбуля». Ташкент, 1977. Т. 2. Запись эпического текста самим народным сказителем — случай весьма редкий в мировой фольклорной практике; он оказался возможен потому, что, будучи «традиционным», «наследственным» бакши (знаменитыми сказителями были его отец, бабка и другие предки), и притом бакши высочайшего класса, с изумительной памятью — Эргаш Джуманбульбуль-оглы был одновременно грамотным, «пишущим» человеком, высокоталантливым поэтом. Тексты его, а в особенности текст «Далли», являют образцы огромной и плодотворной работы над словом, выдающегося стихотворного мастерства, использования в тексте сложной строфики и поэтических форм (особенно часто — рубаи). При этом дастан достигает и подлинных высот в изображении душевного состояния героев, поэтической записи «потока сознания», если позволено здесь употребить этот термин; поэтические монологи героев подчас поднимаются на замечательную лирическую высоту. И однако, что важно, в дастане сохраняется народная простота и выразительность лексики. Все это обусловило популярность дастана в современной сказителю слушательской среде и наш сегодняшний к нему интерес.

Вблизи от Ургенча, в давние дни,
на западе, где искони
на Чамбила-плоскогорье,
без зла и горя,
не зная смут,
жило племя таки-явмут,
правил бек Гороглы.
Духи-пророки — гайиб-эраны —
в детстве спросили у Гороглы:
«Скажи-ка, йигит, тоскуешь о ком?
Кто тебе нужен: сын или конь?»
А Гороглы еще молод был,
он, конечно, коней любил.
Не знал, что значат сын да родня.
«Коня! — говорит. — Хочу коня!»
Тогда они его
так благословили:
«Будешь беком, и весь свой век

конским бегом прославишь, бек.
Под ясным небом проложишь след,
коня оставишь, а сына — нет,
Гороглы!»

Так они ему предрекли.
Гороглы после понял, что сплеховал,
уж так по сыну он тосковал,
всех пророков о нем просил,
так и не дан был ему сын.
Когда его духи благословляли,
на прощание наставляли:
«Возьми из Ваянгана Хасанхана,
а из Хунхара — Авазхана.
Привезешь и усыновишь».

Как набег Гороглы затеял впервой —
дочку Райхана украл, Зайдиной,
Ахмаду Сардару отдал женой.
Потом с купцов погонял он жиру,
сорок молодцов собрал в дружину,
до зубов вооружил их.
Из Ваянгана
привез Халдархана.
Бился кроваво Карадив,
да он и его победил,
диву Тохтамышу выдавил зрачки,
а с Койкафа, из сада Санам,
вывез пери Юнус-агы,
на удивленье людским сынам!
Был он, видать, крепче скал.
Из сада Ирэм привез пери Мискал.
Из Ваянгана взял Хасанхана,
из Хунхара — Авазхана,
сделал их сынами:
жить, мол, будете с нами,
очей моих свет,
шагов моих след,
а дни
придут последние,
вы одни
наследники,
гробу гвоздем,
народу вождем...

Вот с поры-то самой с этой
и стал Гороглы грозой соседей,
мир о нем зашумел, его слава стала
гремять до самого Дагестана.
Перед Гороглы до дна души
дрожали кизилбаши и сияхпуши.
Пусть же пока Гороглы-бек
здравствует в славе и длит свой век...
Перед Гороглы не только дрожали,
все его уважали —
богат, в дружине сорок друзей!
С ватагой всей,
на зная скуки,
скакал на своем Гиркуке,
сокола брал с собой,
охотился под барабанный бой.
Раз под вечер шла за оленем погоня,
возле озера встали кони,
взглянул Гороглы во все концы —
видит, на том берегу купцы.
Он и поскакал
со своими сорока,
думал взять с каравана дары,
а тут, глядь, костры, костры,
столько тех купцов
набралось,
словно со всех концов
собралось.
Позвал Гороглы караванбаши:
«Ну-ка, говорит, скажи,
из какой вы державы,
куда путь держали?»
Купец говорит: «Господин мой бек,
мы из Эрзерума, да не знать вам бед.
Идем в Ташкент и Аулие-ата».
А ему Гороглы тогда:
«Ездите вы, торговцы, по миру,
слыхали такое, о чем у нас — ни помину,
видать, за любой забредали
предел,
там повидали
дивных дел.

Вот вы из Эрзерума —
что там нынче наделало шума?»
Купец отвечает: «Да, мой бек,
таков торговый человек.
Он и сам-то на виду,
и виды видывал на веку.
Всюду ведь что-нибудь произойдет,
без этого народ не живет.
А в Эрзеруме — коль мы оттуда —
есть одно настоящее чудо...»
«Послушаем,— сказал Гороглы.— Расскажи!»
— «Так,— отвечал караванбаши.—
У царя эрзерумской земли
есть дочка по имени Хан-Далли.
Полмира слава ее облетела,
ее совершенствам нет предела,
равно прекрасна лицом и телом,
без изъяна, как пери, сложена —
такая еще на земле не жила!
Сиянья не скрыть девяти покрывалам —
ликом светила она затмевала!
Так у нас о ней говорят.
Все подряд!
В Эрзеруме люди
только и судят об этом чуде...
А что до Хан-Далли — она
к тому же еще оказалась умна.
Сама во всем понимает толк,
с согласия отца затевает торг,
между делом
правит своим уделом...»
Рассказ купца
Гороглы выслушал до конца,
развеселился,
взять дары не согласился,
да еще при этом
весь караван накормил обедом.
В тот день ночевать вернулись домой.
Утром затеяли пир горой.
Ели жирно,
пил Гороглы в кругу дружины,
да спьяну и говорит он

своим сорока йигитам:
«Прежние, мол, падишахи
как себя потешали?
Если им. услуга нужна,
наполнят чашу вина,
поднимут чашу:
«Ну, кто тут смел и отважен?
Поднимите, осушите —
и дело до конца доведите!»
И вот батыры прежних времен
примут у шаха чашу с вином,
выпьют — утрутся.
Выполнят — вернуться.
А теперь, батыры мои, дальше.
Вот перед вами какая задача.
Хочу узнать, кто из вас самый могучий,
кто порученье выполнит лучше,
чтобы, в укор трусам да слабым,
стал среди вас он и самым славным.
Ну, йигиты...»
И Гороглы-бек
налил в чашу вино и шербет.
«Теперь и узнаем, кто кажет тыл,
а кто настоящий храбрый батыр!»
И Гороглы, испытанье начавши,
над своими сорока поднял чашу.
«Есть ли без снега в горах перевалы?
Разве весна не в садах пировала?
Чашу золотую вознес Гороглы —
кто ее выпьет, воитель удалый?
Конь настоящий от бега не взмокнет.
Гнев в моем сердце мгновенно умолкнет.
Верности чашу вознес Гороглы —
те, что верны, отказаться не могут.
Всех ты прекрасней, Чамбиль мой цветущий!
Храбрые здесь — или слабые души?
Винную чашу вознес Гороглы —
кто не осушит, клятву нарушит.
Плачу о правде, о славе рыдаю.
Где ты, о храбрость великих святая?
Чашу золотую вознес Гороглы —
так, о йигиты, я вас испытаю.

Беки, не вместе ль мы дни проводили?
Беки, мы разве не весело жили?
Кто ж эту чашу, батыры мои,
с нами разделит, как радость делили?
Тех, кто осушит, утешит мне душу —
сделаю первым за верную службу.
Тех, кто возьмет эту чашу мою —
щедро дарами осыплю за службу.
Речи о разном — в праздник и в будни.
Гоним галопом коней на безлюдье.
Дело поручено вам, сорока —
служба за вами, а мы не забудем.
Туже стяните себя поясами,
сабли до боя попробуйте сами.
Чашу, молю, поднимите мою —
разве вы зря себя клятвой связали?
Вождь вам недаром твердит про обеты —
дела важней вы не знали, о беки.
Каждый, кто чашу поднимет мою —
мне, Гороглы, будет другом навеки».
После этих слов Гороглы-бека
все его дружинники, до одного человека,
молча сидят,
в землю глядят.
Даже от земли исходит эхо,
а вот до них не доходит это,
сидят безмолвно,
как оглохшие смолоду.
Решил Гороглы — не дошло его слово! —
и к ним тогда обращается снова:
«Сорок удалых, опора Чамбия!
Скачет скакун — значит, пот в изобилье.
Барсы Чамбия! Не лгите потом,
что не слышали или забыли.
Жизнь, о друзья мои, длится недолго.
Тленна вселенная! Сгинет — и только.
Только, батыры, не лгите потом,
что не слышали веления долга.
Бек Гороглы я — ив этом краю
слушают люди, что я говорю.
Чаша вот эта — чаша обета!
Беки, хлеб-соль отслужите мою!

Ну же, батыры, примите решение!
Смело, как львы, вы ходили в сраженья!
Кто моей службой не пренебрежет,
тот и заслужит вознаграждение».
Сорок дружинников, как сидели без звука,
так и молчат, не глядя друг на друга.
Гороглы, такое увидев,
«Ну и негодники!» — думает в обиде,
а сам говорит:
«Мужи! Неужто у вас не хватило
мужества долг отслужить господину?
Что же с тобою, дружина моя —
ты же недаром в героях ходила!
Каждому гляну в глаза: это ты ли?
Как вы могли перетрусить, батыры?
Разве дружина служить не должна?
Или доселе вам мало платили?
Так ли вы шли за подарками? То ли
вы у меня обещали на тое?
Есть ли хотя бы один среди вас,
без оговорок на подвиг готовый?
В тесные уши да втиснутся речи:
будьте готовы к походу и к сече!
Чашу служенья держу я в руках —
кто же осушит, душу излечит?»
Трижды взывал Гороглы понапрасну —
молчат, словно в рот воды понабравши.
Когда с Гороглы такое стало,
что вся дружина в ответ молчала?
Тут были Хасан-батыр и Аваз,
Аваз еще мал, а Хасан — как раз:
вошел в силу.
Задумался Хасан, сам себя спросил он:
«А не сломится ли у Гороглы воля?
Ведь никто за него не рискнул головою.
Сам чашу осушит — плохо будет.
Ведь он-то, может, так рассудит:
«Эх! Вот как бывает, коль сына нет.
Прошу — а мне ни слова в ответ.
Если дружинник мне не послушен,
значит, и меч мой мне не послужит.
Если сначала слуга откажет —

потом, глядишь, и рука откажет!
А был бы сын,
я б зря не просил,
принял бы он чашу,
осушил до конца,
лишь бы выполнить волю отца...»
Чтобы отец себя в боль не вводил,
поднялся с места Хасан-батыр,
говорит с поклоном: «Дайте чашу, я осушу,
а чем прикажете, вам послужу».
Гороглы сердито сверкнул глазами,
послушал и так ответил Хасану:
«О мой лев, мой тигренок! Ты еще молод.
Уж если негодники эти не могут —
так ты ж еще мальчик. Труден путь,
тебе до конца не дотянуть.
Да и не к тебе совсем
я обращался, а к ним ко всем!»
«О мой повелитель,— говорит Хасан,—
я ведь всё понимаю сам.
Вы об них не горюйте, о тех,
да и меня не жалейте, отец,
пусть за меня не болит у вас сердце,
я-то могу на коня усесться,
я уже мужчина, йигит,
всё смету, что на пути стоит!»
И взял у отца чашу.
«Постой,— говорит Гороглы,— ты не пей!..
Ну, им-то я цену знаю теперь.
Хотел-то послать я их, а не вас,
вы еще мальчики, ты и Аваз,
да они-то струсили, подлецы!
Слава аллаху, хоть вы молодцы.
Слушай, что говорит отец.
Ладно, разговору конец...»
Пошел спор меж Гороглы и Хасаном. Это —
вопросы их и ответы:
— Чистый цветок мой, не тронутый жаром!
Что ж ты спешишь, словно паводок шалый?
Я не к тебе обращался, а к ним!
Им — не тебе — отвечать надлежало!
— В суетном мире, в толкучке огромной,

кто помышляет о жизни загробной?
Я же подумал о долге своем —
бек, не отринь этот помысел скромный!
— Чаша такая пьется не даром!
Ты пожалеешь о слове, мне данном:
ты еще мальчик, мой милый Хасан,
дело ж — по силам батырам удалым!
— Бек, не считай меня трусом последним!
Ты меня вырастил, взяв семилетним.
Не отвергай же и службы моей,
дай расплатиться за милости эти.
— Сердцу извечно желанное снится...
Жизнь храбреца — как слеза на реснице.
В чаше моей — не простое питье:
пота и крови в ней — до поясницы!
— Храбростью с трусом не делится смелый.
Мал я годами — но воин умелый.
Бек, разреши мне тебе послужить —
я не вернусь, не закончивши дела!
— Трудностей в деле
не чуешь ничуть ты:
здесь и до цели
добраться — не шулки!
Сядь! Малолетним ли в это встречать?
Сам рассуди, коли в здравом рассудке.
— Праздно, без дела, живу я в Чамбиле.
Сыт, и одет, и щедрот в изобилье.
Но ни к чему
скучать смельчаку —
лучше рискну я, хоть после б убили...
— Подлый обманет, не сделает дела.
Слабый — не сможет, хотя б и хотел он!
Полно, мой мальчик! Тебе ни к чему
взрослое дело решать неумело!
— Храброго век не двукратен, а краток:
гибнет — а враг доживает остаток!
Чашу я принял — пусть в латах умру,
чем на пиру объедаться в халатах.
— Тут уж свою я послушаю душу:
тяжкую эту не дам тебе службу!
Сядь же, Хасан, и не требуй, сынок:
сердца приказов я не нарушу!

— Дали пустыни удобны для скачек.
Храбрый решенья не переиначит.
Смерть мне маячит —
пойду всё равно!
Путь отступленьем лишь трус обозначит.
— После меня — разве это не лестно? —
землю и власть ты получишь в наследство.
Это для них ты и должен, Хасан,
жизнь да и силы беречь с малолетства.
— Пусть и народ и Чамбиль мой родимый
бог сохранит для тебя, господина!
Ты же в узде не держи смельчака —
долг и порыв мой сведи воедино.
— Жаждет отрады душа — и покоя.
Красен мой век только рядом с тобою.
Юн ты — не знаешь, как жребий жесток,
камни дорог не изведаль стопою.
— Может, Хасан и юнец непутевый,
только врага ниспровергнуть — готовый.
Бек мой, отец, отпусти меня в путь,
чтобы не тратил я дни по-пустому.
— Верь повелителю, слушай, как друга:
слишком опасна такая услуга!
Храбрый Хасан мой, отца пожалей:
сушит напрасно лихая разлука!
— Бек, не грусти,
благоденствуй в почете,
дни проводи
на пирах и в охоте.
Только, отец,
объясни, наконец:
ты о какой нам толкуешь работе?
— Глянь: разодеты сидят и прекрасны
матушки-пери, приятные глазу...
Дело в Эрзруме, мой милый Хасан:
взять Хан-Далли и доставить Авазу.
Задумался Хасан, услышав эти речи.
«Да-а, бывают дела полегче...
Выходит, я из чужой земли
должен привезти Хан-Далли.
Залезь-ка, попробуй, в чужой двор
и сведи кобылицу, как вор.

А тут не какой-нибудь двор — столица!
И дочь падишаха — не кобылица...
Там, поди, прислужниц дюжины,
да обойти охрану нужно.
Рискни, обмани-ка слух
доброй тысячи слуг.
А народ там хитрый — зевать не моги!
И к тому же они наши враги...
Отец у ней — шах, у отца — войско.
Я-то один, а у него их — вон сколько!
Как же я у него дочь украду?
Не зря отец уговаривал: не лезь, мол, в беду.
Ох, до чего трудно! Хоть и сам Гороглы-бек
со всеми сорока совершит набег —
и то едва ли справится тут.
А одному — непосильный труд...»
Долго голову ломал Хасан,
пока, наконец, додумался сам:
«Если отказаться мне самому —
вовсе с себя я позор не сниму.
Тут хоть какая будь причина —
всё равно скажут, что я не мужчина,
А вот попрошу у отца для меня
Гиркука, его коня:
он-то, конечно, откажет, не даст —
и будет повод для нас.
Если, мол, вы коня пожалели,
как же мне добраться до цели?
Приходится выбирать из двух зол:
просто так отказаться — вечный позор...»
Почему Хасанхан, на хитрости горазд,
хотел на Гиркука свалить свой отказ?
Да ведь ясно: Гороглы Гиркука любил
больше всех сокровищ своих любимых,
больше жен своих — пери Юнус-агы
и Мискал,
больше сыновей, которых сам отыскал.
Потому-то Хасан и решил попросить Гиркука:
это — отказа порука.
Решив, что так он избегнет бед,
сияет Хасан, как весенний цвет,
и о своем

разливается соловьем:
«Родину нашу Чамбилем зовут.
Так называют отчизну явмут.
Сын твой, Хасан, снаряжился в дорогу —
дай, повелитель, Гиркука ему.
Ты Чамбильбея владетель и вождь.
Недруги — следом, куда ни пойдешь.
Дай же Хасану чудо-Гиркука,
что повергает недруга в дрожь.
Ты шахиншах необъятной страны,
благословением страх устрани.
Дай мне Гиркука — счастья поруку
в самом начале трудной страды.
Трус я, храбрец ли — сам испытай:
суд твой высокий — свят, государь!
Но, как о друге, прошу о Гиркуке —
чтобы живым воротиться сюда.
Как мне не плакать — горек удел
всех, кто со смертью спорить хотел.
Пусть она сгинет!
Вспомни о сыне —
дай мне Гиркука для воинских дел.
Слов, горемыка,
я не занимал.
Пери владыка,
шах Сулейман!
Взялся Хасан за нелегкую службу —
и о Гиркуке возносит слова.
Смелому крыльями кажется конь,
если сольется в одно с седоком.
Милости ради
прошу о Гирате —
к цели пробиться на звере таком.
Если Гиркука мне дашь под седло —
сын твой, увидишь, добьется всего.
Дай же коня хоть на время Хасану —
так ты поддержишь геройство его!
Конь твой — как птица над ширью земли.
Бек солнцелицый, Хасану вели
сесть на Гиркука, просьб не отвергни —
мигом доставлю тебе Хан-Далли.
Храбрый, коль беден — стыдится ль забот?

Тот, кто бездетен — впустую ль живет?
Милый отец, я спешу к Эрзеруму —
дай же Гиркука мне в этот поход!
Милый отец, я решения жду.
Дай мне Гирата, вручи мне узду.
В крепкую руку повода Гиркука
отданы будут, врагам на беду.
Если бы жребий ты мой усладил
и на Гиркука меня усадил —
верь мне, Хасану: в чуждые страны
я бы без страха поехал один.
Волею отчей
иду, одиноком,
путь не отсрочу
ни на денек.
Нет мне награды лучше Гирата —
друга батыров, бека дорог!
Будь подо мною крылатый тулпар —
я бы в барханах не утопал:
службу исполнил споро и полно —
всюду прославил твой царственный дар!
Я бы галопом
промчал по лугам,
тупоголовым
задал врагам,
я бы доставил Далли, повелитель,
вдвое быстрее, чем ты полагал!»
Теперь, после Хасанова слова,
Гороглы-бек ободрился снова,
светлеет ликом,
говорит с улыбкой:
«Слава тебе, лев мой, храбрый мой воин!» —
и продолжает, Хасаном доволен:
«Выпадет дождь — и прибавится грязи.
Пусть же твой враг в этой битве увязнет
Сотни гиркуков в жертву тебе,
если ты вызвался в бой без боязни!
Мечен тулпар золотою подковой.
Нету йигита второго такого:
сотни гиркуков в жертву тебе,
если выходишь ты, к бою готовый!
Бек за тебя да останется жертвой!

Век ты мой скрасил отважностью этой.
В деле нелегком решив послужить,
сам на отцовскую слабость не сетуй!
Скорбь отожду я в слова по крупице!
Сила явмут да растет и крепится!
Если решается сын послужить,
кто для него на коня покусится?
Славный Хасан, ты старался и вправду.
Дам скакуна за усердие в награду.
Жертвой твоей да падет Гороглы!
К цели придет оседлавший Гирата...
Службой оплатишь — надежную данью.
Конь будет твой — не томись в ожиданье.
Пусть же скакун будет жертвой твоей!
Что ни захочешь — исполню желанье.
Внемли отцовским, Хасан, повеленьям:
сядь на коня, что быстрее оленя!
Воину, что послужить захотел,
самого лучшего не пожалеем.
Мелкая сошка — великим не пара.
Не стригунка ты берешь, а тулпара!
Сыну, что вызвался мне послужить,
не пожалею бесценного дара.
Пляшет Гиркук, ожидая событий.
Всяк позавидует, кто ни завидит.
Принарядись, на Гиркука садись...
Пару прекраснее мне назовите!
Чтобы как надо исполнил ты службу,
дам я Гирата, дам и оружие.
Не посрами же, Хасан, Гороглы,
недругов встречных в пути обнаружив.
Видно, отважными вырастил вас я...
В путь же, Хасан мой, как сам вызывался!
Не расслабляйся — не вышло бы так,
что перед недругом ты зазевался!
Юность твоя расцветает тюльпаном.
Сядь на Гиркука — ив путь по барханам!
Не возвращайся назад без Далли,
если зовешься не зря Хасанханом!
Вскачь, Хасанджан, на Гиркуке крылатом!
Был ты давно ли ровней ребятам?
Ты еще мальчик... Езжай же, сынок,

И с Хан-Далли возвращайся обратно.
Дочь у безбожного шаха похитив,
сети порвав, не запутайся в нитях!
Из Эрзерума — прямо домой...
Так ты сумеешь опередить их.
Смелой, умелой рукой молодецкой
розу из сада выхвати дерзко —
сладкоречивую Хан-Далли,
что называет народ чародейкой.
Силою страшен
недругам нашим,
редкую птицу отбей в рукопашной.
Выкрав Далли,
смело дели:
слава — себе, а позор — кизилбашам!»
Вот теперь Гороглы развеселился,
щедрый дух какой-то в него вселился:
дам, думает, Хасану Гиркука —
и подмога будет ему и наука.
Смиряет великодушно в груди бурю,
обращается к конюшему Саки Бульбулю,
с дружиной дружному Саки Бульбулю:
«Зорю встречает базар воробьев.
Дервиш не чаёт дозваться рабов.
Эй, оседлай моего иноходца:
храбрый Хасан навещает врагов!
Как оседлаешь Гиркука, Саки —
так Хасанхана в седло посади.
Он хоть и молод —
разумом может
соревноваться со старцем седым.
Слушай, Саки, и запомни приказ —
хлеб мой и соль ты отведал не раз:
седлай Гирата!
Конь мой крылатый
будет такому всаднику рад.
Вождь всех удалых я в Чамбильбела.
Сызмала сила в сыне спала.
Седлай Гирата!
Конь мой крылатый
долг свой Хасану исполнит сполна.
Ведь у тулпара крепок хребет!

Просит недаром Гороглы-бек:
нужен Гиркук для похода Хасану —
на Эрзерум он замыслил набег.
Враг нас попомнит
до смертного дня.
Киньте попону
скорей на коня!
Шах скакунов повезет Хасанхана,
к цели домчит, головы не склоня.
Если Хасан и не знает чего —'
учится пусть и не хмурит чело.
Парню наука — скачка Гиркука.
Смело сажайте Хасана в седло.
Долг свой исправно выполни, дед,
славно Хасана в путь приодев.
Сядет высоко храбрый мой сокол,
создан для сотен доблестных дел».
Шелком зеленым
стелется луг.
Низким поклоном
приветствуя люд,
бек из конюшни кличет конюших:
пусть-де батыру коня приведут.
В ливне весеннем
вымокнет сад.
Сердце не всех ли
тронул Хасан?
Вывел Саки из конюшни Гиркука,
как Гороглы приказал ему сам.
На ухо что-то шепчет коню —
мыслей Саки не узнать никому! —
вывел на луг, привязал он Гиркука,
кольшек вбивши на самом краю.
Сбрую сначала сбросив совсем,
молча Гиркука седлает при всех.
Шерстью сверкает Гиркук среди поля,
мастью играет: черен — иль сер?
Ерзает повод на длинном колу,
пляшет Гиркук, не стоитя коню,
трудно Саки, не с руки старичине:
крутится конь, как волчок на кону!
Мышцы катаются в теле тугом.

Дед наш умаялся в деле таком.
Еле Саки успокоил Гиркука.
Чистит и чешет его гребешком.
Шепчет Саки скакуну потихоньку:
«Бог да смирит тебя, бешеный конь!
О всемогущий, что я могу?
Стар я тулпаров седлать на скаку!
Э, да уймись ты, конь норовистый,
утихомирься, чертов скакун!
Сызмала я при тебе состою,
жемчугом гриву украсил твою.
Зла ли желаю? Дай оседлаю —
я ведь худого не сотворю!
Срежет садовник
лучший цветок.
Господа вспомнит
бедный седок.
Да ведь покуда снял я подпругу —
сам от натуги чуть не подох!
Может аллах нас рая лишить —
но без рассудка стоит ли жить?
Чуть не свихнулся, нагрудник снимая.
Сдерну наушник — лишусь и души!
Души заблудшие — вера щадит.
Кровью умоеся лживый шиит.
Крою коня дорогою попоной —
край ее пестрый золотом шит!
Горе, как ржу, не отчистишь, друзья.
Край наш туркменский — отчизна моя!
Вытру Гиркука тряпкой парчовой.
Хвост заплетенный — точно змея!
Кто по дорогам дальним прошел —
мужества тайны все превзошел.
Старый Саки иноходцу на спину
потника ладит ласковый шелк.
Беки на западе смотрят в трубу.
Мастер, позавтракав, годен к труду.
Я же, Саки, да на потник из шелка
сверху и бархат плотный кладу».
Сорок — граница радостным дням.
Наром гордится каждый степняк.
Старый Саки подседельник расстелет,

потник добротный с лошади сняв.
Души батыров — кладезь добра,
у завидующих — просто дыра.
Снова Саки на коне расстилают
потник добротный из шкуры бобра!
Мудрость муллы, словно книга, стара.
В тайнах ремесел сильны мастера.
Дед поднимает, с лукой золотою,
седло литое из серебра!
Медленно к цели паломник шагал.
Слезы блестели, текли по щекам.
Так же и стремени два золотые
блещут, висят у коня по бокам!
Шелковой грива подобна кайме.
Только и речи — о дивном коне.
Старый Саки ременную подпругой
крепит седло на лихом скакуне.
Пери прекрасны у нас на пирах —
ангелов создал прекрасней аллах!
Кроет коня дорогою попоной,
золототканый покров разостлав.
В розы Ирэма влюблен соловей.
Смерти удары — что солоней?
Деда Саки необъятна попона —
кисти до бабок свисают у ней!
Кожаной сбруей Гират захрустит.
Скажете «Чу!» — он обгонит и птиц!
Дедом Гиркуку надетый подхвостник
дюжиной бляшек бесценных блестит.
Сызмала выбран святыми для битв,
копьё изукрашено от глаз до копыт.
Плеть, заплетенная по-чигатайски,
дедом подвешена, сбоку висит.
Трость в изумрудах свисает с луки.
Красный нагрудник готовит Саки.
Вся в украшениях конская шея,
вся в серебре и камнях дорогих.
Чудо-Гиркука из ханской конюшни
к беку подводят с правой руки.
Рядом с грызущим железо конем
пышет Хасан молодецким огнем.
Молнии пламя, язык ли змеиный,

узкий кинжал ли без ножен при нем?
Вот он, решившийся в путь к Эрзеруму —
взглядами разом к Хасану прильнем.
Перенял много Хасан от отца.
Рад он — и радость вокруг без конца.
Сорок дружинников кинулись разом
стремя держать, посадить молодца.
Всем поклонился парень вокруг,
сел на Гиркука — пляшет Гиркук.
Так из отчизны — Таки-Явмута —
в дальний отправился он Эрзерум.
Сев на коня, сердцем — в пути,
словно бы вырос юный батыр.
Так из отчизны — Таки-Явмута —
в путь к Эрзеруму он выходил.
Вот теперь Хасан, как цветок, сияет,
как селезень, перья расправляет,
пока под ним, дороге рад,
танцует Гират.
Перед всей улицей,
как павлин, красуется,
в парчу и золото одет —
оглядывается, где дружина, где отец? —
изгибается, как тростник,
благословенья просит у них.
Чамбильбела, где прошло мое детство,
где оступившимся — братья поддержка,
благословения жду твоего:
в нем и подспорье мое и надежда!
Пусть, горемычный, слез я не прячу —
не о себе я, о родине плачу.
Так помолитесь же, бек, мой отец,
о возвращенье моем и удаче.
Милый Чамбиль, где я рос и резвился,
где я в бойца из мальчишки развился,
ты — моя Мекка, Медина моя,
путеводительный знак на развилке!
Сад покрывается цветом весенним.
Еду, в пути оставляя селенья.
Дальше молитесь, отец, за меня
вслед за сегодняшним благословеньем.
Пусть ниспошлет мне силы всевышний,

в путь необычный нынче я вышел.
Утренней вашей молитвы слова
я в набегающем ветре услышу.
Эта разлука —
сердцу разруха.
Только молитва — мира порука.
Благословения просит Хасан.
Не позабудьте же сына и друга.
Был я мальчишкой, смелым и шалым —
мужем я стал, обзавелся кинжалом.
Благословите, отец мой, меня
и помолитесь с искренним жаром.
Бек мой, душой оставайтесь с Хасаном.
Ведь равнодушие сравнимо лишь с адом.
Вы же — молитесь, отец, по утрам,
чтобы вернулся к вам сын, а не саван.
Ваша молитва — помощь в дороге,
смелость для битвы, гордость, здоровье.
Благословение ваше, отец,
сына поставит с храбрыми вровень.
Юн ведь Хасан, станом могучий,
словно тюльпан, в мае цветущий.
Будет достаточно сыну в пути
вашей молитвы, от сердца идущей.
Мы ведь с Гиркуком не озоруем —
многих зарубим под Эрзерумом.
Благословенье ваше, отец,
будет со мной, и с конем, и с оружием.
«Призрак—из гроба, милость — от мужа;
Доброе слово путнику нужно.
Ваша молитва, сила моя
недруга дружно в битве порушат.
Враг не дождетя славы кровавой.
Нар я с поклажей, без каравана.
Сорок друзей, помолитесь со мной —
нас не одна ли весна согревала?
Сорок йигитов, могучие братья,
в битве — любой из вас лев, без изъятя.
Так помолитесь и вы обо мне —
ради Чамбила и дружества ради.
Бродят на кручах стада без охраны.
Ловкий стрелок караулит архара.

Беки, молитесь о брате своем —
да упасется от смерти, от раны.
Беки, услышу ль отцовские речи?
Даст ли всевышний вернуться из сечи?
Благословите, батыры мои,
чтобы дожить мне до радостной встречи».
Смерть не минует ни нищих, ни шаха.
Слова для славной картины не жалко.
Руку высоко вознес Гороглы —
и Хасанхан в ожидании жадном...
Пери в дому — перед речью в волнении.
Сам Гороглы — словно речка, в волнении.
Сорок дружинников молвят «аминь»,
чуть лишь он руки сложил для моления!
«Долго я ждал и терзался, бездетен.
Сын — мое счастье, аллах мне свидетель!
Милость зову на сыновню главу,
небу вручаю молением этим.
Рос он в Чамбиле, всечасно крепчая.
Сын мой! Опоры иной я не жаю.
Маленьким был ты, а вырос могуч.
В путь! Я аллаху тебя поручаю.
Горем Чамбиль заморозит разлука.
Сладкая речь — не для горького слуха.
Сколько пророков ни видывал мир —
всем поручаю тебя и Гиркука.
Где бы утесы в снегу ни сияли —
птицы гнездятся над белым зияньем.
Сколько пророков ни видывал мир —
пусть они все тебе станут друзьями.
Жить без отчизны, аллах, непосильно.
Коль клевета не коснулась — спасибо.
Духи святые — гайиб-эраны —
вам поручаю отважного сына.
В жизни ведь горе и радости — рядом.
Резво скачи, управляя Гиратом.
Цели достигни, Хасан, и в Чамбиль,
жив и здоров, возвращайся обратно.
Страсть соловьиная льется над садом.
Радость расти, а не грусть и надсаду!
Долю твою я вручаю святым,
чтоб невредим ты вернулся назад к нам.

Семеро мудрых жили в уладах.
Духи святые, наставники слабых,
пусть возвратится мой сын невредим,
провозглашая всевышнему славу!»
Тут Гороглы и вся дружина
Хасан-батыра окружила,
в путь благословила.
А под Хасаном танцует Гират,
грызет уздечку, яр и рад,
Хасан сияет, как майский цвет,
отца и друзей получив совет,
и с напутствием, понемногу
выбирается в путь-дорогу.
Как выехал он из ворот,
по обе стороны стоял народ.
Мужчины на улицу вышли,
женщины и дети — на крыши.
Все на него глядят,
Хасан поздоровался со всеми подряд,
со старым и малым,
с йигитом и аксакалом,
обращается к тем и к этим,
ко вторым и к третьим,
к старухам, женщинам, девушкам, детям:
«О бедный люд,
все, кого я вижу тут,
все седобородые, все седовласые,
благословенья прошу у вас я!
Вон их сколько, женщин на крышах,
их молитвы будут услышаны!
А ведь я еду в сторону дальнюю,
родину покидаю
для пустой пустыни, для чуждых стран,
еду прямо во вражий стан!
Дай бог свидеться, мертвым не лечь...»
И дальше сказал он такую речь:
«Как повелось, мы поплачем в дорогу,
доброй беседой разгоним тревогу,
руки сложите, скажите «аминь»
и помолитесь за путника богу.
Речка несет корабли или лодки.
Перед судьбой и пройдохи неловки.

Весь поглазеть набежавший народ
молится пусть за поход мой нелегкий.
Яблоки, сливы из сада выносим.
Дороги дни в урожайную осень.
Этот до зрелища жадный народ
пусть за меня вседержителя просит.
Чамбильбела —
это родина наша —
жизнь нам дала
и спасла не однажды.
Не на меня ли взглянуть вам охота,
бедные пахари и скотоводы?
Вы-то что ж медлите молвить «аминь»,
важные люди, народ благородный?
Воздухом общим в Чамбиле дышали,
вместе батыры росли и мужали.
Благословения жду я от вас
юноши, дервиши, старцы, ишаны.
Склоны горы теневые в тумане.
Люди, стоящие перед домами,
благословите в дорогу меня —
дервиш, мулла да и все мусульмане!
Ястреб кольцом не бахвалится новым.
Важное дело — решает сановник.
Руки поднявши, скажите «аминь»,
благословите мой подвиг сыновний!
Чамбильбела — мой очаг и отчизна.
Юн я — и пламень в душе моей чистый.
Молви «аминь», мой речистый народ,
да помолись, чтоб беде не случиться.
Конь подо мною, Гиркук неумный.
Сын Гороглы я, чьи земли огромны.
Жду я хорошей молитвы от вас,
чтобы «аминь» заключил ее громкий.
Звонко гарцует Гиркук, не раскован.
Путь в Эрзерум и далек, и рискован.
Все помолитесь, стар или млад,
сладок мне голос участия людского.
Слов мы немало сказали друг другу.
Пусть победит ожиданье разлуку.
Девушки, слабых священные мольбы —
к сердцу прижмите нежную руку.

Света рабыни святы чертами:
очи, как звезды, бровей очертанья.
Слабым дарована сила молитв.'
Вы бы, красавицы, их прочитали!
Горе аллахом да отвратится!

Недруга храбрый не побоится.
Ваши аллаху угодны мольбы,
нежные девушки и молодницы.
Тонкие станом, хрупки плечами...
Да не мрачат вам душу печали!
Добрые матери, ваши слова
путнику к цели путь облегчали.
Вот ухожу я горькой дорогой,
чашу разлуки пью у порога.
Весь помолись, о мой добрый народ!
Путь мой пролег далеко, одиноко...
Пусть бы, живя
в ласковой шири,
вы у себя
век не тужили!
В дальние дали уходит Хасан.
Свидимся ль снова? Были бы живы!
Скачет скакун долгою степью,
мнет на скаку тонкие стебли.
Радости всякой вам, люди! Аминь!
Свидимся ль вновь мы, отчие стены?
Трель соловьиная — речи Хасана,
ликом — цветок он из майского сада.
Вторят ему люди явмут,
благословить его тянутся сами.
Нас половодье речей заливало.
(Духи — во власти очей Сулеймана).
Все, как один, прокричите «аминь!»,
благословите путь мой немалый.
Чамбильбела — это край мой родимый.
Гороглы-бек — мой защитник единый.
Молод я — к вам я взываю: меня
благословите все, как один, вы!
С благословением воин уедет.
Борет разлуку воля к победе.
Я еще молод —

господа молят
пусть обо мне и друзья и соседи.
Кто отрекался от бренного мира?
Я оставляю всё, что мне мило.
Грома раскатом грянет «аминь!» —
Пусть неудачи мчат себе мимо».
Пусть и лихой твой конь не устанет,
пусть и плохой твой день не настанет,
бог да поможет избежать беды,
втуне желаний твоих не оставит.
Пояс Хасан украшает алмазом.
Скажем «аминь» — и помолимся разом.
Если беда угрожает тебе —
бог да наставит душу и разум!
Все возглашаем разом «аминь» мы.
Больше не будет бед и в помине.
Крепче косичку, Хасан, завяжи.
Храбрых от века враги не сломили.
Знай, что добра тебе хватит любого:
быстрых коней и удачной любви.
Только в бою не беги, Хасанджан,
бейся — не бойся ни смерти, ни боли.
В жизни живи себе, сколько живется,
счастья пожнк себе, сколько пожнется.
Горестей вовсе не знай, Хасанджан,
черпай желанья из жизни колодца.
Будь, Хасанджан, и живым и здоровым,
срок тебе долгий для жизни дарован.
Бог тебе в помощь! Аллахуакбар!
Будь безопасен твой путь по дорогам.
Где бы ты ни был — будешь ты первым.
Водят святые конем твоим верным —
сорок чилтанов, гайиб-эраны...
Бог тебе в помощь! Будь нам примером!
Как танцевать ты заставил Гирата,
так и во всем ты выискивай радость.
Будь безопасен трудный твой путь,
жив, невредим возвращайся обратно.
Гайиб-эраны да сочтут тебя другом,
будешь ты всюду с крылатым Гиркуком,
всюду укрытый охраной двойной —
вечной защиты таинственным кругом.

Пусть в караване будешь ты наром —
помнить о прочих первому надо.
Выбери меч исфаханский, жену,
краше которой степь и не знала.
Понароди сыновей да и дочек,
скот твой в долинах достаток упрочит.
Цветом весенним,
светом веселья,
вечным везеньем
сверкай среди прочих!
Пусть погибают враги Хасанджана,
вечно сияют деньки Хасанджана;
пусть по дороге его не язвит
горькой разлуки острое жало!
Люди, скажите разом «аминь» — и
доброй молитвой горы мы сдвинем.
Вот на Гиркуке едет Хасан —
солнышком ясным на небе синем.
Едет Хасан, горячится Гират,
грызет удила, полететь горазд.
Завидуют все, кто идет навстречу,
заводит Хасан веселые речи
(если б теперь их увидел враг,
задумался да и сник бы враз).
Едет Хасанхан, и Гороглы не слеп:
стоит и смотрит Хасану вслед.
Слышал он слова, что сказаны им,
слыхал, как народ закричал «аминь».
Видел, что из дому обе пери
тоже выглянули, не утерпели.
Да и сам он
порадовался за Хасана,
но как вспомнит, на что сын идет,
всего покрывает холодный пот.
Жалко послать на такое подростка,
но удержать его тоже не просто.
Если сказать ему: «Нет!
Тебе, мол, мало лет»,
так ведь не устроишь
этим затор,
только устроишь
этим задор...

Послать с ним дружину — он не рад,
самому поехать — дела не велят...
Такая вот смута в душе наступает,
когда против воли человек поступает.
Вслед Хасану на пути
крикнул Гороглы-бек: «Погоди!»
В мыслях Хасан-то уже в походе,
но услышал, натянул поводья.
Подошел Гороглы-бек, протягивает руку,
берет за уздечку Гиркука,
смотрит на своего юнца,
глаз не сводит с лица —
как не понять отца! —
жалко ему, нету силы
отпустить в разлуку сына,
вот ему снова
и говорит напутственное слово:
«Вот о разлуке несколько слов,
об одиночестве, черном и злом.
Попридержи, Хасанджан, иноходца,
слово напутствием следом пошлем.
Прежде чем мир пустят на слом,
слово к аллаху отпустим послом.
Попридержи-ка, Хасан, иноходца,
это напутствие следом пошлем.
Чуть лишь, Хасан, минешь пески,
вскачь скакуна дальше пусти.
Выслушай слово, Хасан, о разлуке —
горькие мысли отца не пусты.
Будешь пустою степью скакать —
будем тоскою злой тосковать.
Мать и отца помни в разлуке,
горькую речь дай досказать.
Тут под тобой пляшет тулпар,
там без тебя вянет тюльпан.
Мать и отец сохнут в разлуке:
цел молодец — или пропал?
Милый Хасан, конь твой крылат.
Ты ведь и сам странствию рад.
Мать же с отцом плачут в Чамбиле,
слезы со щек наземь скользят.
Перевалив множество гор,

с кем-то начнешь бой или спор.
Не забывай всё же при этом
этот с тобой наш разговор.
Не без следа слезы со щек.
Снова слеза — кто их сочтет?
Высохнет мать в долгой разлуке,
саван себе ранний сошьет.
Как же не лить матери слез,
думать: живой — или уж слег? —
и, что ни день, слепнуть от плача,
сердце травить горечью слов?..
Что же, скажи, сын, и следи:
время в пути — встречи с людьми.
Пусть тебе путь сгладят святые.
Волей аллаха — вернешься с Далли...
Если же дело не выйдет, Хасан —
вспомни тогда, что я сказал:
в землях чужих не укрывайся,
кару себе выдумав сам.
Скажешь: Далли, мол, не добыл,
не оправдал дерзостный пыл —
что я отвечу Гороглы-беку,
как я вернусь в милый Чамбиль?..
Я — по твоей сохну вине.
Скроешься — мне горе вдвойне:
стану искать всюду по свету,
силы сгублю в долгой войне.
Слово отца: добыл не добыл —
ждет молодца, любит Чамбиль.
Встретят тебя тут, как родного,
глядя, кем стал, помня, кем был...
Встретишь дурных — зло во плоти —
злом им за зло не отплати.
Перенимай добрых повадки,
светлый пример в жизнь воплоти.
В дружбе держись чистых людей,
мудростью мудрых — сам овладей.
Ждать за добро воздаяния — дурно,
горечь неверья — злобы лютей.
Помни, что каждый, дружный с дурными,
сам не избегнет черных сетей.
Ты, произросший от зерен жемчужных,

в край улетаешь дальний и чуждый.
Милостей свыше всечасно не жди —
щедрых уловов от каждой речушки.
Не по пути тебе с тем, кто не ровня.
Знай себе цену — но вежливость помни:
первым приветствуй встречных в пути!
Немощным помощь — подвиг бескровный.
Сын мой, Хасан мой, опора моя,
зря не гордись и веди себя скромно!
Ты уезжаешь — рай я теряю.
Мать зарыдает, меня укоряя.
Сын мой, Хасан мой, гордыню смири:
вот что лишает праведных рая.
Соколов семьи живут на высотах.
Клады души запечатаны в сотах.
Ангел за гордость в шайтаны попал —
злее соблазна создатель не создал!
И на отважного свалятся беды.
Добрые, злые он слышит советы.
Помни же отчие речи, Хасан —
мудрым воистину свойственно это.
Слушай слова мои, сердцем внимая.
Что бескорыстней отцова вниманья?
Если ж когда-нибудь им пренебрег,
после — хоть поздно! — поплачешь немало.
Зверем гарцует Гиркук под тобою,
имя прославишь ты славной судьбою.
Слушай, Хасан, наставленья отца:
из-за тебя я не знаю покоя.
Верил всегда я: плохим ты не станешь,
людям в наследство грехи не оставишь,
чтобы, кусая локти, в тоске,
в вечном пути не лишиться пристанищ.
В путь же, сынок, что йигиту положен,
будь же, сынок, и с плохими — хорошим.
Я поручаю аллаху тебя —
дальше живи, как доселе ты прожил.
Поводыри наши, духи-пророки,
что помогали уставшим в дороге,
вам я вручаю Хасана судьбу —
не оставляйте его одиноким.
Семеро дервишей жили в веселье,

на остальных же заботы висели.
Будь из семьи этих семи,
соколом взмой над заботами всеми!»
Приняв наставленья и благословенье,
укрепившись в отваге и вере,
слыша приветствия там и сям,
всем отвечает улыбкой Хасан —
знай лишь в седле повернется живо
то к отцу, то к дружине,
да и ко всем вокруг,
сияет, как солнечный круг,
пляшет под ним Гиркук,
распускает крылья,
ждет, чтоб ему простор открыли.
Вот поскакал он к большой дороге,
а за ним, при всем народе,
бежит Гороглы, взявшись за стремяна,
улица полным-полна,
на сердце прощанье, в глазу слеза.
Проводили в путь — вернулись назад.
Вот и довелось батыру нашему:
едет себе один-одинешенек,
по большой дороге туркменской —
Эр-Хизира, гиблое место,
пустыня, пески —
едет и думает: «Господи, помоги!
Рабу своему опорой будь,
один ты, создатель, знаешь путь,
только б молитву мою услышал ты
и вывел, аллах, раба Хасанхана!»
Милостью нас одаряет творец.
Долю свою принимает мудрец.
С благословенья Гороглы-бека
в путь выезжает Хасан, наконец.
Храброго мать уж таким уродит.
Камню оправа отнюдь не вредит.
Камень бесценный лежит без охраны.
Едет один по пустыне йигит.
С полным запасом воды в бурдюке,
трут и кремень зажимая в руке,
с благословенья родного народа
выехал в путь Хасанхан налегке.

Пояс стянул без особых потуг.
Булькает сбоку тяжелый бурдюк.
Просит Хасан: «Не оставь меня, боже!»
Ровно и весело едет Гиркук.
А на луке-то кольчуга висит,
а за спиной перевернутый щит.
С думой о боге в дальней дороге
храбрый Хасан к Эрзеруму спешит.
То запоеет, то смолкает опять,
как верблюжата, зовущие мать,
ах, полюбуйтесь храбрым Хасаном,
что Хан-Далли снарядился искать.
А скакуну его мчаться не лень —
вот и сейчас он летит, как олень.
В беге испытан, легок, подтянут,
к дальним вершинам спешит он весь день.
Всюду пески — и вблизи и вдали.
С думой о цели, о дальней Далли
одолевает безводье пустыни —
ада явленье на лике земли.
Яр и неистов конь, как стрела,
мчится со свистом, скачет стремглав.
Стоит дохнуть ему — ветер полдневный
шарит в долине, жарищу стремя.
Среди безводья мчится Гират—
словно бы птица в снежных горах!
Так и мелькает тело Гирата,
словно летящий из пушки снаряд.
Среди барханных бесчисленных стад
пулею мчится скакун, не устав.
Ичиги трутся о стремя со скрипом,
сохнет дыханье на жарких устах.
Клонится всадник в порыве — вперед.
Скачет, утративши времени счет.
С чмоканьем хлещет камча иноходца,
словно бы ветер со снегом сечет.
Неутомимый бег их вперед —
как соколиный ловчий полет.
Мчится и мчится скакун по безводью —
только что ветер навстречу поет.
Черной стрелою, громадный такой,
свет затмевает чудовищный конь.

Дать ему волю, ослабить поводья —
птица за ним не успеет вдогон.
Что же коня понукает йигит?
Ярость Хасана и дивов дивит:
чуть лишь замедлится скачка Гиркука,
от нетерпенья он так и кипит.
Вздрогнет скакун от удара лихого —
мир оглушается громом копыт.
Вновь он и вновь он заносит камчу —
трудно осилить себя силачу.
Полнится громом пространство пустыни —
ярость Хасана ей не по плечу.
В даль за Далли устремился отважный —
будет на чем разгуляться мечу.
С маху Гиркука камчою ожег—
боль пронизала, видать, до кишок!
Так, что заставил вздрогнуть пустыню
чудо-Гиркука ярый прыжок.
Конь без топх.уже скачет как черт —
он его снова камчою сечет.
Ярости слезы в глазах у Хасана —
так уж влечет его битвы почет.
Скачет, не видя ни гор, ни низин —
тут бы другой головы не сносил.
Мчит по безводью Хасан на Гиркуке,
просит у бога подмоги и сил.
Из-за Далли в Эрзеруме далеком
всё он веселье в душе погасил.
Молит святых он, шайтана клянет.
Тверже алмаза в ножнах клинок.
Скачет отважный Хасан по пустыне,
словно голодный лев, одинок.
Звяканьем сабли округа полна,
золотом чистым блестят стремена
там, где доселе только шакалы
с воем шагали
во все времена.
Это запас в бурдюке не иссяк
или гусиный гогочет косяк?
Словно стремительный беркут по высям,
мчится Хасан по пескам на рысях.
Скажет он «чу» —

и посмотрит вокруг.
Чуя камчу,
встрепенется Гиркук.
Скачет Хасан по степному безводью,
не выпуская поводья
из рук.
Пыли встает
впереди пелена —
мчит он вперед,
горячит скакуна!
Будь это недруги — храбрый не дрогнет,
хоть перед ним и стальная стена.
Рубит он воздух, как вражию сталь.
Скачет Гиркук по пустынным местам.
Долго скакал Хасанхан по безводью —
видно, и он притомился, устал.
«Чу! — говорит он Гиркуку-коню.—
Что ж ты не рвешься, когда я гоню?
Пусть одиноко —
бог нам подмога.
С именем бога главы не склоню!
Пусть, о аллах, я в пустыне ослаб —
ты не оставь меня, силы послав.
Я, Хасанхан, ради воинской славы
душу отдам — ради лучшей из слав!»
Перепоясан
туго Хасан.
Вышколил разум,
руку Хасан.
Так полюбуйтесь, друзья, на батыра:
встретит не раз он
друга, Хасан!
Крикнул он «чу» — иноходец бежит,
хочет Гиркук иль не хочет — спешит.
А Хасанхан призывает аллаха,
силы в молитве находит, спешит.
Гонит коня, словно давши обет
наибыстрейший испробовать бег,
хлещет и хлещет камчою Гирата,
чуть не наделав воистину бед.
Носят из плюша поплоше Щтаны
те, что ходить по канату должны.

Но скакуны ведь не канатоходцы —
бил он Гирата без всякой вины.
Мокнет Гиркук, покрывается пеной,
пот из-под потника льет со спины.
Но понемногу в себя он пришел,
черные уши поставил ковшом,
вытянул шею, силы нашел —
вроде бы вылечил сердца ожог...
И посмотрите теперь на Гирата —
пряма, как струна, и лоснится, как шелк!
Скажете «чу» — и возьмет он разгон
аж до Дербента, до лысины гор!
Только от пыли бы вычистить гриву
да обтереть его разик-другой...
С ходу возьмет он каждый подъем —
хоть обойдет он, что не по нем.
Перелетает арыки и реки:
всюду пройдет он, куда ни пойдём.
А украшенья на шее спешат
выдать любое движенье и шаг,
и между черных ушей иноходца
золотом чистым блещет шишак.
Если дорога немного ровней —
пляшет Гиркук, пробегая по ней.
Глядя на это, от зависти б лопнул
каждый, кто впрямь понимает коней.
Ну, а теперь полюбуйтесь Хасаном —
скачкой лихою доволен и сам он,
к цели желая добраться скорей.
Мох у арыка,
в речке бобры.
Скачет он лихо
в гору, с горы.
Гонит коня он, не разбирая
утренней или вечерней поры.
Верный, крылатый несет его конь.
Очень он кстати в дороге такой.
Гляньте, как муж скачет туркменский,
дергая повод могучей рукой.
Если Гиркук — настоящий тулпар,
так и седок ведь под пару попал:
бек уж добычи никак не упустит,

если в пути попадется архар.
В красном Хасан. Постарался, поди,
он и косичку себе заплести.
Если в пути повстречает оленя —
он уж ему не позволит уйти.
Не уступая дороги своей,
мчит он, как пуля, сквозь ветер и свей.
Зверь ни за что не уйдет от батыра,
если какой повстречается зверь.
Словно охотник небесный, крылат,
птиц он настигнет — хоть десять подряд
Чтобы разлуку скрасить Хасану,
ржаньем округу полнит Гират.
У Эр-Хизира, в безводной пустыне,
едет Хасан, одинёшенек ныне,
один у него спутник, один друг —
верный Гиркук.
Понукая его, гоня,
глядит батыр на своего коня.
А конь в безлюдном месте этом
веселит хозяина своим цветом,
то и дело меняет цвет,
точно дневной измеряет свет,
опустив гриву,
семенит игриво,
а сменит ход —
летит, не идет,
растопырив ноги,
станет поперек дороги,
глянет в стороны,
заржет задорно,
уши торчком,
вскинется вдруг,
всё дальше и дальше идет Гиркук.
Глядит Хасан — конь, нет-нет, ‘
снова и снова меняет цвет,
с каждым мигом блестит иначе,
скачет себе по пескам и скачет.
Вот как скакун себя показал!
Едет и смотрит на него Хасан —
на могучие конские стати,
на стройные ноги, что в пути не устали,

и, словно впервой,
снова глядит
на литой
полумесяц копыт,
холит в походе —
гладит по холке.
Ведь славный Гиркук —
он что за скакун?
Велик, как султан,
избалован, как ишан,
надежней испытанного батыра,
жарче лепешки едва из тандыра;
почует чужака —
уши в два вершка,
уж так-то горд —
превыше гор.
Посмотришь сзади —
словно тигр в засаде.
Велик он и сам,
а копыта — с казан.
Смотрит Хасан,
гордостью дыша,
так и крепнет от радости душа,
глядит на коня и гладит:
таких, говорит, нет и в небесной рати,
таких четвероногих
видом не видали земные дороги.
Среди всех коней славных
не было тебе равных.
Такой, говорит, как ты, тулпар,
еще по этой земле не ступал...
Небом, говорит, не будет забыто
желанье седлавшего тебя йигита!..
И дальше, словами, как струнами, звеня,
хвалит и хвалит своего коня:
«Годовалым Чилтан тебя дал, годовалым.
Ты богатством для бедного стал небывалым.
Ты ребенком бездетного сделался, конь —
все задачи решал, что тебе задавал он.
На вершину Сунбула поднялся ты рано,
годовалым увидел красоты Ирэма.
В том волшебном саду, где жилище Санам,

за тобою красавицы шли невозбранно.
Года в три тебя снова в поход оседлали —
На Райхана мы с беком тогда наседали.
Зайдиной на твоём увозили седле,
Кукбулак в темноте объезжая задами.
Так всему и учили, чего ты не ведал.
И отец на тебе уносился к победам.
Когда, взяв Дайрабад, перебили врагов —
сколько взял ты добычи в сражении этом?
Всё, что было, нельзя перечесть за мгновенье.
Вспомни пира высокое благословенье.
Крым с наскока с тобой захватил Гороглы,
Халдаршаха наставивши в истинной вере.
Вспомни деда Камбара, и мускус, и амбру
на косичку твою расточавшего храбро.
Или вспомни пророков на этой горе,
освятивших твой нор и подвиг твой ратный.
Всех ты недругов рушил,
топтал их подряд — и
жалких жалоб не слушал,
не ведал пощады.
А в пещере чилтанов, добравшись туда,
пил вино антахура — нектар непечатый.
Дед Чилтан тебе гриву разглаживал справа.
Сорок тыщ золотыми сулили арабы,
и совсем, было, отдал тебя Гороглы —
да народ отмолил тебя, нашу отраду.
Ты народа родного и честь, и надежда.
Скажут «чу!» — и помчишься, наездника теша.
Дед Чилтан тебе сам и подстилку сплетал.
А от ветра, что вслед за тобой пролетал,
замерзала вода! Но по старым Следам
ты пройдешь — и арыки заплещутся те же.
Твой седок
в тебе видел победы поруку.
Как пророк,
ты дарил покровительство другу.
Ты встречался с Бекташем четырнадцать раз —
и бежал он, бросая порубленных груды.
Как страшит он врагов, этот рев первозданный!
Получили мы знамя от Шахимардана.
Дед Камбар добавлял тебе в воду шербет —

и шербет, словно воду, ты пил постоянно.
Ты походов с отцом моим сделал немало,
получая подмогу святого имама.
Кто в седло твое славное сел без обмана —
тот в беде не останется, добрый мой конь.
Тот йигит, что седло твое занял литое —
победителем выйдет из каждого боя,
сам аллах одарил тебя этой судьбою.
Твой наездник — счастливец, могучий мой конь!
Посреди скакунов не сыскать тебе равных,
ты не знаешь изъянов, ни тайных, ни явных,
седока ни на кручах не сбросишь, ни в ямах,
ты — мечта верхового, могучий мой конь!
В битве — пламенем жарким горишь ты без дыма.
Ты выходишь из тысячи бед невредимо.
С Карадивом схватился ты непобедимым —
одолеи ты и дива, могучий мой конь!
Мой отец, как седлал тебя, конь мой крылатый,
он врагов не считал: дескать, будь вы неладны!
Ослепил Тохтамыша — отныне проклятый
не забудет обоих вас, славный мой конь!
Твоя шумная слава
дошла до Койкафа,
и молва тебе слала
приветы лукаво,
а сама впереди тебя шумно скакала —
и враги пред тобою дрожали, мой конь!
По шесть месяцев в каменной жил ты конюшне,
был подкован подковой из стали кольчужной,
что дробила булыжник, как панцирь жемчужный —
и удар твой раскалывал скалы, мой конь!
И полгода не знал ты обычного корма —
кишмиш.ом заменяли ячменные зерна!
А чтоб ты не шумел и кормился покорно —
зажигали над стойлом светильник, мой конь!
На один только голос отцовский и шел ты,
под попоной из бархата, красной иль желтой,
в изукрашенной сбруе, с веревкой из шелка.
Пусть потом и спалось и жилось тебе жестко,
протиралась и шерсть на спине до подшерстка —
жил ты лучше иного йигита, мой конь!
И покудова сил твоей славы достало

докатиться до самого Дагестана,
и дрожали враги в отдаленнейших станах,
как покорных баранов бессонное стадо —
ожидал ты приказа хозяйского, конь!
Одолел ты все беды, сиятельный конь мой,
выпил реки шербета, взыскательный конь мой,
со святыми в беседы вступал ты спокойно,
добывая победы, свершая погони,
обгонял ты пернатых в полете, мой конь!
Даже слух, даже страх твоего появления
заставлял становиться врагов на колени,
и дрожащие сияхпуши в отдаленье
от испуга и разум теряли, мой конь!
Сколько раз попадал ты, стремительный, к пери,
и они о тебе говорили и пели,
да и сам ты в беседе участвовал, конь!
Ты умней человека, дела в том порука.
И прошу я тебя, умоляю Гиркука:
доведи до Далли меня, царственный конь!»
Едет Хасан, и весь он
гордостью полн и весел.
Хвалит коня от ушей до копыт
и, обращаясь к коню, говорит:
«Эй, Гиркук, благословен твой шаг, ^
ведь средь коней ты — шахиншах,
все йигиты, что на тебя сели,
всегда достигали своей цели.
И мы тоже с края земли
добудем и вывезем Хан-Далли.
Неужто, Гиркук, до Чамбиля нашего
не опередишь ты толпу кизилбашей,
догнать себя дашь ей?»
Так разговаривая с конем,
едет на нем,
сам себя развлекая,
а его порой понукая,
как туркмен во время улака,
и ехать ему на Гиркуке сладко.
Чутко прислушивается Гиркук,
поглядывает вокруг,
идет ходко,
разной походкой.

Клин гусиный тянет к небесам.
Клич любви прочитан по глазам.
Одолжи, о господи, почета:
вот наследник Гороглы — Хасан.
Мчит Гират, грызущий удила.
Раскалились степи добела.
Одолжи, о господи, почета:
вот Хасан — любимец Чамбиля.
Отчий дом да не сгорит вовек,
пламенем не вспыхнет человек.
Одолжи, о господи, почета:
в путь Хасана шлет Гороглы-бек.
Преграждают путь отроги гор.
Час придет — и мы покинем двор.
Вот, создатель, путник из Явмута —
будь ему вернейшей из опор.
И Хасана кто-то обласкал,
эту душу милостью взыскал.
В путь-дорогу помолился богу
наш Хасан — любимый сын Мискал.
Золотой на голове венец.
Средство от любви — страстям конец.
В путь пустился трудной славы ради
наш Хасан — из храбрецов храбрец.
Уж не видно родину глазам.
Конь крылатый тянет к небесам.
Одолжи, о господи, почета!
Это сокол Чамбиля — Хасан.
Тяжело в пустой степи ему,
нетерпенья дали не уймут.
Гонит он коня среди безводья —
наш Хасан, воитель из Явмут.
Каждый — господин в своем доме.
Но Хасан — батыр Таки-Явмут:
он, как тигр, когтит песок пустыни —
славный лев и тигр Таки-Явмут.
Осторожный конь под ним заржал.
Грозный к ножнам прикипел кинжал.
Порешил Хасан Далли доставить —
ни на час поход не задержал.
Радость сердца и красу для глаз,
Чамбильбела истинный алмаз —

пестовали славного Хасана
пери, что помянуты не раз.
Сколько б конь ума ни показал —
молод, несмышлен еще Хасан.
Едет одинешенек в пустыне,
ждет подмоги он еще, Хасан.
Скачут, скачут, не жалея ног...
О аллах, мы — ножны, ты — клинок.
На тебя все наши упованья:
глянь, как он в безлюдье одинок.
Скажет «чу» — и занесет камчу...
«Можно ли прожить мне, как хочу?
Нет, судьба записана заране!
Будь она мне только по плечу...»
Сад расцвел — петь соловью пора.
А Хасана мучает жара.
Пряча взор, он говорит: «О боже,
тяжко мне в песках Эр-Хизира».
В Эрзерум решившись, в дальний путь,
кое-что обдумал, как-нибудь —
и теперь, хлеща камчой Гиркука,
о коне не думает ничуть.
С маху бьет он по бокам, гоня
понукает, гонит все быстрее,
словно забывая про коня.
Мудрость светит нам в святых речах.
А Хасан попал на солончак.
Понукает он коня в пустыне,
отдыху не давши ни на час.
Он галопом скачет через степь,
и камче приходится свистеть.
Отдохнуть бы! — только нет терпенья:
знай скачи до эрзерумских стен!
Скачка их во всей степи слышна.
День ли, ночь ли — топот скакуна.
Сам Хасан не спит, как ветер в поле —
и Гират летит, лишенный сна.
Эрзерум ли, братцы?
Пока нет!
Хоть бы им добратся,
наконец!
Задержаться, сделать передышку

ни за что не хочет молодец.
Пыль, туман, Гиркук летит, как ветер,
яростнее молний и комет.
Конь несется с ревом, на бегу
он крыло раскроет на боку.
В зной такой не полетит и птица,
он же мчится, выгнутый в дугу.
Будь поглаже путь, куда б Хасана
он занес — представить не могу.
Родом наш Хасан из Чамбильбеля,
пьет вино покинутых — тоску.
Добрый конь — отрада человеку.
Рад Хасан Гиратову скачку.
Полюбуйтесь статьями Гиркука:
их полезно видеть и врагу!
Разлучен с родными в Чамбильбеле
Хасанхан впервые на веку.
А под ним Гиркук—тулпар тулпаров! —
горы перепрыгнет на скаку.
Хасанхан от зноя изнывает,
скачет по горячему песку.
«Помоги мне, боже — по пустыне
я от одиночества бегу».
Носит гуся по воде,
просят нищие везде.
Погоняет скакуна
по безводью, при звезде.
Вот торчат два уха — два вершка.
Весь подъем — с единого прыжка!
Нет, Гират — тулпар среди тулпаров...
И любая даль ему близка.
Почвы не касаются копыта:
мчится птицей в даль издалека!
Занимается заря,
солнце скатится — не зря:
лев Хасан среди камней
скачет, искрами соря.
Полюбуйтесь, это сам
наш батыр, герой Хасан!
Всюду ищет Хан-Далли
и взывает к небесам.
Неуемен и крылат,

под седлом его — Гират.
Он промчится мимо нас,
уноситься птицей рад.
Скачет, стремящем звеня,
горячит Хасан коня.
Каждой ночью он в пути,
не теряет он и дня.
Он не может свой умерить пыл,
бьет камчой Гиркука, как и бил:
днем и ночью гонит к Эрзеруму,
чтоб тулпар о цели не забыл.
Много Хасанхан истратил сил,
то коня ругал, а то просил.
Днем и ночью из страны Явмута
одиноким скачет бека сын.
Путь в пустыне — это ад земли.
Он же — мыслит лишь о Хан-Далли!
То не птица мчится над песками —
это сын могучий Гороглы!
Ах, не зря в тоске о нем рыдали
матушки Мискал, Юнус-агы...
В Чамбильбеле, с милыми людьми,
рос в кругу заботы и любви,
а теперь один, среди безлюдья,
на песке печатает следы!
И в чужой, пустынной стороне
молит: «Боже, снизойди ко мне.
Столько знойных дней, ночей холодных
я, Хасан, всечасно на коне!»
Длит батыр суровые труды,
без людского слова и воды.
Сорок пять ночей и дней в дороге —
мук, тревоги,
жажды, маеты...
Столько гор и долов позади,
разные народы и пути.
Вез тулпар Хасана настоящий,
а не то бы столько не пройти!
Сорок пять ночей и дней промчалось —
Эрзерум маячит впереди!
Хасанхан взволнован, как река.
Сорок пять скакал он дней, пока,

замешавшись меж мужей пустыни,
Эрзерум узрел издалека!
Вот теперь задумался палван,
выбирает самый лучший план
и, с попутными людьми смешавшись,
скакуна торопит по полям.
И Гиркук торопится вперед,
но, хоть путь короткий изберет,
всё равно лишь затемно с Хасаном,
к ночи доберется до ворот.
Столько о Далли твердит народ —
знать бы хоть Хасану, что не врет! —
а теперь, гарцуя на Гиркуке,
сам стоит он у ее ворот...
Без отдыха ехал Хасан, да и с тем
лишь к ночи добрался до каменных стен.
Гарцует Гират у входа в город,
грызет удила, почувствовав голод.
А усердный народ,
старики служивые,
засовы у ворот
позаложили,
в теплой постели укрылись до пят
и без заботы за стенами спят.
У ворот прогремел Гирата топот,
крикнул батыр громоподобно,
возвестил о себе могучий —
пусть-де ему откроет ключник.
Кричит: «Не спать же мне здесь, в степи!»
Ключник проснулся, говорит: «Потерпи!..
Чего ты, узбек, на весь мир разорался,
что и сон нам не мил показался?
Анаши да вина раздобыли еле,
а тут и следа не осталось от хмеля!
Посередь ночи наехал, змей,
какой уж теперь тут будет хмель?!
И где ты рос, негодяй горластый,
проклятый узбек, орать гораздый?..
Вырос, видать, на пустом месте —
вот и орал себе, сколько влезет.
Такую судьбину аллах тебе дал —
небось, людей вдвоем не видал!

В такой, видать, уродился доле,
что еще отроду не был в доме!..
И раньше узбеков мы примечали,
но такого еще не встречали.
Слыхано ль — один, а кричит, как тыща!
Ты что, не можешь чуть-чуть потише?..
Да ты, узбек, еще мальчишка!»
Так он был на Хасана зол,
что и к воротам не подошел.
«Вставать, мол, еще! — была бы охота.
Таким ни к чему открывать ворота.
Такого в степи оставить спать —
он и разучится горло драть.
Хотя и тут с ним толку не будет:
он же сперва весь город разбудит!»
И говорит ему ключник нехотя:
«Не мог ты, узбек, пораньше приехать?
Людей беспокоишь — ты что, не помнишь,
что ворота уж заперты в полночь?
Кто захочет
отворять среди ночи?
Эй, узбек, говорю не со зла:
иди-ка ты прочь, не горлань зазря,
лучше всего тебе теперь спешиться,
в поле лечь да и сном утешиться.
Встанешь, как заря глаза разведет —
тут тебе и откроют, чуть рассветет.
И въедешь в город,
никто не погонит.
А теперь, кричи не кричи,
всё равно — унесли ключи.
И взять их не у кого —
хан за ними прислал человека.
Ты иди, а мне спать пора:
осталось всего ничего до утра.
Приехал бы раньше — не стоял бы впустую,
мы бы тебя сразу впустили...»
Так ему ключник говорил.
Хасан отвечает: «Эй, привратник,
а ты, часом, старик, не любишь приврать ли?
Видно, не понял ты ничего,
вот и принял меня не за того.

Думаешь, я до полудня спал,
с каждым встречным в пути болтал,
оттого и сюда опоздал?
А я приехал издалёка,
торопился всю дорогу,
конь устал, да и я устал,
а то б я тебя и просить не стал.
Ночью земля в степи сырая,
пусти нас поспать в караван-сарай.
За ночь мы с конем
отдохнем,
а днем потолкуем о том о сем!»
«Долгонько ж, узбек, ты точишь лясы,
откуда такой говорливый взялся?
О чем мне с тобой еще толковать?
Не буду я тебе открывать!
Открою, когда прикажет хан...»
Тогда говорит ему Хасанхан:
«Эй, дед,
послушай-ка мой совет:
«Дальние горы
тонут в тумане.
Года невзгоды —
только до мая.
Странник стучится — дверь отвори:
мы это дело так понимали!
Храбрый пустыню выбрал для гонок.
Хызр доверье дарит такому.
Дальнему гостю, дед, отвори!
Или привыкли здесь по-другому?
Может, боишься, что дело нечисто?
Так поглядел бы: я же мальчишка!
Дед, отвори-ка ворота твои!
Я издалека, ты б мог и смягчиться!
Слабый цветок
в полдень увянет.
Сильный — и тот
в поле устанет.
Я прискакал издалека —
так отвори страннику, старый!
Я — как река в час половодья.
Еле рука держит поводья.

Дед, отвори! Тошно опять
в поле пустом спать на свободе...
Беки загнать и тулпара способны.
Пусть нас создатель спасет от позора.
Дед, отвори! Как бы в степи
нас невзначай не ограбили, сонных...
Кто там сейчас (как мне назвать их?)
главный у вас: сотник, десятник?
Иль это хан сам приказал
странников гнать, бранью встречать их?
К ночи я, дед, здесь оказался.
Сам я узбек из пустыни казахской.
Эй, отомкни! Да не дразни
пылью степной, сажей казана...
Дедушка, эй,— настезь ворота!
Я заплачу — не из воров-то.
Так я устал на земле ночевать —
дай мне войти, седобородый!
Господи боже,
избавь от упрёка!
Прибыл я позже —
такая дорога.
Не за воротами ж мне ночевать,
если уже я здесь, у порога».
Привратник говорит: «Эй, узбек,
какой бестолковый ты человек:
сам болтаешь —
остановки не знаешь,
другие говорят — не понимаешь».
И привратник дальше говорит:
«Что за бирюк
ты неученый?
Куча вокруг
мест для ночевок.
Кто бы ты ни был, иди-ка к себе...
Солнце взойдет — въедешь с почетом.
Ты не цветок — и не увянешь.
Ты не река — половодьем не станешь.
Кто бы ты ни был, иди-ка к себе:
после восхода снова заглянешь.
Без толку эдак шуметь не годится.
Даже разбойник лучше тупицы.

Кто бы ты ни был, иди-ка к себе:
в поле тебе до утра находиться.
Зря не упорствуй — мы посторонним
посреди ночи ворот не откроем.
Кто бы ты ни был, иди-ка к себе
и до рассвета гуляй на здоровье».
Видит Хасан — не открывают ворота.
Отступать нельзя, назад неохота.
Как тут быть, с чего начинать?
Принялся Хасан причитать:
«Ах да ох,
да не дай бог,
ох да ах,
спаси аллах,
пропасть мне,
умереть мне...» —
и прочие бредни.
А потом говорит:
«Богу подошва — наша макушка.
Зимний-то снег — он весне, как подушка.
Эй, отвори-ка ворота, старик!
Конь мой устал, я и сам занедужил.
Жизнь человека — бурное море.
Горные камни дождь не размочит.
Эй, отвори-ка ворота, старик!
Сам я устал, да и конь мой заморен.
Не пил вина — опьянел от шербета.
Будет противник — будет победа.
Эй, отвори-ка ворота, старик!
Стану я другом славного деда.
Помнить о том бы нам не мешало:
смерть не минует нищих — и шаха.
Эй, отвори-ка ворота, старик!
Будем друзьями с этого шага.
Плох этот мир — но не просишь иного.
Разбогатеешь — и носишь обновы.
Двое друзей нас, третий — аллах.
Помни, что друг — не случайное слово.
Шел я долиной — устал, недотепа.
Шел я горой — до вершин не дотопал.
Двое друзей нас, а третий — аллах.
В просьбе друзьям отказать неудобно.

Если прошу я — чего же ты медлишь?
Или ты против что-то имеешь?
Стали друзьями мы, с нами аллах.
Дружбы не хочешь — живи как умеешь!»
Привратник еще не старый дед:
от роду триста тридцать лет.
Знал Даки Юнуса,
с Фиравином пил,
а сам — не согнулся,
не утратил пыл.
Говорит себе: «Узбеков не знавал я вовек,
а этот, оказывается, хитрый узбек!
Разгадал он меня — видать, не глуп...
Зря я был с ним сегодня груб.
Говорят, что двое, друг друга встретив,
поладят, взявши аллаха третьим.
Если, выходит, между нами аллах,
у нас и дружба пойдет на лад!
А если кто другу откажет,
того, видать, аллах накажет...
Придется мне умерить прыть
да ему ворота открыть.
Зря друзей мне терять не надо,
я еще молодой, неженатый,
еще не вырос в полный рост,
еще не раскрылись мои десять роз.
А то устою,
не открою ворота —
потом мне в раю
не откроют ворота».
Дед, помешкав,
поднялся с места,
у ворот наклонился,
прислонился,
приложил щеку,
посмотрел в щелку —
видит, совсем юнец у ворот!
Желтым пушком окаймлен рот,
от роду всего-то лет шестнадцать,
ему бы еще с мальчишками знаться,
а уж красив! — так, что луна
пред ним в полнолуние затмится сполна.

Чей же сын этот самый Хасан?
Говорит весоמו, могуч и сам.
Силен, как лев, и, как зверь, Гиркук
пляшет под ним, вытоптал круг,
под копытом земля трещит!
За спиной у батыра кожаный щит,
а на боку, длиною до ног,
бьется о стремяна исфаханский клинок.
Лицо, как яблоко, румяно,
золотая косичка доходит до стана.
Эй, слушайте, оставим Хасана,
что это мы ему хвалы поем,
мы же его не продаем!
А дед-то наш еще холостой,
всего триста с лишком на неделе на той...
Сколько знавал на веку разврата,
со сколькими бабами спал он кряду —
еще посчитать надо.
И где только этот дед ни бывал,
всюду этот огонь разжигал.
Говорят, на таком вот пламени лютом
полтыщи дервишеских сжег*приютов,
но, заработав по шее не раз,
сник понемногу да и угас.
И последние лет полтораста
служил привратником распрекрасно.
Говорил: «Куда уж мне там жену,
я уж, мол, как-нибудь так проживу...»
Прожил он половину срока
беспутным бабником, пустобрехом,
с синими ногтями, длинноволосый, без
чести и веры — истинный бес!
И хоть давно уже сивый дед
от таких отрешился дел,
жил на покое —
но тут взыграло в нем ретивое,
встряхнулся,
как старый конь,
проснулся
прежний огонь,
взбодрился старый щеголь —
эх-ма, говорит, раньше б немного,

попался б ты назад лет пять...
И заторопился ключи искать.
Ищет дед,
а ключей-то нет.
Начисто забыл,
куда положил.
Застыл на четвереньках, как пес, что
охотится —
нет, никак ключи не находятся!
Встал, наступил на свой подол —
да и хватъ бородой об пол!
Еле-еле ключи нашел, доплелся к воротам —
отпор — вот он!
А Хасанхан сказал Гирату: «Чу!»
и въехал в город, подняв камчу.
Спешит привратник: пока запрет,
глядишь, а гость уже дальше уйдет!
Закрывает ворота одной рукой,
Хасанхана ловит другой рукой.
Хвостом перед дедом машет конь —
ну, дед себе хвост намотал на ладонь.
Говорит Хасану: «Эй, узбек!
Куда едешь? Останься тут на обед!
Слезай с коня
да ночуй у меня...
Побудешь у нас,
а завтра в дорогу, в добрый час!»
Но чует Хасан: тревожится конь.
Потянул уздечку левой рукой,
взмахнул камчой, ударил раз —
на дыбы взметнулся Гират.
Скачет зверем, тесно Гиркуку,
а дед-то к хвосту привязал руку —
вперед потянуло на десять шагов,
назад отшвырнуло на десять шагов!
Бедняга вниз лицом упал,
прямо на камень лицом попал.
Вдребезги нос, не видать между щек,
только кровь из дыр течет.
И лоб разбился, беда,
кровью умылась борода.
А Хасанхана уже и нет —

умчал Гират, простывает след...
Тут к старику набежали друзья,
над стариком заржали друзья,
и впрямь смешно, удержаться нельзя.
Над ним насмешек полон рот,
дней пятнадцать разговор идет.
Говорят: «Эй, щеголь, блудливый дед,
ты еще с узбеком не делил обед!
Эй, братишка, любитель баб,
а ты, оказывается, еще не слаб,
срок своей жизни прожил
не весь,
ожил —
а мог бы сгинуть, как есть!
Ну-ка, старый бабник, давай, иди,
гостя найди,
назад приведи.
Да смотри, за уздечку коня ухвати.
А то, старичина, уж так ты прост,
снова его ухватишь за хвост!
Куда гость-то поехал? Скажи — не трусь.
Может, сказал — назад вернусь?
Сказал — назад, мол, коня пригоню,
только вот корму задам коню?
Чего молчишь, в ус не дуешь?
Или нас к нему ревнуешь?
Давай, вставай, старичина, иди,
гостя найди, назад приведи...»
Две недели
и смех стоял и крик.
Еле-еле
отдышался старик.
А Хасану — старик не помеха:
он себе от ворот отъехал
и, даром времени не теряя,
зачевал в караван-сараяе.
Коня напоил, накормил, расчесал,
потом поел и улегся сам.
А там, не глядя на позднюю пору,
местный люд не кончал разговоры;
о том и об этом речь вели —
заговорили о Хан-Далли.

Кто-то спросил Хасана: «А что ж,
коня своего — не продаешь?»
— «А хоть и захочет,— вступил другой,—
так Хан-Далли не нужен такой.
Я знаю, какого продать ей можно:
чтобы была холка не скошена.
Хочешь продать — приводи ты к ней
настоящих туркменских коней:
шея длинная, как у дутара,
да чтобы зря головой не мотала».
Третий сказал: «Она цену положит
за боевую крепкую лошадь.
Мы как о том услышали — с тем
и поскакали подальше в степь.
Там таких отбирали коней,
чтоб ноги и туловище — подлинней,
рыскали всюду, искали везде их —
зато уж нам отвалили денег!
Если есть у кого, молодцы,
арабские, туркменские жеребцы —
ей отдавайте,
не прогадаете».
Вот такие в тот вечер
Хасанхан услышал речи.
Притворился он простачком — и
спрашивает: «А зачем ей кони?
И кто такая Хан-Далли?»
Ему: «Ты, видать, из дальней земли!
Да еще, небось,
недавний гость?
Тут у нас каждый
про нее расскажет!
О ней не услышав, не пройдешь и шага!
Она у нас, видишь, дочь падишаха,
да еще такая, точь-в-точь,
что ему заменяет и сына и дочь.
Она у отца не просит денег,
а говорит: «Дай ты мне во владенье
то село да это село...»
Так у ней и пошло.
Теперь она всей страной управляет,
вся страна ее благословляет.

Сама все дела, как вазир, решает,
сама подсчитывает урожаи,
а когда подходит год к концу —
коней в подарок шлет к отцу...»
«Ну,— решил про себя Хасан,—
завтра я выйду на базар,
хвост коню подвяжу, подлажу,
да и выведу на продажу.
Если не зря эти речи вели,
и этот базар — базар Далли,
да если б вышел туда как барышник,
а Хан-Далли покупателем вышла —
значит, судьба мне удачу дала,
и легче легкого мои дела!»
Дела эти всю ночь ему снились —
с ними заснул, проснулся с ними.
Встал Хасан, коня оседлал,
только со сбруи золото снял,
всё украшеньё коня порушил,
да и в хурджин — заодно с оружием.
Стал и вправду таким Гиркук,
каких барышник сбывает с рук!
Да и Хасан нарядился тоже,
чтоб на барышника было похоже...
Хвост коню подвязал,
поехал на конный базар.
Остановился на самом краю,
немного корму подсыпал коню.
А базар-то уже в силе,
торговцы кругом на коней сели,
танцуют, гарцуют, похаживают,
товар лицом показывают.
Так и Хасан, показа ради,
проехался на своем Гирате.
Видит, служивый народ
ходит взад-вперед,
по двое, по трое, по четверо,
прицениваются по-честному...
Ехал Хасан посреди народа,
и тут какой-то Куса-безбородый —
загородил ему дорогу.
Хасан на Гирате перед ним встал,

видит, Куса совсем уже стар,
хотя, скупец, на своем веку
так и не дал поездить своему коньку!..
Ходит вразвалку, глазом кося,
слепой гордец, скрипучий Куса,
похититель сердец, могучий Куса...
«Эй,— говорит,— байбачча, продаешь коня?»
Вздрогнул Хасан от его голоса.
Ну и ну! — на подбородке ни волоса,
этот не предъявит аллаху счет,
не снимет урожая со своих щек,
и лоб у него гладкий,
мысли в порядке,
а на шее — складки,
тело в пупырышках, на коже морщины,
не то баба, не то мужчина —
небось, и сам не поймет старик...
Вот и ходит, орет за двоих.
Была бы хоть борода,
а то — ни следа!
И кожа-то, кожа —
на поношенные штаны похожа...
Оглядывает он Гирата,
как дыню на грядке:
сзади, сбоку,
пощупал ногу,
осмотрел копыто —
не слишком ли сбито? —
доходит до сути:
смотрит в зубы...
Всё, сполна.
«Ну,— говорит,— продаешь? Какая цена?»
Хасан отвечает. Это —
вопросы их и ответы.
Куса:
Что нам в былые одежды рядиться?
Новая роза в бутоне родится.
Если ты лошадь привел на базар —
что ж, байбачча, ты не хочешь рядиться?
Хасанхан:
Сотни коней ты осматривал за день —
что же ты мнешься, то сбоку, то сзади?

Что на базаре — то можно купить.
Цены ж, небось, ты слышал на базаре!
Куса:
Сам назови мне, во что ее ценишь.
Я же не знаю, на сколько ты целишь.
Эй, продавец, мой узбек-молодец,
первый скажи — мое слово в конце лишь!
Хасанхан:
Или найдется коню покупатель —
или, непроданный, в степь он укатит.
С каждым конем моего не равняй!
Цену узнаешь, а силы-то хватит?
Куса:
Если не хватит — посмотрим, и ладно.
Хватит — любая цена не накладна.
Может, и сам ты не знаешь цены?
Видно, узбек, пустобрех ты изрядный!
Хасанхан:
Этим как раз не грешим мы пороком.
Сам бы ты не был, Куса, пустобрехом!
Ну и пройдоха ты!.. Цену скажи,
а не желаешь — так рядом дорога.
Куса:
Ладно, покончим с речами пустыми.
Надо ж испробовать — ну-ка, пусти меня!
Резвым окажется — так уж и быть:
тыщу даю за него золотыми!
Хасанхан:
Слушай, Куса, ты шути, да потише.
Где скакуна ты такого отыщешь?
Или торгуешься ты не всерьез?
След скакуна не продам я за тыщу!
Куса:
Может, сомлел ты, скача на тулпаре?..
Что же, мне золото — дивы копали?!
Тыщу не хочешь — так за две отдай...
Так мы коня еще не покупали!
Хасанхан:
Не проведешь степняка, безбородый!
Может, Куса, ты не сведущ в породах?
Ты ошибешься — так я начеку:
за две — его волоска б я не продал!

Куса:

Господи, ты же еще несмышлениш!..
Спорить с такими — голову сломишь..
Если за две не продашь волоска —
так за коня ведь и три ты заломишь!

Хасанхан:

Нет уж, Куса, извини меня: за три
он не пойдет ни сегодня, ни завтра!
Цену такую и слышать смешно —
это не мерин какой-нибудь затхлый!

Куса:

Ну, ты, однако, узбек, и тупица!
Спорить с тобою — верней утопиться!..
Ладно, слезай — и четыре бери..
Ты еще молод, стыдно скупиться.

Хасанхан:

Глуп ты, Куса, вот меня и не понял.
Видно, и цену коня ты не понял.
Чтоб за тулпара казахских кровей
взяли четыре?.. Такого не помню!

Куса:

С толку ты сбил меня этаким торгом.
Если барышник — рядился бы толком!..
Пять за коня тебе тысяч даю —
только бы кончить, разделаться только!..

Хасанхан:

Видно, с тобой не судьба нам поладить.
За пять — не дам я его и погладить!
Глянь, как он строен... А сильный — как нар:
тянет поклажу, как лодка по глади!

Куса:

Тьфу ты!.. Да ты хоть на чем-нибудь кончишь?
Сразу сказал бы, сколько ты хочешь!
Я о цене —
а он о коне!

Что ты мне голову зря-то морочишь?..

Хасанхан:

Пусть тебя это, Куса, не заденет —
конь мой дороже богатства и денег!..
Если б ты мог ему цену постичь —
отдал бы всё, кроме собственной тени!

Куса:

Нет, ты скажи мне, создателя ради:
был вообще на коня покупатель?
Может быть, ты его не продаешь —
вот мы здесь попусту время и тратим?

Хасанхан:

Гладил Чилтан ему гриву, и даже
чуть было не был он продан Бекташу:
сорок ведь тысяч араб посулил! —
да отмолили, не отдали наши —
видно, расстаться не было сил.
Кто ж это деньги берет за тулпара?
Где на земле ему сыщется пара?
Скачкой одной он прославит народ.
Пусть за него мне сулят, что попало —
кто же за друга деньги берет?

Куса:

Хоть скакуна и не видел я в беге —
да уж в конях понимают узбеки!
Влез он мне в душу. И всё ж — хоть убейте —
кто его купит, не зная цены?
Всё в нем отмерено точно по мерке —
лучшая лошадь отсюда до Мекки!
Словно готовый сошел со стены —
больше такого не встречу вовеки...
Сколько он стоит? Нельзя без цены!

Хасанхан:

Долг роковой меня с родины выманил —
но степняком ты, Куса, не дразни меня!
Ты — покупатель лихого коня.
Весь твой народ на него б я не выменял,
только нужда заставляет меня.
Если продать мне пришла бы охота —
тут бы охотников было без счета:
вмиг бы сошлась половина земли.
Да ведь не денег хочу, не почета:
ты за него мне отдай Хан-Далли!
Только Хасан это сказал,
сразу Куса прынул назад.
Если б волосы у него вырастали,
они бы теперь дыбом встали!
Прямо-таки ослеп, почти что оглох,
совсем сделался плох,

глаза покраснели, нос раздуло,
живот назад втянуло...
«Ну,— говорит,— и дурак, ну и ублюдок,
и откуда,— говорит,— ты такой, откуда?
Эй,— говорит,— узбек бедовый,
не понимающий смысла слова!
Такой, как ты, подохнет дурак —
с собой похоронит целый кишлак!..
О-о, бедный, бедный Куса!
Это меня аллах наказал.
Пришел мой конец, настала пора,
видно, с запада нанесло буран.
И зачем я встретил этого ублюдка!..
Откуда этот узбек, этот дурак откуда?»
Бежит Куса, повредившись вроде,
сам с собой советуется по дороге.
Думает: «Нету врагов лютей,
чем у нас, у важных людей.
И друзья есть тоже,
но врагов-то больше.
Все видели, что я с ним говорил про коня.
Те, что ненавидят меня,
уже, небось, побежали к хану,
вдвое больше наговорили, чем услышали.
Сказали — скорей, мол, его удали:
он хотел на лошадь сменять Хан-Далли!
Вот что они, наверно, напели.
Лучше бы мне рассказать первым!
А может, я еще и успею?..
Побегу, а то головы не сносить!»
И Куса помчался во всю прыть.
Кто такой Куса, вы, конечно, не знаете.
Сам-то он совсем не из знати,
но стал управителем у Хан-Далли,
собирал доходы со всей земли,
и хану каждый год
отчитывался за весь доход.
А тут год подошел к концу,
Хан-Далли подарок готовила отцу —
по одной из каждых девяноста голов:
верблюдов, оленей, баранов, коров,
птиц, овец, архаров, коней —

всех по девяносто готово у ней.
Сказала: «Дед Куса, вы для меня
купите еще такого коня,
чтобы был настоящим тулпаром,
нигде не имел пары,
чтоб каждый, кто его ни завидел,
себе такого захотел, позавидовал.
Такая лошадь, гроза дорог,
будет главным из наших даров».
Куса по приказу весь базар обошел,
ничего подходящего не нашел.
А как Гиркука увидал,
сразу тулпара в нем угадал.
«И речи больше нет ни о ком —
Хан-Далли нужен вот этот конь!» —
думал он, увидав скакуна.
Увидит Хан-Далли, обрадуется она.
Скажет, мол, дед Куса, спасибо,
нашёл такого, как я просила!
А он, Куса, станет ближе
к ней
а для тех, кто ниже,—
еще важней!
Вот он и торговался так упорно,
и вступал с Хасаном в споры,
но как услышал те слова —
от страха чуть язык не сломал.
Бегом с базара и прямо к хану.
Прибежал почти бездыханный,
сел на место, где жалобы приносят,
дозволения просит,
а сам заикается,
не то жалуется, не то кается,
прямо готов умереть,
но толком не может начать речь:
«Мол, государь... интересное, мол...
дело... из-за него я пришел...»
Шах говорит: «Будь ты неладен, Куса,
что это с тобой — спасался от пса?
Дух сначала переведи,
а уж после речь заводи».
Куса: «Государь, получил я приказ

купить на базаре коня для вас.
Чтоб, когда Далли принесет свой дар,
был впереди этот самый тулпар.
Так я пошел на конный базар.
А там узбек, молодой йигит,
с таким прекрасным конем стоит!
Ей-же-ей, не будь я Куса —
у меня полезли на лоб глаза!
Ей-ей, государь, такой это конь —
у нас не слыхали еще о таком!
«Сколько, спрашиваю, твоя лошадь?»
— «Жду, говорит, сколько предложат».
Тысячу золотых ему дал — не отдал.
Две тысячи дал — не отдал.
Три даю — он не берет.
И четыре не взял — ну и народ!
Предлагаю ему уже тысяч пять —
ну, думаю, как не отдать? —
нет, не дает опять!
Ладно, говорю. Лучше
ты назови, а я послушаю.
И тут, государь, этот ублюдок
мне говорит прямо на людях:
«Слушай, мол, я назначаю цену.
Я тебе предлагаю мену:
я тебе — коня, ты мне — Хан-Далли».
О государь, доверием одари —
как услышал я такое дело,
всё у меня в глазах потемнело.
Ты б, говорю, постыдился людей!
Дурак ты, парень, или злодей?!
И больше не мог стерпеть стыда,
бежал с базара — да и сюда...»
Падишах засмеялся: «Терпеть умей!..
Я думал, Куса, что ты умней.
Так из-за глупых слов надрываться —
легко и совсем с рассудком расстаться!
Ты б ему сказал: «Эй, молодец,
видно, плохой из меня купец,
ты про этот торг забудь,
пошли лучше к нам, гостем будь».
А сам добудь покрепче арака,

да созови молодцов ораву,
да прибавь попьаней вина,
чтоб гостя чаша была полна,
да скажи йигитам, чтоб не скучали,
привечали гостя и величали,
оказывали ему почет,
да вино пускай рекой течет,
и не мимо, а ему в рот:
чашу за гостя, за угощенье чашу,
чашу за ваших, чашу за наших,
где выпить четыре — там пить и пять,
а там еще — опять и опять.
Тут ты ему скажешь: «Послушай меня —
будем друзьями за твоего коня!»
Он тебе спьяну и молвит: «Ладно...»
Вот и купишь коня ненакладно,
выложишь пару пустяков:
каких-нибудь восемьдесят медяков.
Так быка за рога хватают...
А у тебя, видно, хитрости не хватает».
Кланяется Куса: «Там, мол... тут, мол...
я, мол, государь, сам думал...
А теперь высокой мудрости испил,
всю свою низкую глупость избыл!»
И бегом побежал Куса наш
на базар искать Хасана.
А сам двести юношей собрал, однако,
два больших кувшина достал арака,
сказал: «Устройте всё чин по чину,
подметите улицу, чтоб было чисто,
я гостя приведу,
а вы приготовьте пока еду,
застелите полы,
расставьте пиалы,
винца понемногу налейте себе,
чтоб были вроде как навеселе,
а двое-трое как будто пьяны,
придем — к нему приступайте прямо,
вы, мол, с дороги,
как, мол, здоровье,
да зовите другом,
да садитесь кругом,

а двоих-троих оденьте под девушек,
пусть танцуют, подкинем им денежек.
Да смотрите: ваше дело не самим пить,
а его допьяна напоить.
Так, чтоб он двух слов не связал,—
это великий шах приказал».
Сказал Куса — и пошел на базар.
Глядит — а Хасан всё там, на краю,
поглядывает да корм задает коню.
«Эй,— говорит Куса,— дружище барышник,
а ведь нам с тобой подружиться не лишне!
Аллах пожелает — куплю коня,
а пока что ты погости у меня.
Пойдем, дружище,
в мое жилище,
живу невидно,
но принять не стыдно.
Раз посидишь с нами, другой посидишь с нами,
а там, глядишь, и станем друзьями.
Посидим сперва, а дела — потом!
А у нас уже дастархан готов».
Так он его приглашал.
«Ты,— говорит,— хотя молодой еще,
а лошадинок, видать, настоящий, стоящий,
я,— говорит,— тебя сразу понял!
Вы, говорит, всё в поле да в поле,
ездите туда-обратно,
в городе — ни друга, ни брата,
остановиться негде,
хотя или нехотя —
давай заезжай
в караван-сарай!
А если сдружимся, тогда чего
в караван-сарай идти с ночевой?
К нам заедешь, а уж мы
не пожалеем ни плова, ни кошмы.
Попробуй с нами дружить —
сразу легче станет жить!
Приведешь коней —
заезжай ко мне,
отдохнул, полежал,
а там — на базар!..

Ты, барышник, не думай, что это, мол, за
такой плешивый старый Куса —
рука об руку,
узнаем друг друга!
Я ведь и вправду не поскоплюсь —
Хан-Далли нужен конь, я и куплю.
Ты еще, может, не слышал, не видел —
я ведь у Хан-Далли управитель.
А ей настоящий нужен тулпар —
отцу-падишаху принести в дар.
Если конь Далли понравится/
ты к ней и сам сможешь отправиться.
Ты славный йигит,
получше других!
А если конь и шаху покажется,
у тебя и с шахом дружба завяжется...»
Так безумолку Куса говорил,
а сам-то к чему дорожку торил:
мне, думает, не к спеху,
возьму я обманом этого узбека.
Коня-то я у него и так возьму,
а начнет бузить — скажу ему:
прости, мол, некуда было податься —
забрало коня твоего государство!
Пойдет справляться о нем —
да и сгинет вслед за конем!
«Если,— думал между тем Хасан,—
этот хитрый Куса правду сказал,
что он у Хан-Далли управителем,
да если б она мою лошадь увидела —
наверняка бы она
оценила моего скакуна.
Скажет: «Купим» —
я и поеду вместе с Гиркуком.
Если повезет, да взяться смело —
тут и можно закончить дело!»
Развеселился Хасан,
а ему говорит Куса:
«Что для любви желанней темной ночи?
На белый свет ее не смотрят очи.
Неужто к нам прибывший гость — узбек —
мой скромный домик навестить не хочет?

И день и ночь трудился я умело,
украсил сад кустами роз отменных.
Прими же приглашение мое,
барышник славный из краев туркменских!
Пойдем со мной — сегодня гостем будь мне,
и сразу в праздник обратятся будни.
Да послужу я жертвой за тебя,
с узбекской стороны пришедший путник!
Пусть нас отныне свяжет дружбы нитью.
Тебе, как гостю, кланяюсь я низко.
О господин мой, добрый мой узбек, —
через коня с тобою породнимся!
С какими познакомлю молодцами!
Сиди хоть век — а все же до конца не
переберешь все яства на столе,
всех песен звуки
и всех струн бряцанье.
О байбачча, ты странствуешь давно ли?..
Пойдем ко мне — останешься доволен:
о родине узнаем, о родне,
и о коне наговоримся вволю.
Мы, байбачча, чего ни раздобыли!
В дому очам раздолье, изобилье.
Я сверстников твоих собрал на той —
где, байбачча, сердечней встречи были?
Коль гость угоден — так и труд не труден.
Войдешь ты гостем — а уйдешь ты другом.
О байбачча, будь гостем эту ночь!
В счастливый час мы сядем тесным кругом...
Обед сегодня сам поделишь с нами,
ну, а потом приедешь к нам с друзьями...
Хлеб-соль у нас отведай, байбачча,
чтоб наперед твои мы вкусы знали.
Пойдем в мой дом — там круг друзей увидишь,
сам, байбачча, оттуда другом выйдешь.
Всем угощу от сердца, чем богат.
Эй, байбачча, пойдем, а то обидишь!
Коль окажу я гостю уваженье —
я заслужу твое расположенье.
Пойдем на той — будь гостем, байбачча, —
в степи пустой не ставят угощенья!
Сядь на коня, мой дорогой, поедем.

Вот наша жизнь — и нет другой. Поедем.
Будь гостем хоть на вечер, байбачча!
Всего отведай — и уважишь этим.
Вот я пришел — позвать тебя с собою.
Дела потом обсудим мы с тобою.
Аллах захочет — получу коня,
а нет — не стану спор вести с судьбою.
Будь гостем, друг! О гость мой, будь мне другом!
Пей в досталь, в круг садись поближе к блюдам!
Пойдем сегодня, возвратимся завтра.
Зато уж мы и насладимся знатно.
Пойдем со мной, барышник дорогой,
ведь мы — не знать, нас улещать не надо..;»
Хасан-палван думает:
«И чего этот Куса передо мной рассыпается —
видно, обмануть меня собирается,
хитростью забрать моего коня?
Да вся его хитрость — на глазах у меня!»
А сам говорит Кусе:
«Эй, приятель, у нас, узбеков,
дружба — превыше прочих обетов.
Кто подружился — между теми
речи нету насчет денег.
Для друга не жалеют ни вещь, ни скот.
Мы, узбеки, такой народ.
А ты своей дружбой хвалиться начал —
видно, это у вас иначе!
Зазываешь меня, а сам, небось-то,
притащишь с базара лепешку для гостя,
выставишь чая две пиалы,
вот и все твои пиры.
Да целый год на всю округу
будешь кричать, что уважил друга!
А лепешка тверже костей для собак,
застрянет у меня в зубах,
и чай я твой не проглочу,
даже горло не промочу.
Что ж, ты думаешь, я промолчу?
Иль хвалить тебя стану: так, мол, и так,
наелся у друга Кусы в гостях?..
Нет уж, высказать уваженье —

значит выставить угощение!
Зарезать барана,
поставить арака,
да чтоб у Кусы
доверху были полны касы,
созвать танцоров со всего кишлака,
чтоб перед гостем вертели бока —
тогда другой разговор,
пойду я к тебе во двор».
Вот ведь хитрый человек,
прямо-таки настоящий узбек!
Сразу учуял, что на обед.
А у Кусы отлегло от души.
«Ну, — думает, — бродяга, ты не спеши.
Взгляните на этого большеголового дурня —
никак он меня обвести задумал!»
А сам смеется и говорит вслух:
«Э-э, дорогой друг,
всё, как ты скажешь! Пойдем, поведу —
какую захочешь, приготовим еду!»
Понимает Хасан, что дело с подвохом,
и говорит он Кусе со вздохом:
«Ты скажи, зачем зовешь меня, Куса?
Ты скажи, зачем зовешь меня, куда?
Чайник чаю хочешь выставить, к нему
недоеденной лепешки два куска?
Будешь хвастаться, Куса, на весь кишлак,
что ты подал мне четыре кишмиша?
Или сахару кусочек отколол
да потом его два раза размешал?
Чаю — горло промочить-то — не запас!..
Чай, лепешка застревает на зубах...
Нет, такое угощение не по мне,
ты избавь меня от таких забав.
Коль в котлах бараны жарятся, Куса,
да полна араком добрая каса,
да йигиты покрасивше собрались,
так что глянешь — разбегаются глаза,
да арбу сластей заморских оплатив,
растранжиришь ты хоть тыщу золотых,
да покажешь мне воочью это всё —
вот тогда меня к себе и залучишь.

Созовешь к себе плясуний — и гостей,
чтоб жаркое отделялось от кбстей...
Нет, пожалуй, как услышишь — так сбежишь,
испугаешься подобных новостей!
Ну, допустим, я приду к тебе — и что ж?
Дастархан пустой, да выщербленный нож:
ни барана он, ни куриц не видал!..
Что ж ты лезешь? Почему не отстаешь?
Если вправду приглашаешь на обед,
так узнай сперва, как празднует узбек.
Вот устроишь, как тебе я объясню —
я тогда и припожалую к тебе.
Пусть певцы придут — лихие голоса,
да чтоб были веселы у них глаза!
А вот музыка пусть будет понежней...
Вот как надо всё устраивать, Куса.
А устроишь всё как надо — позови:
радость рядом — значит, горе позади.
Только сделай всё по вкусу моему:
горе выгони, веселью пособи.
Смелый дважды свою жизнь не проживет.
А недожил — его долю кто возьмет?
Дружбе нужно то, что нужно для друзей.
Говорят, что к сердцу путь — через живот.
Сможешь справиться — продам тебе коня.
Не понравится — и не проси меня.
Конь хоть в мире и единственный, да мой!
Ну, согласен? Так веди к себе домой...»
Теперь Куса несказанно рад:
«Ну, думает, узбек, большеголовый дурак,
будешь ты в сетях у меня.
То-то посмеемся через два дня,
как станешь искать своего коня!
Пока что давай веселись, как пьяный,
потом очухаешься от своего дурмана».
И говорит Хасанхану:
«Эй, приятель, пойдём,
поведу к себе в дом,
а по дороге,
при всем народе,
объявлю я,
что мы друзья,

всему кишлаку скажу об этом,
на радостях всех угощу обедом!
Сам увидишь — рядом с тобою
красавцы-джигиты сядут на тое,
танцы пойдут, вино, игра,
повеселишься до утра.
А наше дело решим проще:
вместе пойдем на базарную площадь,
всех барышников я созову —
они нам цену и назовут!
Мы не постоим, дадим, сколько стоит —
нас любая цена устроит!..
Ну, и хватит пока о коне:
давай, приятель, пошли ко мне!
Мне надо сейчас не коня твоего —
а угостить тебя самого!»
И пошел Куса,
а за ним Хасан —
идет да пока
играет простачка.
Привел к себе Куса Хасанхана-льва,
все им навстречу кинулись сперва,
Хасанова коня прямо на ходу
подхватывают, берут под узду,
подводят Хасана к возвышенью,
с седла ссаживают с уваженьем.
Подметен двор,
ни крошечки сора,
йигиты как на подбор —
красивые, веселые,
гостю, как халву,
сыплют похвалу,
заводят Хасанхана в михманхану.
Юноши-красавцы и тут
все, как один, встают,
Хасанхану с почетом место дают,
отряхнув, подувши,
подкладывают подушки
и снова на место садятся, крича:
«Добро пожаловать, узбекский байвачча!»
Кланяются ему, восхваляют его —
все замечают его одного.

И Хасанхан отвечает не скупю.
Сидит — и держит за веревку Гиркука.
Йигиты ему: «Байвачча, беспокоиться не
нужно —
давайте коня, мы сведем на конюшню,
вы за него будьте спокойны,
у нас, как надо, ухожены кони!»
— «Нет,— говорит Хасан,— не тревожьтесь сами:
конь должен быть у меня перед глазами.
Почему? Да ведь он у меня людоед.
Он без меня наделает бед!
Если взбесится — сами позовете меня:
мол, спасите от вашего узбекского коня!»
Так, веревку удерживая сам,
за дастарханом и сидит Хасан.
А йигиты, услышав такое,
перешептываются меж собою:
«Ну и узбек, батыр не робкий —
не то что коня, не даст и веревки!»
Наелись, выпить хотят батыры.
В руки берут, наклоняют бутылки,
а кое-кто, закатав рукав,
к Хасану обращается с касой в руках:
«Вам, гость дорогой, начинать, однако...»
— «Ладно, ладно»,— говорит Хасан. Касу арака
опрокинул — и держит ее на весу.
Снова ему наполняют касу.
Эта, говорят, еще гуще:
это, говорят, каса гостя!
«Ладно, ладно,— говорит Хасан,—
что ж тут делать, моя каса,
спору нету!»
Опрокинул и эту.
Только проглотил с облегченьем —
наливают третью: касу угощенья!
Опять Хасан ее берет
и опрокидывает в рот.
Выпил третью — наливают снова!
Тут Хасанхан глянул со злобой,
да и легла его рука
на эфес исфаханского клинка:
«Это,— говорит,— что за порядок?

Я пью и пью, а вы и рады!
Одну сказали — выпил, другую — выпил,
выпил третью — а что же вы-то?
Ваша очередь пить!
А то, смотрите, всех могу порубить!»
Трусов стала лихорадка бить,
кто задрожал,
кого кинуло в жар,
загомонили,
заговорили:
[; «Как не пили? Мы тоже пили...
Только что, может, не до дна?..
Выпьем еще... Наливай вина!»
Загудела михманхана.
Дважды арак приносили,
пили и так, и на спор пили,
и те, кто хотел спойть Хасана,
с третьей касы окосели сами,
легли вповалку там и сям.
Тут вышел во двор Хасан.
На востоке заря занимается,
а собутыльники кругом валяются,
перепились молодцы,
лежат бесчувственные, как мертвецы.
Решил Хасан уезжать от Кусы.
Конь в поводу, за ворота выходит,
а там двенадцать девушек ходит!
Все молоденькие,
на щеках родинки,
такие красивые — сама краса!
Нету сил отвести глаза.
На утреннем холоде
воркуют, как голуби,
сами, как свежий цветок, сияют,
друг с дружкой играют,
жеманятся, как лисички,
встряхивают косички,
плечом поведут искусно,
серу жуют с хрустом.
Вроде на Хасана и не глядят,
а краешком глаза кидают взгляд.
А у Хасана годы те уже,

когда заглядываются на девушек.
На самом деле они так хороши,
или это чары его души?
Не может от них он отвести очи,
очень они ему понравились, очень.
Встал Хасан поперек дороги
и вдруг обратил к ним такие строки:
«Все хороши-то вы, платья-то вышиты,
но хоть одну поучтивее вышлите!
Вас не учили, видать, ничему?
А не мешает как следует вышколить!
Девушки разве друг в друга кидаются?
Ишь — украшенья на шее болтаются!
Хоть поздороваться надо уметь —
«здрасьте»-то всем говорить полагается!
Все вы в обновах из розовой ткани,
точно усыпаны роз лепестками.
Хоть не научены вы ничему —
кто устоит перед вами? Лишь камни.
Взор не насытится обликом милым,
вы же, не глядя, проходите мимо.
Кто не по нраву придется — того
вы, как батыры, спровадите мигом!
Милые девушки, славные девушки,
бедных йигитов приветствовать где уж вам
Вы — у зеркал приоделись с утра,
родинки снова считая, как денежки...
Будет тулпар победителем гонок.
К беку идет за советами город.
Вы же, голубки, летите куда —
кто вас с ладоней жемчугом кормит?
Встречных осмотрите краешком глаза.
Вряд ли красу улучшает прикраса.
Слишком уж вы разоделись с утра,
да не промолвили слова ни разу!
Будет моргать вам тихонько друг другу,
будет ходить друг за другом по кругу.
Эй, раскрасавицы, гляньте сюда —
нечего взглядами мерить подругу!»
Девушки смотрят — йигит-красавец
жаркие взоры на них бросает.
В поводу у него — лихой скакун,

могуч батыр, хоть летами юн.
Шапка на голове золотом шита.
Нежней, чем у девушки, душа у йигита,
трепетней листа
в такие лета!
Смотрят красавицы на Хасанхана —
все они его услышали —
слова его душу им задевают,
посмеиваются, а речей не затевают,
выстроились в ряд,
глядят, молчат.
Но одна не стерпела,
начала первой —
загляделась так
на могучий стан,
на глаза, на брови,
что вспыхнула вроде
и на сладкие слова
ответила сама:
«Жизнь моя вашею жертвой да станет!
Жизни на сладкую жертву достанет.
Жертвую каждому слову душой! —
всей красотой моей — тонкому стану...
Звери в природе приветствий не знают.
В нашем народе приветствий не знают.
Душу отдам задушевным словам! —
хоть ничего они вроде не значат.
Слава — однажды бывает в зените.
Славные пали — а кем заменить их?
Жертвую душу я сладким словам,
хоть не обучена им, извините.
Ваши слова меня вводят в смущенье.
Их и сравнить не сумею ни С чем я.
Жертвую каждому слову душой —
хоть незнакома с таким обращеньем!
Всё же послушайте нас без укора —
мы не встречали йигита такого!
Нынче у Арка, гость дорогой,
конский базар открывается скоро.
Всё нам известно, до малого шага —
у Хан-Далли мы недаром служанки!
Поторопитесь на площадь под Арк,

если удачей побрезговать жалко!
Мы обожаемы всем Эрзерумом —
разузнавать обо всем нам нетрудно.
Поторопитесь же, о господин,—
нынче под Арком базар многолюдный!
Смотрим в глаза мы — зеркал мы не носим,
всех затмевая красою и лоском.
Нынче у Арка базар Хан-Далли —
там появиться мы гостя попросим.
Раньше придете — оно поспокойней:
там будут собраны лучшие кони!
Вас приглашают служанки Далли —
с вашим конем Эрзерум познакомить.
Женщины, старцы, а парни — подавно:
все соберутся сегодня под Арком!
Этот базар собирает Далли —
чтоб для отца заручиться подарком.
Надо направиться вам туда тоже.
Конь ей понравится — да и вы тоже.
К Арку идите — вперед и направо!..
Будет смотреть она, что ей по нраву.
Высмотрит сверху — и купит коня...
Ваш подойдет ей — да и по праву!»
Так его девушки известили,
позаботились о батыре.
Повеселев от известья сего,
снова Хасан садится в седло,
думает: «О великий аллах,
вели, чтоб дела пошли на лад!
Дай прославиться нам по праву,
дай нам Далли прийтись по нраву!»
Поскакал Гиркук, удила грызя.
А девушкам тоже промолчать нельзя,
побежали, рассказали всем в округе
о Хасане и о Гиркуке.
Слух пошел во все концы,
ко двору потянулись купцы
(ну, они-то —
народ именитый!),
а за ними — скорняки, чеканщики,
а за ними — мясники, чайханщики,
продавцы, что сластями торгуют...

Побросали дела, идут, толкуют:
«Надо, мол, скорей, а то неизвестно,
вдруг да на площади будет тесно,
так что многим не хватит места —
раз там будет Далли сама,
народу туда набьется тьма...»
И впрямь у дворца толпа толпится,
народу полно, негде прислониться,
шум, гам, а народ —
всё идет себе и идет.
Хасан на Гиркуке подъезжает вскачь.
А Гиркук—он почти как толмач,
понимает любое слово,
от доброго и до злого,
а если хозяин прикажет, покличет —
может принять любое обличье!..
Хасанхан говорит коню:
«Ты должен приглянуться — знаешь, кому...
Нынче, чем хочешь, а удиви
эту самую Хан-Далли!»
И пошел Гиркук, выехав на базар,—
то застывает в прыжке, как архар,
то, играючи,
скачет по-заячьи,
то пойдет веселей —
полетит, как олень,
то танцует, гарцует, не жалея ног,
то бежит и взбрыкивает, как стригунок.
Все вокруг на него глядят
и от Хасанхана не отводят взгляд.
И та, что всех выше,
глядела с крыши,
тоже его заметила,
рассмотреть не замедлила.
Видит — он почти что мальчик,
лет пятнадцати, не иначе,
сидит не шатко,
в золоте шапка,
конь невиданной красоты
скачет и ходит на все лады.
Такого коня упустить жалко,
вот она и говорит служанкам:

«Эй, посмотрите, видите, всадник,
тот, что ни спереди и ни сзади
на моих сородичей не похож?
Спросите у него: «Коня продаешь?»
И скажите, что если продаст,
покупаем его для нас».
Хасан с конем распарились, жарко,
тут и подходят к ним служанки,
спрашивают, головы клоня:
«Эй, гость, продаешь коня?
Пойдем-ка, поспеши
предстать пред очи госпожи».
Хасан рассиялся,
гикнул, помчался,
встал — не подальше,
прямо под аркой.
Смотрит Хан-Далли — дело явное,
нету в коне никакого изъяна.
«Такого, думает, в наших местах
еще не взрастил ни один мастак».
Уж так ей конь пришелся по сердцу:
столько, мол, и дам, сколько попросит.
А сама спрашивает: «Продаешь скакуна?»
— «Вам — продам!»
— «А какая цена?»
И тут меж собой торг затеяли:
— Из какой ты державы приехал — не знаю,
из какого такого далекого края,
но скажи мне, барышник, — коня продаешь?
И чего ты попросишь, его отдавая?
— Скакуна повели
для чего из конюшен?
Я продам! — повели,
если конь тебе нужен.
Был бы конь, а продать его можно всегда.
Для тебя мы любые запреты нарушим.
— Эй, узбек, распускаешь язык ты, я вижу.
Видно, понизу ходишь, а метишь повыше...
Конь — как конь: кости, мясо, копыта и хвост.
Ты не хвастайся слишком — беды бы не вышло!
— Что ты, матушка: к нам — и с таким
разговором.

Разговор ты ведешь не с каким-нибудь вором!
И коней ты не сваливай в кучу одну:
тут порода важна, а не цвет или норы!
— Эх, сейчас-то тебя и одернуть как раз бы!
До чего же, узбеки, вы спорить горазды...
Каждый раз распускают хвосты, хвастуны!
Только ты кустохвостым гордишься напрасно...
— Очернить, осрамить — это каждого просто.
Но иным-то короткий халат не по росту.
Хан-Далли, ты владычица этой земли.
Сколько есть в Эрзеруме таких «кустохвостых»?
— Твой скакун приглянулся мне из-за окраски:
что за масть это — серый, буланый, саврасый?
И с чего это ты намекаешь, узбек,
что таких в Эрзеруме не знали ни разу?
— Ты страны своей в каждом конце ли бывала?
Ты живешь во дворце с золоченым айваном!
Да и женщина ты — что тебе до коней?..
Нет таких скакунов ни в степях, ни у хана!
— Пусть сама б я в коне разобралась не сразу,—
тех, кто видит и знает, глаза й и разум.
Не забыл ли ты, кто я?.. К тому ж, говорят,
я красы образец, что доступна для глаза!
— Ты одна на земле, но и конь в своем роде
во вселенной один и прославлен в народе!
И сравнить невозможно с тулпаром моим
всех коней, по земной пробегавших дороге...
— Эй, не хватит ли нашему плову вариться?
Не пора ли попробовать договориться?
Продаешь скакуна — так и цену скажи.
А продашь — будешь гостем ты, как говорится...
— Пусть вершатся дела, как аллаху угодно.
Быть мне дальше от зла и от плахи угодно.
Стань ты впрямь покупательницей моей —
у меня бы взяла всё, что сердцу угодно.
— Да ведь я же цены не могу допроситься!..
Несмышлениш на вид, а хитрее лисицы!..
Милый гость, объяви мне желанье свое!
Ты скажи — заплачу и не стану скупиться.
— Я, скиталец, в твоих оказался владеньях.
Покупатель такой мне дороже и денег.
Ты спустись — и ударим с тобой по рукам.

Скакуну ты свою и уздечку наденешь...
«О Хан-Далли, мы, узбеки, честный народ,
кривым путем никто не пойдет.
Кто покупает, кто продает —
руку от всей души подает!
Ну, а что до коня моего —
знай, охотников тьма на него.
Но ведь ты падишаха дочка,
шах тебя пестовал денно и ночью,
если я скажу тебе «нет» —
недостойный это будет ответ.
Речь-то всего о лошади — ладно!
Отдам, хоть мне это выйдет накладно!
Сколько назначишь — без обмана! —
возьму, не скажу ни «много», ни «мало»,
приму без торга —
я такой! —
деньги только
своею мне дашь рукой».
«Э, нет,— думает Хан-Далли,—
такой молодчик хорош вдали,
а тут — схватит за руку, стацит в седло —
и увезет, только и всего!
Пропади ты пропадом, хитрый узбек,
не дам я тебе руку, не дам вовек!»
Первая хитрость не удалась,
Хан-Далли не поддалась.
Хасанхан думает: «Не вышло с этим,
хитра, сама не полезет в сети!»
А тут зашумели люди кругом:
«Эй, узбек, да что у тебя за конь?!
Чего это ты им так расхвалился,
чем он лучше других уродился?
Всё как у всех, лошадь как лошадь.
Зря не хвались, выезжай на площадь!»
А Хасанхан в ответ говорит:
«Чего вы,
бестолковые,
подняли крик?
Вопите зря, ничего не поняв,—
где уж вам понимать в конях!
«Конь как конь»... Да вы гляньте толково:

в мире нет второго такого!
Я за свои слова в ответе:
такому и впредь не бывать вовеки!
Я покажу вам в разе таком,
что он умеет делать, мой конь!
Принесите кирпич, положите на площади,
я велю на нем станцевать моей лошади!
Кто хочет взглянуть, пусть останется —
спляшет скакун шестьдесят два танца!
И своих коней приведите — попробуйте подбить,
чтоб они хоть встали на этот кирпич...»
Так он ответил. Эти ли, те ли —
все кругом вдвойне загалдели,
друг дружке кричат, не прислушиваются —
и народ, и Далли, и прислужницы:
«Что, мол, скажешь? Может ли статья,
чтоб конь, да на кирпиче, да столько танцев?..»
Далли — Хасану: «Эй, узбек, это * ты для параду,
или твой конь станцует вправду?
Неужто на кирпиче он спляшет подряд
шестьдесят два танца на разный лад?
Что ж, если сам с середины не бросишь —
получишь за коня, сколько попросишь!»
Гиркук под Хасан-батыром ходит,
Хасан его к танцу подготовить хочет.
А между базаром и хоромами
огромное
было место ровное.
Тут и собрался глазающий люд —
весь базар оказался тут! —
задние подходят, на передних жмут...
А служивые люди покрикивать рады,
знай, устанавливают порядок.
Пересуды —
повсюду:
«Узбек-то, видать, не в себе —
сплясать с конем, да не на земле!
Положит кирпичик
да шайтана покличет...
Сколько танцев-то?
Долго ль протянется?..
Постоим, поглазеем...»

Сбежались все — и
некуда податься!
Принесли служивые кирпичей штук двадцать,
положили в ряд,
заржал Гират —
и пошел иноходец!
Как канатоходец,
приседает, приплясывает,
глаза припрятывает,
взад-вперед,
и усталость не берет.
Тут Хасан говорит коню:
«Пропади, эрзерумский народ,
люди добрые — наоборот!
Пусть выходят все пери вперед,
а дурнушек — шайтан заберет!
Пляшет конь словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов.
Вот игру затевает Гиркук—
все смотрите, вблизи и вокруг!
Ты пляши зажигательней, друг,
для Далли и служанок-подруг!
Скорый конь мой, опора моя,
ты летишь, без упора паря,
мы одни на чужбине с тобой —
всюду горы, чужие края.
Быть нам вместе, судьбы не коря —
ты богатство и радость моя!
Пляшет конь словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов.
Ты могуч, тебе всё по плечу.
Сяду — еду. Не еду — лечу!
Я другого — ни-ни! — не хочу,
я роднее родни не сыщу.
Пляшет конь словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов.
Сколько трав ты в пути перемял,
одолея не один перевал,
ты танцуй, весели Хан-Далли —
лишь костей бы не переломал!
Начинает он это ли, то —
зрелой силой в нем все налито.

Даст ли бог ему цели достичь —
до Далли ему недалеко!
До чего же он пляшет легко —
он недаром в степях вырастал.
До чего он танцует легко:
посмотрел — от души отлегло!
Пляшет конь словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов.
Разной пляской ты нас одари:
стань оленем, что скачет вдали,
или прыгай, как гордый архар —
завлеки все вниманье Далли,
да и девушкам всем, что глядят,
обаяния удели».

Пляшет конь словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов.
Он на разный старается лад,
веселит всю округу подряд,
все, кто смотрит на танец его,
любопытство свое утолят,
и служанки-то все, и Далли
тоже, не отрываясь, глядят.

Пляшет конь словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов.
Конь Хасановы слышит слова —
и уж так его пляска нова,
что Далли, да и весь Эрзерум
от восторга и дышат едва.
Все от пляски такой без ума —
и Далли-то со свитой сама.

Пляшет конь словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов.
«Ты архаром, оленем спляши,
но потом и себя покажи!
А красавицы — как хороши! —
еле дышат, глядят без души.
Ах, танцуй же, скакун мой, танцуй,
всевозможные танцы тасуй,
пусть поближе Далли подойдет
и окажется рядом, внизу,
пусть глядит на тебя без ума —
я ей в душу смятенье внесу.

Конь, танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов.
Ты пляши и танцуй, мой тулпар,
расцветая, как горный тюльпан,
мы такое покажем Далли,
чтобы в радости взор утопал.
То архаром могучим скачи,
то оленем летучим лети,
то красавицы шаг повтори —
нежной пери, бредущей в ночи.
Ты танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов!
То медведем вставай на дыбы,
то присядь, то подпрыгни — дабы
веселилась сверх меры Далли,
как при праздничном звуке трубы.
Задери все четыре ноги —
да и в небо, не бойся судьбы!
Ты танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов!
Столько танцев знал Гират —
любой танцор бы запомнить рад.
Гороглы, Аваз, Хасанхан прикажут —
он и выполнит, он и спляшет.
Любую речь понимал с полуслова —
разумней был человека иного!
Порой йигит еще ждет приказа,
а конь уже всё поймет прекрасно.
Вот какой
был это конь!
Хасанхан Далли домогался —
и Гиркук Далли домогался.
Он ведь сначала уже примечал,
зачем хозяин сюда примчал.
И вот, ступая то прямо, то криво,
Гиркук, как лев, потряхивая гривой,
в сторону глянет —
в другую прянет,
ноги вместе, уши врозь,
боком двинется, наискось,
то попятится, то вперед,
то на месте крутой поворот,

то спрячет взгляд — то глазом блеснет,
то стиснет зубы, то заржет,
чего ни жди — всё наоборот...
Привык Гиркук, что каждый раз,
как был ему станцевать приказ,
Гороглы, Хасанхан или Аваз,
не позабыв ни разу об этом,
его развлекали каким-нибудь бейтом.
А в ответ он такую чечетку выбьет,
что посмотреть и покойник выйдет!..
И нынче Хасан, повеселев,
говорит ему: «О мой лев!
Танцуй, благословенный, пляши, мой конь!»
А сам ему бейт читает такой:
«Тут собрался враждебный народ.
О тулпар мой крылатый, вперед!
Каждый, кто тебе цену поймет,
падишахом-конем назовет!
Так танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов!
Ты танцуй, пусть посмотрит Далли,
удовольствием всех одели —
тех, кто близко, и тех, кто вдали!
В удивленье разинутый рот.
«Что за чудо?» — дивится народ.
Ты танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов!
Пусть на танец
глядят без конца,
сердце тает,
и слезы — с лица,
и промолвить нельзя ни словца...
Ты заставь их и речь потерять,
ты заставь их глаза протирать,
чтоб потом,
когда мы улизнем,
ты им снился опять и опять.
Ты танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов!
Ах, танцуй же, мой милый, танцуй,
и фигуры лихие тасуй,
лучший фокус в конце покажи,

представления самую суть.
Пусть глядят на тебя без души,
забывая, когда подошли,
пусть красавицы, как на подбор,
окружат — ты пляши и пляши.
Пусть сияет от счастья Далли,
пусть приблизится — ты не спеши!
Ты танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов!»
Так Хасан на Гиркуке гарцует,
а конь, как девушка, танцует,
и собравшийся весь народ
сидит и смотрит, разинув рот,
не может глаз отвести от Гиркука.
А конь ничуть не устал покуда:
то скачет оленем, а то архаром,
то ступает медведем — увальнем старым,
то вдруг пошел
скакать, как козел,
ушами прядет, глазами поводит...
Хасанхан натянул поводья,
взвел умело коня на кирпич
и стал за бейтом бейт лепить:
«Друг, Гиркук мой, красавец Гират,
я кормить кишмишем тебя рад!
Я у цели, у крайних преград,
крылья-молнии рядом парят...
Дочку хана сюда завлеку,
привлекая все взоры подряд!
Ты танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов!
Ты полгода в конюшне стоишь,
там твой корм — не ячмень, а кишмиш,
зажигают светильник тебе,
если ты затоскуешь, шумишь.
Шнур из шелка, чтоб ног ты не стер
вот ведь чем привязали тебя.
Серебро, что не стыдно на стол —
вот ведь чем подковали тебя.
Как орехи, обломки камней
под ногами трещат у тебя.
Ты танцуй словно тысячью ног —

шах туркменских степных скакунов!
И копыто литое летит,
вражье войско лихое — лежит.
Скажут «чу!» — не обгонишь ли птиц?
Но быстрее твоя слава летит.
«Вон Гиркук, мол!» — и сияхпушей
рать бежит — и назад не глядит.
Пыль от бешеной скачки твоей
темной тучею солнце слепит.
Ты пляши, мой могучий, пляши,
всем им головы сладко кружи,
переполни довольством Далли,
всё вниманье к себе привяжи,
сотню танцев, не спутав, спляши,
чтобы замерли все, без души.
Ты танцуй, пусть посмотрит Далли,
удовольствием всех одели —
всех, кто близко, и всех, кто вдали.
Рот разинул кто стар и кто млад,
удивлением полнится взгляд,
о тулпар мой узбекский, навряд
кто-то быть с тобой рядом не рад!
И Далли, и служанок отряд
иноходца купить захотят.
Пусть же, пляски
запомнив обряд,
в песне, в сказке
о нем говорят!
Ты танцуй, пусть посмотрит Далли,
удовольствием всех одели —
всех, кто близко, и всех, кто вдали.
Ты себя не жалей, мой тулпар,
ты танцуй веселей, мой тулпар,
сам себя одолей, мой тулпар,
словно птица полей, мой тулпар,
не зевай, будь смелей, мой тулпар!
Ты танцуй, пусть посмотрит Далли,
удовольствием всех одели —
тех, кто близко, и тех, кто вдали!
Небывалою пляской своей
ты девичьи косички развей,
заколдуй, зачаруй Эрзерум,

как ночную листву — соловей.
Ты танцуй словно тысячью ног —
шах туркменских степных скакунов!
Окружил тебя девичий круг,
в украшеньях их шеи и грудь,
словно тысячи звезд ввечеру,
их глаза затевают игру,
пахнет мускусом, пудрой вокруг,
поглядят — как поглядят,
замрут,
миг — и снова возня у подруг!»
Застывает скакун, как свеча,
укрепясь на ребре кирпича
и самих ловкачей-обезьян
небывалому трюку уча.
Как архар среди снежных вершин,
что провал перепрыгнуть решил,
он заносит копыта в прыжке
на четыре иль на пять аршин!
А Хасан
отдохнуть не дает,
взмок и сам —
а дохнуть не дает:
стыдно, мол, — под конец недолет!
Знай, пляши, а конец недалек.
Пасть открыл жеребец, устает,
всё, Гират наконец-то сдает!..
Что же вдруг встрепенулся Гиркук,
словно заново день настает?..
То летит — то скакнет, как олень,
да и боком, по-бычьи — не лень,
затаится, как барс между скал,
как лиса по лесам, средь полей...
И глядит неотрывно вокруг —
и танцует, танцует Гиркук!
То встает на дыбы, как медведь,
как свеча, распрямляется весь,
то подпрыгнет Гират, подобрал
все четыре ноги, а не две,
пискнет птицей, возьмется реветь:
повторяет повадки зверей,
где он им научился — бог весть!

И как барс он ревет, и как тигр,
бьет копытом — как землю когтит,
и пантерой кидается вбок,
и топочет, как слон, и пыхтит.
Носом землю копнет, как свинья,
как кабанья лихая семья,
повторяет повадки зверей,
самого не забывши себя.
Все секреты зверей выдает —
только что не ползет, как змея!
И на танец глядящий народ
жадно смотрит, дрожа и смеясь.
Вот и заячий сделал прыжок —
и пошел приседать, и пошел!..
На какой он ни пробовал лад —
в каждом танце себя превзошел.
И сбежавшийся к Арку народ
то, глядишь, облегченно вздохнет,
то глядит в удивленье большом.
Ах, как плавно танцует тулпар —
так и девушке нежной невмочь!
Тот, кто танец Гирата видал —
вспоминает его день и ночь.
Все глядят и глядят на коня —
ни один не отправился прочь!
Так он пляшет — гляди и гляди!
Люди смотрят с восторгом в груди.
И подходит народ без конца —
жмет на тех, кто стоит впереди.
«Разве может такое скакун —
все границы чудес перейти?»
А Далли от восторга пьяна,
так и тянет ее к скакуну.
С каждым танцем всё ниже она
на ступеньку ступает одну.
И глядит она на скакуна,
словно видит вторую луну!..
Все служанки за нею, сполна,
вот уж с Арка спустилась она
и всё ближе идет к плясуну.
И Гиркук не уймется никак:
как сыны дагестанских вершин,

пляшет он — словно дело вершит,
выполняет особый заказ.
А народ-то подходит, спешит,
рвутся жалобы с языка:
«Мы, мол, раньше других подошли,
а вот топчемся сзади пока!»
Танец яростный входит в зенит,
и земля, как железо, звенит,
и, за спинами вставши, Далли
в упоенье глядит из-за них,
окружают служанки ее,
вслед за нею сошедшие вниз.
И отважный Хасан-богатырь,
полон чувством, как влагой — родник,
обращается снова к Далли —
он к устам ее взором приник,
к лику лунному с мушкой двойной —
ибо тяжкой дорогой степной
он и мчался сюда из-за них.
«Ну, теперь ты видала коня?
Что ж ты, матушка, скажешь о нем?
Поспеси и обрадуй меня!
Что решила ты с этим конем?
Ты видала, как он танцевал —
но ведь конь мой не в этом одном!
О Далли, это конь-падишах!
Ты ведь спорить не станешь о том?»
Хан-Далли Хасанхану в ответ:
«Нет, аллах не спасет нас от бед!
Я дивлюсь и довольна, как все,
будь здоров ты и счастлив, узбек!
И дивлюсь я такому коню,
и наездника я не корю!
Будь здоров, о узбек, и найди
всё, что ищешь ты в нашем краю!
Всё умеющий этот тулпар —
как чудесно он тут выступал!
Но не ты ли его и учил,
по далеким скитаясь степям?»
Он:
«Я жажды двойной не снесу,
но спасибо, Далли, за красу.

И вода будет слаще, чем мед,
если ты поднесешь мне касу!
Ты налей эту воду сама
и подай мне, красой осень.
А скакун мой станцует еще —
лишь в конце он покажет себя!
Можешь танец сама заказать...
Напои — постараюсь и я!»
Хан-Далли
перед речью такой —
пядь земли
перед речкой лихой!
Взяв касу, наполняет водой,
подает, как обычай велит,
взяв двумя — не одною рукой.
— Пейте, вот вам, узбек! — говорит.
Пейте воду, узбек...— говорит.
Тут, губу закусивши, Хасан
ухватил ее за руку сам,
с маху кинул на спину коня —
не успел даже ахнуть базар!
И, поводья коня натянув,
дорогих не теряя минут,
дернул с места Гиркука Хасан —
всё понятно и так скакуну!
Тут завыли служанки: «Вой-вой!»,
и, поникши на миг головой,
люди базарный загикал: «Держи-и!»
пробудился в нем дух боевой.
Круг замкнулся. Но храбрый Хасан
вмиг веревкой Далли привязал,
руки высвободил — а сам
саблю вытащил и кинжал.
Тех отбросил, а этих прижал —
растерялся базар, побежал...
Он занес над Гиркуком камчу,
закричал ему яростно «чу!» —
и Гират, этот шах лошадей,
полетел, словно свет по лучу!
Все, кто был впереди — позади...
Тут Хасану я речь поручу:
«Разволнуешься ты, как река,

как небесная вспыхнешь дуга.
Городская стена высока —
но не выше лихого прыжка...
А камча обжигает бока!
Эй, Гиркук, ты не спутаешь путь?
Ты ведь истый тулпар, не забудь^.
Пусть ограда высокая, пусть!
Не отдаться ж им в руки, Гиркук?
Соберись-ка ты с силами, друг,
перепрыгни ее как-нибудь,
да смотри, про камчу не забудь...»
Полубуйтесь Хасаном сперва:
отпустил он поводья сполна,
просвистел тяжелой камчой —
и на стену послал скакуна!
Полубуйтесь Гиркуком теперь:
прянул в воздух напрягшийся зверь,
и ограду единым прыжком
одолел он — хоть верь, хоть не верь!
Полубуйтесь Хасаном опять —
как он, милый, торопится вспять!
Весь лихой эрзерумский народ
он один заставляет рыдать.
Нет, не трус он, бегущий Хасан,
он при свете схватил ее сам,
на виду у народа всего,
был при этом весь людный базар!
А теперь он летит по полям,
делит славу с конем пополам,
умыкнул среди белого дня —
всем признать его храбрость пора!
Конь отборный у бека всегда.
Но быстрее тулпара — беда.
Хан-Далли умыкнули при всех,
а не видно уже и следа!
И вот теперь батыр Хасанхан
на Гиркуке своем ускакал,
далеко позади оставив вскоре
целый город в смятенье и горе.
А в столице эрзерумской земли
люди плакали о Хан-Далли,
говорили скорбно:

«Пусть будет законной...»
Прислужницы Далли, разодрав лица,
с плачем пошли падишаху поклониться,
каждая войдет —
вопит: «Вайдот!»
Падишаха сразила весть,
горем он переполнился весь.
Усы поникли,
в лице ни кровинки.
Сладость речей
пропала, нету,
радость очей
от дневного света —
от дочки и сына разом —
ушла живьем, помутила разум...
И мать Хан-Далли распустила волосы,
бьет себя в грудь, плачет в голос — и
кричит: «Вой-вой,
свет ты мой,
вот ведь беда,
была ты одна,
доченька моя ладная,
реченька моя сладкая,
бела да добра,
волосы, как у бобра,
тугие косы,
глаза, как звезды,
ротик маленький,
губки аленькие,
господни дары,
единственная ты моя Хан-Далли!»
Плачет, путает речи —
словно небосвод упал ей на плечи.
Во всем дворце не осталось, однако,
никого, кто б тогда не плакал.
А падишах сидел, нем,
и вдруг в нем закипел гнев,
как змея, брызжет ядом,
как удав, давит взглядом,
ревом, как у слона,
оглушает сполна,
медведем рычит,

быком мычит,
прет, как кабан,
что землю вскопал —
велит собрать
великую рать.
Скликают служивых,
вооружили,
выросло войско
раз во сто,
конный народ
выезжает вперед,
пеший народ
выходит в поход.
Припасы взяли,
перевязали,
на арбы положили сзади.
Грохочет обоз — а пуще
грохочут шахские пушки.
На лихих падишаховых коней
посадили могучих богатырей,
в усердье великом
летят они с криком:
«Эй, неужто нам невмочь
спасти единственную шахскую дочь,
еще до обеда
отбить у узбека?
А не сможем — о чем речь:
лучше тогда в могилу лечь!»
А падишах отправил рать
и всех служанок велел собрать,
спрашивает: «Как же этот узбек
к моей дочери подойти успел?
Как он без риска
подобрался близко?
Как похитил ее прямо отсюда,
среди базарного люда,
днем, не при звездах?
На чем увез-то?..
Это вовек
не уместится в голове».
А ему: «Государь, всё поймете, коль
узнаете, какой

у узбека конь.
Хан-Далли пожелала купить тулпара,
да сама же в беду и попала.
А конь узбека, как обезьяна, пляшет,
повадки любого зверя покажет —
точь-в-точь, хоть сверь.
Да и сам — как зверь!
Встанет на кирпич — стоять не останется:
как есть, станцует шестьдесят два танца!
Все глядят — и теряют разум.
Вот и Далли опьянела разом.
Все мы смотрели не дыша —
не заметили, как она к нему подошла.
Он, пока танцевал, попросил напиться —
вот она и подала водицы.
Базар и не ахнул —
узбек одним махом
схватил за руку, кинул на коня —
и пропал среди бела дня!»
Понял хан, служанок послушав,
что за конь его счастье порушил,
велел Кусу привести — и ему
без лишних слов присудил тюрьму.
А между тем Хасанхан неустанно
скакал до самых гор Дагестана.
Глядит на коня — а тот без сил:
капает пот с каждой волосинки.
Вот-вот
белой пеной весь изойдет.
Жалея коня, Хасан остановился
и с Хан-Далли наземь спустился.
Смотрит — юная, собой красавица,
лицо, как луна, в глаза бросается,
на лице мушки..
Он думает: «Неужто
среди девушек наших
бывали краше?..»
И Хан-Далли смотрит тоже,
какой Хасан статный, пригожий;
грозен, как тигр, львиная хватка,
смелая, как у барса, повадка,
стальные руки — йигит могучий!

Сужен муж — так не надо лучше...
Друг другу понравились они по праву,
оба друг другу пришлись по нраву.
Хасанхан говорит Далли:
«Вот теперь-то, Далли, ты моя,
увезу тебя в наши края,
в наш Чамбиль — и прощай, Эрзерум!
Ты смирись, об ином не моля.
Кто бы выиграл в скачке такой?
Из тулпаров тулпар этот конь!
И послушай, что я говорю:
пот, устаток — ему незнаком.
Мы с тобой — на лихом скакуне.
Топот громче вдвойне —
в тишине.
Ты, Далли, оценила коня,
лишь когда ты попала ко мне!
Я Хасан — для опасной игры
к вам отправил меня Гороглы.
Конь мой славен, я храбрый батыр —
одолеть меня там не смогли...
«Привези», — приказал мне отец.
Сколько смелых в Чамбиле сердец!
Подчинишься — в Чамбиль увезу,
а не то — тут тебе и конец».
Глянула Хан-Далли, звон услышавши, —
в руке у Хасана клинок исфаханский.
Вот-вот замахнется Хасан удалый —
ее прикончит одним ударом.
Она себе говорит: «В довершение бед
убить меня хочет этот узбек!
Вот, оказывается, здесь зачем я:
встретить кончину свою в мученьях!
Видно, так тому и быть —
он и ехал меня убить!..
В безводной пустыне, в безлюдном углу —
как нищенка, без погребенья умру.
Где ты, отец? Где вы, служанки?..
С белым светом прощаться жалко...
Где вы, подруги, где друзья?
Больше мне вас увидеть нельзя...»
Заплакала Далли, из глаз дружно

слезы посыпались, как жемчужины.
Плачет, рыдает она о себе,
такое слагает она о себе:
«Как непрочная жизнь изменилась,
горемычная, как я резвилась —
за беспечность мою на меня
эта тысяча бед и свалилась.
Так судьба со мной хитро играла:
всё дала — а потом отобрала.
Как пустыня, пуста моя жизнь,
что разбойнику в руки попала.
Уколюсь я колючкой, бывало —
моя матушка так горевала!
А теперь — никого, ничего...
Всё разрушилось, как не бывало!
Мной отец свое счастье упрочил —
я была ему сыном и дочкой! —
о, как дать ему знать обо мне
и о том, кто меня опорочил?
Мать платок с головы бы содрала
и лицо себе всё разодрала —
умерла бы, увидев Далли
в положение таком безотрадном!
И отец мой, когда бы увидел —
он бы чашу отчаянья выпил,
разодрал бы лицо: «О дитя!» —
и из мира в отчаянье выбыл...
Здесь, в песках, этот мир я покину —
кто мою опознает могилу?
Я умру, не увидев своих,
от неожиданной напасти погибну.
Где вы, девушки, с кем вырастала,
с кем я спорила тонкостью'стана?
Где веселье, беспечная жизнь?..
Вмиг желтее шафрана я стала.
Где вы нынче, игруньи-служанки,
что ловили слова мои жадно?
Нету рядом со мной никого,
никому меня больше не жалко.
Память всласть
меня мучит пока что.
Где вы, власть,

и покой, и богатство?
Нет людей, чтоб внимать похвалам
и сердитого взгляда пугаться...
Те, кто, хлеба и соли отведав,
клялись помнить и в счастье и в бедах —
где теперь вы, о гости мои?
Я взываю в тоске без ответа!
Вы, опора моя и порука,—
где вы нынче, наставники духа?
Что ж не лечите душу мою
от беды и лихого недуга?
Где ты, край мой,
отважным врученный?
Где ты, рай мой,
айван золоченый?
Высыхает мой сад без меня —
станет желтым, и красным, и черным...
О народ мой,
и беки, и войско —
где природное
ваше геройство?
Или вы — не отважные львы?
Что ж меня-то вы бросили просто?
Увидал бы отец негодяя —
приказал бы убить, не гадая,
мать ему б разодрала лицо,
задушила б сама, догоняя.
Ну, а вы-то, герои, удавы,
что душой мне ручались — куда вы?
Здесь без помощи бросив меня,
чем теперь вы клянетесь, удалы?
С отчим домом
я в горькой разлуке.
Где вы, добрые
матери руки?
Где отец мой заботливый, где
все служанки, друзья и подруги?
Мановеньем все сильного рока
всё отобрано было до срока:
власть, богатство, служанки, друзья,
мать, отец! Я умру одиноко...
Где подружки мои дорогие?

Не отыщут безвестной могилы!
Где защитники? Нету их рядом —
войска, ханским покорного взглядам!
С жаждой мести,
что в сердце стучится,
я без чести
уйду, без отчизны!»
Так Хан-Далли о себе причитала.
«Э, да что, думает, я в судьбе своей прочитала?
Для того ли меня украли,
чтоб зарубить у земного края?
Может, он меня и ославит,
только он меня не оставит.
Повезет к себе,
к своей земле,
к своей семье.
А я разве мертвая гнить желаю?
Нет, я желаю жить живая!..
Одежку сменить —
гордыню смирить.
Бедна, богата —
что мне надо? —
останусь живой,
стану его женой.
Что ж тут такого?
Он не хуже кого другого!
А поближе взглянуть — оно и получится:
он еще многих других получше.
Будь у меня прежняя власть,
да если б я выбирать взялась,
собрала женихов целый кишлак —
такого б, может, еще и не нашла.
С ним и стесняться не стоит очень —
он, видать, попроще прочих.
И к тому же хорош с виду!
Если не за него — за кого выйду?
Посреди базара, среди стольких глаз,
не побоялся меня украсть.
Увез силой!
Вот спасибо.
А я себе пророчу беду.
Искать — и то такого не найду.

Чего ж тут оглядываться?
Надо радоваться!»
Так она себя уговаривала,
всё вокруг сияньем одаривала,
соловьём заливалась, веселилась,
и к Хасану так обратилась:
«Миг этот — лучший, другого не жди.
Счастье лишь случай, встреча в пути.
О, не горюй, господин, что подруга
жаждет дорогу к сердцу найти.
Ливень размочит почву кругом.
Бог нам поможет сладить с врагом.
О, не горюй, господин, что подруга
ищет дорогу к сердцу силком.
Золотом верный подкован скакун.
Лучшей из пери я зваться могу.
О, не горюй, господин, что подруга
шпорит надежду на каждом шагу.
Я — Хан-Далли, и мой лик и слова
ясны и красны, стройна я сама.
О, не горюй, господин, ведь подруга,
слава аллаху, из мусульман.
Буду служанкою скромной тебе,
буду подругой до гроба тебе,
истинной, преданной буду подругой,
дам продолженье рода тебе.
Женишься, бек,— буду лучшей женой,
следуя всюду, покуда живой.
в узкой постели буду с тобой.
О дорогой мой,
рядом весь век —
в радости, в горе —
буду я, бек.
Буду супругой, подругой, служанкой —
свой сохраню я до гроба обет».
То, что от Хан-Далли услышал он,
совсем смутило Хасанхана.
А Далли говорит: «Вас я признала
истинным мужем, как верблюдица — нара.
Теперь, куда бы муж ни пошел,
следом поспешу, ухватясь за подол.
Твердо мое слово —

ни сноса, ни слома».

Хасан отвечает: «Милая Далли,

не повторяй эти речи твои.

Лучше послушай

о своем муже:

твой муж в Чамбиле, и править ему

у озера Хадак, где таки-явмут.

Гороглы-бека меньший сын, 1

любимец пери и высших сил,

вождь дружины, туркменский сокол,

чести нерушимой воин высокий,—

разве не слыхала

про Авазхана?

Хотя и я это дело сделал —

он твой муж. А я — твой деверь.

О цветок прекраснейший земли,

не сердись, красавица Далли.

Я ловлю твое любое слово,

но и мне вниманье удели.

Я — Хасан, и мощь моей руки

в Гуджистане ведают враги.

Но твой муж — Аваз из Чамбильбея,

от меня же — мысли отвори!

Услыхав от караванбаши

о красе очей твоих, души,

Гороглы велел мне: «Для Аваза

Хан-Далли доставить поспеши!»

Знай, всему причина — Авазхан!

Муж сладкоречивой — Авазхан...

Краток срок у каждого из нас.

Путь нам ямы портили не раз.

Твой супруг — владетель Чамбильбея,

муж тебе — прекрасный бол Аваз!

То, что приказал отец мой — бек,

верный сын, не изменю вовек.

Я не муж, а брат тебе, запомни.

Скажешь «муж» — я промолчу в ответ!

Гарцевал по площадям Гират,

рисковал, меня щадя, Гират.

И тебя, по отчему приказу,

я Авазу отвезу, как брат.

Я врагов своих искореню —

так поток сметает западню.
В Чамбильбеле властвовать я буду
и с Авазом вас соединю.
Буду я в тени иль на виду —
от отчизны беды отведу.
Стану господином в Чамбильбеле —
но тебя Авазу отвезу.
Свет Чамбиля, мощная рука,
лев, отважнейший из сорока,
сын Юнус-агы, Мискал — вот муж твой,
Авазхан: не будь к нему строга.
Нежный, как раскрывшийся цветок,
грозный, как разлившийся поток —
вот твой муж Аваз из Чамбильбея,
брат мой младший, радости исток.
На земле такой йигит один —
бол Аваз, Чамбиля господин —
будешь ты подругою батыра,
лучшее в дому вам отдадим.
Мой отец — пресветлый Гороглы,
брат Аваз — наследник Гороглы:
станом кипарис, а ликом ангел —
равных мы найти бы не смогли!
Брат мой младший — без изъяна дар,
вот уж кто воистину удал.
Хоть пока он мал еще, мальчишка —
у кого неистовой удар?
Матушки понуры — ну и что ж?
Запах мускуса кидает в дрожь.
О красе твоей отец услышал —
и решил: Авазу подойдешь.
Да, твой муж в Чамбиле — Авазхан:
золото кудрей бежит к вискам.
Даллиджан, ему подругой будешь —
краше всех, мудрей он, Авазхан.
Дал бы бог свезти тебя в Чамбиль,
на пути препятствий не чинил —
ты б, Далли, увидела Аваза,
поняла, чем дорог он, чем мил.
Не грусти, не думай ни о чем.
Я бы сам иное предпочел.
Но мой долг — везти тебя к Авазу.

Привезу — устроим свадьбу сразу,
громче, чем по шахскому приказу,
дней на сорок празднество начнем.
Девушек, красивейших в селе,
ты в служанки выберешь себе,
будет лучше жизнь, чем в Эрзеруме —
радость и веселие в семье.
Есть в утесах гнезда — или нет?
Есть ли просит плачущий птенец?
Привезу в Чамбиль, устроим свадьбу —
будет той на целых сорок дней!
Арк построим — стройный и не шаткий,
свадьба будет как у дочки шаха —
веселись и радуйся на ней.
В чистом поле — чистые цветы.
Хан-Далли, в Чамбиль поедешь ты,
в радости ты будешь жить с Авазом,
меж цветов добра и красоты.
Он опора прочная — Аваз,
станет раем этот край для вас.
Ты, Далли, должна быть свадьбе рада!..
Даллиджан, печалиться не надо:
красота твоя не виновата,
мой сыновний долг не виноват».
Послушала Хан-Далли эти слова
и сказала себе сама:
«Выходит, этому не бывать —
он и не думал меня убивать!»
Поняв это,
Хан-Далли расцвела майским цветом,
соловьем заливаётся,
сладко улыбается,
к Хасанхану шагнула,
брови растянула,
губы сердечком сложила,
стан распрямила...
Оглядев Хасанхана, говорит она:
«Мой господин, есть ли у вас жена?»
«Нет!» —
говорит Хасанхан в ответ.
Говорит Далли: «Разве не одно
у нас и узбеков заведено?»

Разве не откажут жениху, сказавши:
младшую не выдадим,
пока старшая не замужем?
Разве сватам не говорят:
младшего не женим, пока старший не женат?
Вы не женаты — разве красиво
женить сначала младшего сына?
Скажут люди:
отец вас не любит.
Вы, господин, не знаете свои права:
вас должны женить сперва!
Может, вы не поняли, не так услышали,
когда бек сказал про Авазхана?
Аваз, говорят, красив, повзрослел рано,
никого не считает себе равным,
гордый йигит,
хоть и молод,
с иными не говорит,
слова не промолвит.
Если его брат меня привезет,
он еще, пожалуй, меня не возьмет.
Скажет, оба рослые,
люди взрослые.
Путь долгий, ехали вместе,
как тут не поладить брату и невесте?
Так подумает — вот
меня он и не возьмет...
А я, каков бы он ни был с виду,
всё равно за него не выйду!
Вы — моя судьба, вы мне будете мужем,
мне никто другой не нужен,
ни о ком и не подумаю, никого не приму,
кто б ни присватался — откажу ему.
Пустых речей не слушайте,
вернее делу послужите,
всмотритесь толком,
расплатитесь с долгом:
пока не видят люди —
скорей целуйте!»
И тут словно колокольчик прозвенел вдали —
звонко рассмеялась Хан-Далли.
Хасан говорит: «Неверные слова.

А сам я — верный, хоть плоть и слаба.
Мне отец перед всей дружиной
отдал приказ нерушимый,
все его слышали:
«Хан-Далли — Авазхану!»
Вот — оплот мой!
Не буду подлым,
какая бы красивая ты ни была,
довезу тебя в целости до Чамбила.
Не стану питать пустую надежду,
на свои желанья узду надену.
Пачкаться не хочу, не совершу дурного.
Привезу отцу — а там его слово:
кому из нас
тебя отдаст.
Говоришь, не примет, мол, Аваз?
Мы ничего не натворили,
так отчего же он не примет?
У нас с ним союз прочный,
он ведь мой брат молочный!
Я его старший брат,
он мне младший брат,
нам аллах велел друг у друга брать,
мы одной связаны ниткой,
если я привезу, разве он усомнится?»
Опять как бы вдали звенит колокольчик —
это Далли
звонко хохочет.
«Всё говорите о нем, да о нем,
всё хотите умом да умом.
А то, что кроме ума растет,—
тоже же ведь надо брать в расчет...
Да и сами вы, как дитя, господин,
вам наставник необходим,
чтоб от него ума понабраться.
Ну какие вы с Авазханом молочные братцы?
Вы из Ваянгана, Темиршаха сын,
он из Хунхара, мясника Булдурука сын!..
Вот и попробуйте разобраться,
какие вы с ним молочные братцы!..
А меня ваш отец хотел вам отдать,
только решил вас сперва испытать!»

«Всё равно,— говорит Хасан,—
пусть отец прикажет сам.
А ты, как была чиста и бела —
такой тебя и привезу в Чамбила.
И пока туда не доедем,
лучше нам помолчать об этом.
Путь-то далёк, до отца и до брата
надо сначала живыми добраться!..
А я, сколько по земле ни ходил,
никого еще не подводил.
Не подведу и впредь никого.
Так что помни наш уговор».
Давайте мы их на миг оставим,
а сами к другому путь направим.
Ведь между тем падишахская конница
по разным дорогам за ними гонится,
и те, что по краткому шли пути,
сумели Хасанхана обойти.
Глянул вперед — забита долина,
сила вражья неодолима,
а сзади тоже
подходят,
всё его же
обходят.
Хасан и Далли растерялись даже,
думают, что им делать дальше.
Глядят — похоже,
только чудо
поможет
выбраться им отсюда!..
Потом решили
взойти на вершину.
В самом сердце гор дагестанских
решил Хасанхан с врагами сквитаться.
Далли посадил на камень, сам на Гирата сел,
врагов своих взором окинул всех,
подумал, взвесил... «Эх,
будь с нами повелитель, бек Гороглы,
они обложить бы нас не смогли!
Они бы сроду
не решились ему преградить дорбгу...
Далёко, далёко мой господин!

До чего плохо, когда ты один.
И кто передаст Гороглы весть,
что я здесь один, а врагов — не счесть?
Лишь ты, создатель, спасешь от позора,
лишь ты один — одиноких опора».

Так он думал, пока
пересчитывал войско врага.
А внизу те, что прискакали —
знать придворная, аксакалы,
управители,
что всё предвидели,
с каждым шагом
пластаясь перед шахом —
«сделаем так, сделаем эдак» —
напоследок
и они сами
увидали Хасана.
«Ну,— радуются,— наша победа!
Наконец-то нашли, настигли узбека.
Теперь на него навалимся враз —
никак ему не уйти от нас.
А то такую выказал прыть —
мог нас и вправду позором покрыть!
Теперь конец тебе, узбек,—
что тут сделает один человек?
Все его хитрости ни к чему —
лишь бы нам ночью быть начеку!»

Так они говорят меж собою,
а вокруг — всё их войско в сборе:
конники, пешие,
лучники подоспевшие.
Позатыкали щели,
загородили ущелья
и всё кругом
у подножья гор.
А Хасан-батыр в скалах укрылся:
затаился там, как лев — не как крыса!
Оружье наострил, положил пред собою,
стоит, готовый к бою.
И смотрит вниз, вспоминает горько
родные места, Чамбила плоскогорье.
Вспоминает веселые пиры,

сорок друзей —дружину Гороглы,
горюет, одиночество точит силы...
Вот что возгласил он:
«Эх-ма, исчерпал я свой срок до конца:
конец недалеко и рока коса.
На этой горе окружен я, на горе,
и нет Гороглы, дорогого отца.
Гляжу одиноко
с вершины горы.
Дружина далеко —
друзей не кори:
кто скажет Авазу, молочному брату,
что кличу подмогу
с высокой скалы?
Не знали две пери
о сыне своем —
так дня не терпели:
искали вдвоем.
Затерян теперь я
среди вражьего войска,
а молит ли кто о спасенье моем?
Где сорок йигитов?
Врагам на беду,
бывало, на битву
без страха идут.
Противников ищут —
один против тыщи!
Но нет их со мною, не видно их тут.
Жестоко свалилась беда на меня,
далеко осталась родная земля.
Так много товарищей милых в Чамбиле,
да просьба до них не домчится моя.
Дела мои плохи, я в гуще самой
врагов беспощадных, довольных собой.
Творец, возврати мне везенье и счастье,
хоть нету народа родного со <мною.
О боже, их множество, я же — один.
Отчизны не видно, гляди не гляди.
Где Гороглы-бек, мой отец, покровитель?
И он не со мной, дорогой господин!
Один, горемыка, стою среди гор.
О сжался, создатель, и слаб я и гол!

Лишь небо над нами, немymi рабами,—
других мы, вершитель, лишились опор.
Как вспомню места я, где жил, подрастал!
Все сорок к походам готовились там.
Порою в день боя
не знали покоя —
дали нам бодрость родные места.
О сорок могучих — лекарство от бед!
Когда б Авазхан с вами вышел в набег!
С землей бы сровняли мы вражьи оравы...
Но нет, не увижу я брата вовек.
О, будь здесь дружина! Сражаясь с врагом,
всё кровью врага бы я залил кругом.
Но нет близ Хасана бойца Халдархана,
хоть бога прошу я о нем, дорогом.
Один я, один, никого со мной нет.
Заплачу — никто не утешит в ответ.
Так вот до чего я дошел, одинокий!
Где ж те, с кем мы приняли братства обет?..
Батыром ведь был я
и вашим я был.
О барсы Чамбила!
Отважен я был...
А нынче — не счесть эти орды в ущелье,
и я, одинокий, в томленьи, без сил.
Не знаю, что будет, что судит мне бог:
по самой ли дальней уйду из дорог?
Меня одиночество делает слабым,
и нету их рядом — кто б сердцу помог.
Творец — это я говорю, Хасанхан!
Конец не один ли — добру и грехам?
Споткнись — подыми меня! Кто б мне остался,
когда бы и ты меня не услышал!..»
И Хасанхан на страже
видит всю силу вражью:
он — один, а их — рать,
надо всю храбрость свою собрать.
Вспомнил друзей — где ж они? —
ждет поддержки,
просит помощи —
услышат, вспомнят ли? —
весь расстроенный, совсем убитый,

на само небо полон обиды —
зачем его
оставили одного?
Просит аллаха
избавить от страха,
скромен, тих,
молит святых,
взывает к пророку —
открыть дорогу.
Сам себя разгорячает,
вот и силу свою упрочает.
Уже он хочет выйти из скал,
вниз спуститься к вражьи́м войскам,
всех порубить мечом могучим,
головы свалить в одну кучу.
Ведь он еще молод,
сердце бьет, как молот,
рвется он в бой,
сам говорит с собой:
«Вдали осталась родина моя,
стою один, о встрече с ней моля.
Из ничего создавший всё, создатель,
цена свой труд, не покидай меня!
Я стал бродягой в рубище разлук,
родник иссяк, зато платок разбух.
Веди раба, о поводырь верховный!
Невзгод гряда мой затемнила дух.
Взгляни, творец, исправь земное зло,
чтоб просветленье на меня сошло.
Здесь, на горе, ты видишь горемыку,
чью душу одиночество сожгло.
Грудь соловья ужалил острый шип.
О, не оставь Хасана, поспеши:
как в ножны мне — кинжал из Исфахана,
так в душу мне и мужество вложи.
Твоей мне жертвой быть, Лукман-сарвар.
Как ангел с мира зла покров сорвал —
святой Даньял и Искандер могучий,
бельмо беды сорвите с глаз раба.
Плывут по рекам лодки, корабли.
Пусть прочь враги летят, как воробьи.
И всех святых, каких земля знавала,

на помощь мне, господь, поторопи.
В пути моем по долам и холмам
ургенчский твой мазар, Ахмад-Палван,
да будет мне защитой и подмогой,
спасет от одиночества и ран.
Молю в тоске, и горестны уста.
Коль я грешил — виною простота.
Под свой покров, отшельник самаркандский,
прими Хасана, о Чапан-ата!
Цвет Самарканда ветры замели.
Ты всех великих в этом замени —
не оставляй без помощи Хасана,
о Исмаил великий Самани!
Ходжа Абдидорун, ходжа Берун,
и вас, и вас в заступники беру.
Фархад, Ширин, вступитесь за Хасана,
о пиры всех влюбленных на пиру!
И ты, Меджнун, за бедняка моли,
как день и ночь молился о Лейли!
И вы вступитесь за меня, святые,
чьих на земле могил мы не нашли!
Здесь, на горе, несчастный обнищал:
имел он счастье — а стоит ни с чем.
Зангибобо, заступник из Ташкента,
дай помощи — и будь при этом щедр!
От всех врагов, аллах, оборони.
Им нет числа, на склонах гор они.
Без помощи Хасана не оставьте,
опора наша, гайиб-эраны!
Я в той земле, где властвуют враги.
Скакун погибнет, если запрягли.
О, не оставь без помощи Хасана,
гайиб-эран, наставник Гороглы!»
Хасанхан укрепил свой дух,
мужеством один сойдет за двух,
напряг слух,
готов воевать.
А враги продолжают прибывать,
располагаются,
укрепляются.
Меж тем Хасан из камней огромных
сложил на горной вершине домик,

накрыл крышей,
выход оставил открытый —
Хан-Далли устроил,
думает, как приступить к бою.
Готов на бросок
прямо с высот.
Э, Хасан, не спеши, тихо сиди —
внизу кизилбаши Хасими.
Они не впустую сюда спешили,
знают, что Хасан и Далли на вершине.
А Хасан толком не знал пути —
вот ему от них теперь и не уйти.
Глядя из-под руки,
говорят враги:
«Этот дурак не знал дороги —
вот в кольцо и попал, один против многих.
Всё окружено, негде спуститься —
разве только улететь, как птица.
Считайте, что нашли
Хан-Далли.
Узбеку-то, ублюдку, голову снесут.
Хан-Далли вызволить — вот в чем суть».
Врагов немало,
шумят изрядно,
куда попало
кидают ядра.
Камни огромные
срываются с громом,
крушат друг друга,
гудит округа.
Хасан глядит с высоты:
выстроились в ущелье вражьи ряды,
над каждым неизменно
реют знамена,
видны сверху,
любого цвета.
Вот белые —
самые первые,
за ними четко —
белые с черным,
дальше разные —
зеленые, красные,

виснут, пестрят,
за рядом ряд,
войску тесно,
расползается, как тесто.
Не сочти за труд —
сочти, сколько их тут!
Попробовал Хасан — и себе не верит:
легче пересчитать муравейник.
Но знает Хасанхан — унывать ни к чему;
к бою готов, стоит начеку.
За ним ведь вины никакой нету,
чтобы его призывать к ответу.
Одну вину он за собой находил:
что их много, а он — один.
Хасанхан слез с Гиркука,
распустил подпругу,
седло снял,
заново оседлал,
подпругу затягивает покрепче,
обращает к аллаху речи —
просит не казнить,
честь сохранить.
И опять Хасанхан на Гиркука садится,
конь удила грызет, горячится,
к врагу повернется то мордой, то тылом,
назло иным горячим батырам.
Вот Хасанхан на нем вниз спешит —
на боку сабля, в руках пика и щит.
А войска внизу его как заметят!
«Едет,— кричат,— едет!»
Подняли сами
и пики и сабли,
навстречу выезжают,
окружают,
скачут с привычным
боевым кличем.
Какой-то из них один
дорогу загородил —
и вот он:
упал мертвым!
Тут уж битва затевается,
войско шумит, от многолюдства мешается,

никто не знает,
кто чем занят.
Тогда дал Хасанхан Гирату камчи —
и кричит:
«Эй, силачи,
есть ли кто, кто выйти желает —
Хасанхан на бой вызывает!»
И скачет вниз, сразиться с ними.
И тут кизилбаши приуныли.
«Что это,— говорят,— за йигит стойкий,
что не боится людей стольких?
Может, он так силен и жесток,
что других не принимает в расчет?
Такой,— говорят,— еще не выходил,
чтобы со всеми — один на один!»
А Хасан, обращаясь к войску —
вас, мол, вон сколько,
найдется ли хоть один смельчак? —
говорит так:
«Я голос к небу подниму.
Навстречу кличу моему,
а ну, батыры, выходи —
по одному, по одному!
Вы силой хвалитесь с седла,
пока не свалитесь с седла.
А ну, батыры, все сюда —
по одному, по одному!
Палатки белые вокруг —
езде, внизу, где склон не крут.
На поединок, Эрзерум,—
по одному, по одному!
А ну, безусые сыны,
султаны, беки, что сильны:
на нашу с вашей стороны —
по одному, по одному!
Сюда вы прибыли с мечом —
возьмут любого палачом.
Вас — тьма, но вы мне нипочем
по одному, по одному!
Зову я холостых парней —
и лиходея сыновей.
А ну, шагайте веселей —

по одному, по одному!
Эй, нукер шаха, позабудь
всё, что учил когда-нибудь.
Готовьтесь все в последний путь
по одному, по одному!
Зря молитесь: «Аллах, храни...»
я саблю вымою в крови.
А ну-ка, голову клади
по одному, по одному!
Вам дал халаты падишах,
мне вас рубить не помешав.
Под барабан, ровнее шаг —
по одному, по одному!»
Сразиться желающих
Хасанхан из седла еще
зовет к нему
подходить по одному.
Никто не выходит.
Батыр хочет
блеском клинка
раздразнить врага,
подъехать с краю и ударом пики
начать сражение с войском великим.
Поэт бейтом
говорит об этом:
Смотрите, как славны Хасана дела:
ему не страшна эта рать без числа,
он бросил поводья—и ярость Гиркука
в сражение, на недруга их понесла.
Крича: «О алла!», он погнал скакуна —
и дрогнула пестрого войска стена.
Хасан на Гирате, почувавшем волю,
ударил в них с краю, как в берег волна.
Хасан налетел, словно речка с горы,
как с горной вершины — обломок скалы.
Рябит от мельканья знамен и оружия.
«О боже! — кричит.— Свое слово скажи!»
И впрямь обнаружил отвагу Хасан —
и начал сражение, и вел его сам.
Взлетает и рубит алмазная сабля —
воистину мощь он свою показал.
И всадник, и конь — словно вихрь они,

а поле сраженья — как поле Али.
Один против тьмы, против целого войска,
Хасан победительный, сын Гороглы.
Опомнились недруги. Ярость в рядах,
но крики одни не приносят вреда,
а стоит приблизиться — сабля Хасана
без промаха надвое рубит врага.
Всё снова и снова кидается враг,
по десять, по двадцать кидаются враз.
Стоящие сзади взывают: «О боже!
Дай силы, не то устоять нам навряд!»
Зовёт он хоть группами
их подходить —
он мог бы их трупами
топи гатить!
Один против войска, во вражеской гуще,
ряды прорубает, чтоб путь сократить.
«Дорогу, — кричат, — ему загородить!
Ублюдка на голову укоротить...»
Да только не сыщется что-то батыра
у нашего сокола встать на пути.
Он тоже кричит во весь голос: «Урр-ха!
Ну, что же, могучие, драться пора!
Что без толку храбрым топтаться по краю -
я вас выкликаю сегодня с утра!»
Проснулся в Хасане невиданный пыл,
как будто спросонья он зелья испил,
Гиркук под ним тоже в невиданной силе...
Взгляните на всё, что Хасан совершил!
Камчу поднимает.
Собравшись напасть,
Гиркук раскрывает могучую пасть,
несется, как птица!..
Батыра десница
врагов отступать заставляет опять.
На части он вражьи порядки разбил,
трусливых — задел, кто храбрей — порубил.
Травой на покосе ряды за рядами
ложились, и ветер рваньё теребил.
Так гонит он взашей
противника, скор.
В большой кизилбаши

беде среди гор.
И трупы их вскоре
займут плоскогорье,
коль не ослабеет Хасана напор!
Испугано войско — противник, как смерч,
храбрейшим несет неотступную смерть!
И, землю обнявши,
весь цвет кизилбашей
лежит, а напавший
и бодр и смел!
Такой тут отчаянный полдень настал —
в отчаянье весь кизилбашеский стан,
и громом полны дагестанские горы,
и черен от крови людской Дагестан.
И скачет Хасан и на полном скаку
то головы сносит врагам, как скоту,
то ранит, то гонит! — а сколько их было,
бежавших и павших, я вам не скажу...
Всего, что там было, поверьте, друзья,
прославить нельзя — и представить нельзя.
Удары и грохот, и крики, и стоны,
и головы с плеч, и сумятица вся...
Одно лишь скажу вам, что в этом бою
батыр наш измерил всю храбрость свою.
Он мог отступить бы с почетом, но понял:
«Меня они свалят, коль я не сваляю!»
«Урр-ху!» — диким хором навстречу врагу.
«Урр-ху!» — отзываются горы вверху.
Не каждый умеет справляться с собой —
Хасан же затеял со многими бой!
Хоть равных не встретил — несчётны враги,
и к небу взывает: «Аллах, помоги!»
Дрожат кизилбаши, утратив задор,
давно повалился их главный шатер,
Хасан, опьяневший от кровопролитья,
их главных батыров в пыли распростер.
Гремит на закате усталое «Урр...»,
и тени бегут от бегущих фигур.
Один Хасанхан догоняет бегущих.
Всё глуше сраженья смолкающий гул.
И вот Хасан могучий
из вражьей тучи,

из кучи врагов
вышел жив и здоров.
Возвращается к Хан-Далли.
А она, увидев его вдали,
радоваться стала,
подбежала, поддержала,
коня привязала,
спрашивает, впрямь ли он невредим:
«Как, мол, вы, господин?»
Сладко словами усладила,
на камень посадила,
слушает,
а сама прислуживает.
Хасан с Далли потолковали,
вместе легли, с рассветом встали.
Хасанхан утешил подругу,
оседлал коня, подтянул подпругу,
одел доспехи,
как носят узбеки,
оружье — на пояс и на плечо,
сам себя оглядел еще,
Далли благословенье ему дала,
Гират закусил удила,
танцует,
гарцует,
огрызаясь,
у врагов вызывая черную зависть,
крылья, как молнии, распускает,
пасть разевает,
Хасанхана веселя и
бодрость вселяя.
Гиркук, как птица,
сверху спустился,
подъехали и стали
против вражьего стана.
Там зашумели: «Вон узбек!
Смотри, приехал уже, успел!»
Они тоже вскочили, построились рядами,
над каждым рядом подняли знамя,
у кого конь хороший —
пустили вперед,
смелых тоже

пустили вперед.
И лучники
выбрали местечки лучшие,
целятся, проверяют тетиву на луке,
как струну, испытывают на слух ее.
Орудия заряжают пушкари,
готовятся к бою с самой зари.
Взволнованный, как река,
Хасан не готов пока,
Гирата хлестнув камчой,
на вражьи помчат войска.
Камчу поднимает, могуч,—
и сила вскипает, как ключ!
И гнев на дрожащую рать
прольется, как ливень из туч.
Гремит боевой барабан,
летит огневой Хасанхан.
Вчерашний припомнив бой,
дрожит кизилбашей стан.
С обеих сторон, ол-ха,
кинжал наострен, ол-ха.
Коли задумал удар,
ударь хоть пером, ол-ха,
только ударь, ол-ха.
Язык ли язвит, ол-ха,
кинжал ли разит, ол-ха —
отрезанной головой
над полем висит луна.
Встретится враг с врагом —
седок из седла мешком.
Мчится герой с ветерком,
плетется трус с ишаком.
Всё красным стало кругом:
головы под клинком
летят, словно глины ком,
на поле битвы лежат.
Трусливый судьбу клянет.
Кровью омыт клинок.
Те, кому вышел срок,
словно объяты сном,
рухнут от пуль, как снопы:
пешие — сбиты с ног,

конные — со скакунов.
Обычай такой не нов:
сколько мертвых сынов
на поле битвы лежат!
Сколько черных и белых знамен
на поле битвы пестрят!
Сколько смертных, землю обняв,
на поле битвы лежат.
Сколько пушек с широким жерлом
на поле битвы палят...
Вновь и вновь опускает меч
в поле битвы наш молодец.
Он несчетно стальных кольчуг
в поле битвы рассек вконец.
Сколько стройных, как кипарис,
в поле битвы скрючила смерть.
Сколько зорких ушло во тьму,
навсегда покинуло свет.
Сколько слабых и сладких душ
в поле битвы взлетело вверх...
Черным пикам живую плоть
в поле битвы дано вспороть.
Реки красной крови людской
в поле битвы впитала пыль.
Сколько стройных арабских коней
с поля битвы бежали прочь,
сколько крепких казахских коней
в поле битвы пало от пуль...
Скачут по одному и в ряд —
молод конь, седок неженат —
знамя с древком бесценным над
молодцами на поле битв.
Лязг доспехов и гром копыт.
За йигитом идет йигит.
Все мешается, бой кипит,
не кончается в поле битв.
В сбруе кожаной конь лихой.
Мощь Хасана признал любой.
С ним китайцы, алжирцы бой
длитель не могут на поле битв.
Разрозненная рать слаба.
«В речи — кстати нужны слова».

Рать, что сил своих не слила,
вся поляжет на поле битв.
Меч на встречных, как смерч, летит.
Души павших спешат в зенит.
И янтарным вином налит
кубок смерти на поле битв,
и заранее саван сшит
уходящим на поле битв...
Оглушая, бьет барабан,
и проходит дрожь по рабам:
здесь прольется кровь, как вода,
пробежит огонь по рядам,
хрустнут кости и, прорыдав,
кто-то наземь падет, убит...
Свалят головы, порубав,
словно свеклу, на поле битв.
Черной массой идут войска,
там шагают и тут войска.
Кто вернется — кто сляжет тут
с черной дыркою у виска?
Грозен, грозен узбек, пока
глаз на страже, в броне рука,
и летит он на строй врага,
словно сокол, на поле битв.
В наступленье рванулся ряд,
не пославши в ружья заряд.
И гарцует, пляшет Гират.
И Хасан наготове — рад
налетевших рубить подряд.
Храбрецы-то под меч летят,
а вот труса возьмешь навряд:
он — назад,
да и с поля битв...
Ах, как лихо кони летят,
и звенят стремяна едва,
мертвецы не мигая глядят,
полумертвый ползет с седла.
А вороны серые в ряд
на разбухших трупах сидят,
и степной орел, как солдат,
прогоняет их с поля битв...
Тут ведь, кстати,

разный народ,
кони статей
всех и пород.
Первым гибнет, кто шел вперед,
а вот трусы — наоборот:
сзади спрячется — и орет,
духом слаб — выручает рот...
В тень заехал Хасан — велик,
словно воин с тысячью лиц:
глянут недруги — страх берет...
Никто в этой битве такого не ждал:
упавших, убитых — никто не считал.
Несчетное войско тесня и калеча,
сражался Хасан, пока вечер настал.
Врубал он без усталости саблю свою —
и все же устал в небывалом бою.
Направо, налево бегут кизилбаши —
один он у поля на самом краю.
Уходят потоки в низину с горы,
но здесь — за ошибку меня не кори —
на отдых Хасан поднимается в гору,
где стан свой оставил у края скалы!
И снова Гиркук с Хасан-батыром
с поля выбрался невредимым,
так и пришли
к Хан-Далли.
Далли Хасанхана встретить рада,
берет за уздечку Гирата
и при этом сама
говорит уважительные слова,
одно, второе,
как, мол, здоровье;
на камень усадила,
питьем усладила.
Руки у груди, собой прекрасна,
стоит, ожидает его приказа.
У Хасана, кроме Далли и Гиркука,
нету теперь поблизости друга.
А Хан-Далли — известно ведь, она
необычайно была умна.
Чтобы развеселить Хасана,
чего ни понарасказала,

цвела многолико,
сияла улыбкой,
на носках ступая капризно,
выпрямляла стан кипарисный,
то подмаргивала,
то помалкивала,
то снова слово со словом сталкивала.
Всё делала,
лишь бы ободрить его дух « тело.
Видно, есть у йигита любого
та, что ему помогает любовью.
А у Хан-Далли был ум немал,
хоть впустую не выказывала своего ума.
Но одному против всех приходилось жарко,
вот ей Хасанхана и становилось жалко.
И весь свой дар,
что аллах ей дал,
она перед ним и являла там.
И Хасан пьянел от речей и от лика,
на нее смотрел с влюбленной улыбкой.
А враги, что Хасана в бою испытали,
его побаиваться стали.
И, ожидая наутро бой,
держат совет между собой:
«Что это, мол, в самом деле,
человек — или виденье,
не видано такое ни вблизи, ни далече,
чтоб целым войском — одного не одолели!
Что нам придумать против него?
Стыдно бегать от одного!
Ведь как ни гляди,
а он-то один.
Попусту нечего пенять —
надо его подходы понять,
выведать секреты —
как он налетает, так или эдак,
когда — вперед,
куда поворот.
Хорошо, что с ним еще второго нет —
вырос бы из наших голов минарет!..
Думайте, люди,
начеку будьте,

смотрите в оба,
ловите вора.
Надо всё разузнать о нем,
да с его конем.
И молитесь богу,
чтобы ему не пришли на подмогу:
если с ним еще кто окажется,
нам эти дни раем покажутся!
Вот то-то будет беда!»
Такая у них беседа была.
Прошла ночь, наступило утро.
Встал Хасанхан, поводья распутал,
оседлал коня, подтянул подпругу,
на себя натянул кольчугу,
а спускаясь к врагам вчерашним,
окинул оком стоянки вражьи.
Враги-то —
побиты,
духом упали,
как повалились, так и спали.
Видит Хасан, как знамя ославили:
знаменосца стоять оставили,
он и заснул прямо со знаменем.
Без счета пик —
торчат, как тростник.
А в ущелье как с вечера набрался дым,
так до утра и не уходил...
Вот — полюбуйтесь — батыр на Гирате:
ради Далли, да и доблести ради,
палицу поднял, летит Хасанхан
с краю ударить по вражеской рати.
Разом в ряды он врывается вражьи —
мощным пожаром в лесном заовражье.
В яростной сече, на грозном коне,
головы рубит противникам ражим.
Войско дрожит перед божьей напастью —
перед Гиркуком с разинутой пастью.
Блещет Хасана алмазный клинок,
.рубит тела, рассекает на части...
Поле сраженья становится адом:
мчит по рядам, как садовник по грядам,
рубит и косит Хасан-молодец,

сыплет удары несчитанным градом.
Славу возносит лихому денечку:
вышел на тысячи он в одиночку,
тыщи приемов он кажет один,
ставит под каждым кровавую точку.
Мчится Гиркук, словно яростный ястреб,
всадник рычит, словно тигры над яством,
блещет, как клык, исфаханский клинок
вслед убегающим спинам мосластым.
Кто увернуться сумел от удара —
в поле догонит воитель удалый.
Падает враг, не бывает иначе —
в самом зените Хасана удача!
Слава, батыр, твоей сабле жестокой:
вышел один, а свалил уже стольких!
Силы напруг побеждающий воин —
и небывалым свершеньем доволен.
Стоит Хасану лицом повернуться —
все убегают, спеша увернуться.
Всадник и лошадь друг другу под пару —
сотни приемов известны тулпару!
Крутится, топчет, ловчит, наступая...
Мертвых, ей-ей, хоть кладите снопами!
Некому только пока убирать их —
пало до четверти вражеской рати!
Если не будет врагу облегченья —
трупы и вовсе завалят ущелье.
Есть ли помощники лучше Гиркука?
В битве такой он победы порука.
Вот испытанье коня и батыра:
бились с ордой — не подставили тыла!
Целое войско дрожит пред Хасаном —
соколом гордым и воином славным.
Сеча в разгаре. Бурлящим потоком
мчится Хасан в напряженье жестоком.
Впала в уныние шахская рать:
столько побито, а дальше-то — что там?
Если б Хасана свои увидали —
песни о нем бы не увядали.
Мощью потряс он и горы, и недра —
дрогнул недаром отчаянный недруг!
Истинно — гибель грозит кизилбашам:

нету числа их дружинникам павшим!
Не позабудут окрестные горы —
сын Гороглы причинил это горе.
С виду мальчишка, но ярим клинком
рубит наотмашь, без жалости колет...
Если б он трусов теснил еще разных —
нет, уложил-то он витязей храбрых!
Мертвыми землю усеял вокруг! —
в мире побоищ и не было равных!
Так и косил он — ряды за рядами!
Подвигов равных не помнит преданье.
Храбрый Хасан — не пример ли йигитам?
Крепкий в кости и внушительный видом,
цели достигнет, к которой идет,
духом могуч и на деле испытан.
Вражье опять собирается войско —
вроде порубленных не было вовсе! —
столько осталось еще, что Хасан
снова к аллаху молитвы возносит!
С силой Хасан пробивает дорогу,
кровь с его сабли подобна потоку.
«Бой недалеко — не стой в стороне».
Недруги гибнут, покорные року.
Храбрый Хасан, как река в половодье,
сносит преграды, бросив поводья...
Кажется, меньше врагов впереди...
Сзади зато — прибавляется вроде!
Бил он, ударов своих не считая,
стали враги прикрываться щитами.
Сжали кольцо. Не пора ли ему
обороняться, хоть он — не чета им?..
Он еще молод, сдержаться не может,
хоть против тыщи сражаться он может,
хоть в этом войске, где сабель не счесть,
с ним ни единый сравняться не может.
Трудно сражаться бойцу без надежды,
трудно держаться без всякой поддержки.
Сколько сгубил он! Один и один...
Вражьи же орды как будто всё те же.
Место сраженья — выше и выше,
тяжко Гиркуку, и силы-то вышли.
Всадник ли, конь — тяжело одному!

Да и кому это просто, всевышний?
Вражье кольцо всё теснее и ближе.
Кровь с его сабли лишь каплет — не брызжет.
Дело не вышло. И нет уже сил —
к бою стремленье усталостью выжгло.
Что ж, отдохнуть в самом деле пора бы.
Гнал он врагов целый день, как баранов.
Трудно держаться в кольце одному,
хоть и приведши силы в порядок!
Словно в ловушке, Хасан в середине:
не отойти, и в себя не прийти, не
передохнуть, а руки-то ведь — две!
Вот и попробуй вырваться ныне!
Уже и уже кольцо вокруг Хасана,
всё беспощадней и ближе осада.
«Бей его!» В горьком смущенье Хасан —
что б тут поделал и дерзостный самый?
Вот и достигли события зенита.
Битвы течение судьба изменила.
Всё-таки был он один, Хасанхан,
как ни сражался батыр знаменито.
Тысячи конных его окружают,
взяли в кольцо — и разгона лишают.
Кем он ни будь — он один, Хасанхан!
Тысяча в пыль и гранит сокрушает...
Как он рубился, сражаясь на воле!
Войско бежало — не от одного ли?..
Только ведь всех всё равно не убьешь.
Взят в окруженье и вымотан воин.
О, эти псы из проклятой державы —
как они перед Хасаном дрожали!
Нынче ж, усталого к скалам прижав,
всей своей сворой у скал задержали...
Конь, коль один, хоть промчится по пыли,
только промчится — уже позабыли.
Если один ты, то, как ни могуч —
слаб перед войском, где сил в изобилье!
В толпы собравшись, режут, задирают —
толку ль, что снова йигитов теряют!
Если идут муравьи заодно,
даже со льва они шкуру сдирают.
Раньше Хасан-то пугал их до смерти —

и подойти они близко не смели.
А окруженный, как сокол в кольце,
терпит от них он и брань и насмешки.
«Так решено не судьбою ль самую?
Будь Гороглы теперь рядом со мною,
или дружинников сорок моих —
мы б эту падаль смешали с землею!
Брань и удары сыплются разом —
здесь я один в окружении вражьем.
Как мне сейчас мои беки нужны —
помощь подать, да и дух мой уважить!
Если даются враги человеку —
дай и друзей, помоги человеку!
Перед врагами стоять одному —
нету судьбины горше, чем эта.
А ведь недавно, в отчизне — чем был я?
Ярким цветком в гулистане Чамбила,
птицей беспечной, не чуявшей бед,
беком счастливых в долине обилья!
Нынче ж — ни сердца согласного рядом,
дружеских глаз, чтобы встретиться взглядом.
Где же вы, сорок дружных друзей?
Как никогда, мне увидеть вас надо.
Кто о Хасане в отчизне расскажет?
Я окружен ополчением вражьем.
Враг совершить не решился бы это,
рядом увидевши Гороглы-бека.
Недрузгов всех разметал бы я сразу,
рядом имея батыра Аваза.
Но в Дагестане лишь ветер предгорий
может понять мое горькое горе.
Рядом со мною товарища нету,
от одиночества все мои беды.
Как в Дагестане терзается брат —
кто Авазхану сумеет поведать?
Кто ему горечь мою передаст,
песню надежды напрасную эту?
С горем — к кому постучусь я, непрошен?
Ищет душа утешения в прошлом.
Жажду увидеть друзей и Чамбиль,
всеми в чужбине погибельной брошен.
В жизни по трудным дорогам ходил я.

Был я рожден, чтобы стать господином,
но в Дагестане остался один,
здесь умереть мне судьба и судила.
Видно, при жизни наказан я адом.
Счастья ни разу не видел и рядом.
Жил как скиталец, да так и умру,
горькой разлуки отравленный ядом.
Среди врагов я, Хасан, оставался,
странствовал долго и много сражался,
мчался, как птица, и бился, как лев —
смерти на кончике пики дождался.
В поле сраженья стою одиноко.
Путника к смерти приводит дорога.
Как же от родины я далеко!
Сил уже нету, а недругов много...»
Хасан-батыр на поле сраженья
бился, рубил без сожаленья,
достигла битва
своего зенита.
В реве, лязге, звоне, гаме —
оглянулся — видит, окружен врагами.
Как ни рубись — ему
пробиться невысказано.
Кругом враги стоят кольцом —
и сбоку, и сзади, и к лицу лицом.
Ряды за рядами, ряды за рядами —
десять, двадцать, и не видно дале!
Рубит он их день, и второй, и третий —
не убавляются, чертовы дети!
А Шах-Кувад донельзя разгневан:
«Клянусь, — говорит, — небом,
слыхано ль вовек,
один-единственный человек —
и из такой державы, средь бела дня,
дочку увозит у меня!»
Собрались управители-аксакалы,
повсюду конники поскакали,
бывалый служивый люд
людей скликает и там и тут.
В махаллях и усадьбах,
в чайханах, на базарах,
в караван-сараях и у городских ворот

глашатаи оповещают народ:
«Эй, мусульмане, аллаху покорные,
приезжие и исконные,
пешие и конные,
никуда ни шагу —
все к шаху!»
Идут из города, из кишлаков, из пустыни,
отрядами идут, кучками простыми.
Идут могучие, идут и прочие,
идут вместе и в одиночку.
Идут по дорогам
племена и роды.
Молодой народ, пожилой народ.
Шахское войско растет и растет.
Заполнило вскоре
все предгорья.
Первые заняли место в низине,
остальные идут за ними.
В каких бы палванах Хасан ни ходил —
он ведь всё равно один!
Шахские воины в гуще боя
говорят меж собою:
«Надо держаться,
дальше сражаться!
Одному конец, другому, третьему,
но ведь всех-то не одолеть ему!
Говорят старые люди:
дескать, пусть и великаном будет —
всё равно он один.
А ведь мы чего хотим?
Хоть бы его ранить,
хоть бы заарканить!»
Так они себя успокаивают сами,
держат совет, как поймать Хасана.
А другие в ответ на такой разговор:
«Это всё,— говорят,— вздор!
Тот, который в мощь свою верит —
такой всё одолеть сумеет.
Он ведь сам над собою власть:
когда — отступить, когда — напасть.
На такое в одиночку ведь не каждый пойдет.
Да и Хан-Далли не с каждым пойдет.

Духом-то она не слаба!..
Глупые ваши слова.
Этот не сдастся, покуда жив.
Вон уж скольких он положил.
Один-то один,
а пол войска победил!..
Сперва ты сумей взять его в полон,
а уж болтать будешь потом».
Так спорят воины да судачат:
удача ждет их иль неудача.
А Хасанхан — в середине битвы,
гонит бегущих, отваливает убитых,
рубит сплеча да
без пощады.
А войско врага
всё стоит пока,
ряды ровные,
словно не тронуты...
Сколько их изрубил, иступил оружия —
и даже края не порушил!
Вспомнил Хасанхан батыров былых —
сколько когда-то было их! —
вдрызг разносили
вражьи силы.
Но ведь говорили еще тогда:
«Камень тверд — иль рука тверда?»
Отвечали: «Твердый камень.
Не бей руками...»
А теперь у Хасанхана беда.
Не уйти от нее никуда.
«Раз,— думает,— некуда податься,
до конца приходится драться!»
Затянул пояс, понукнул Гиркука,
вертится по кругу
и без осечки
продолжает сечу.
Тронул камчой коня,
полон опять огня.
«Я, Хасанхан, молюсь
тебе, кто создал меня!»
Крикнул Гирату: «Мчи!»
Свистнул ремень камчи.

Разом под небеса
конь, как огонь свечи.*
Конь разевает пасть
перед тем, как напасть.
Падают, как снопы,
те, кому выпало пасть.
Ярая свалка битв.
Глянешь— в глазах рябит.
Меч у Хасана в руке
не устает рубить.
Злой исфахан-клинок
валит и валит с ног.
Гибель идет на них,
веры чужой сынов.
В поле траву травы —
тонет трава в крови.
Под барабанный бой
длится Хасана бой.
Битвой гордись, Хасан,
гордись конем и собой.
Скачет на скакуне,
славном Гирате-коне.
Многих потопчет конь,
сам он сшибет вдвойне.
Враг не осилит бед:
стон его — до небес.
Слышится на озере барабанный бой.
Хасанхан сражается с вражеской толпой,
Хваткой сходен с соколом славный наш Хасан,
сносит вражьих головы мощною рукой.
В ту, в другую сторону — крутится Гиркук,
валит, топчет недругов, завершая круг.
Гляньте на Хасана — он беркутом степным
на врагов кидается, яростен и крут.
«Хай!» — кричит он яростно,
громкий, словно гром,
и голодным ястребом
вьется над врагом.
Гляньте на Хасана — он ястребом степным
на врагов кидается, что кишат кругом.
Как Гиркук ни ценится—
всех он выше цен:

на кого нацелится —
тот не будет цел.

Львиною повадкою славен Хасанхан:
взмах меча — и падает взятый на прицел!
Хасанхан всё выдюжит, сильный, словно нар.
Вновь на рать огромную страху он нагнал.
Меж врагов бесчисленных рубится один:
меч о сталь ударится — выбьет сноп огня!
Крикнет — разбегаются
звук во все концы.
И снопами валятся
мертвецы...

Могучих он ранит,
как тигр когтит,
и враг, бездыханен,
на поле лежит.
Взывает Хасан: «Эй, отважные, где ж вы?
Откликнитесь, храбрые, кто из вас жив?»
Захочет — догонит любого Гиркук,
свое превосходство докажет врагу.
Смешал он ряды, все бегут в беспорядке,
теряя и память и ум на бегу.
Всю армию заново
страх пронизал —
с рассвета их самого
рубит Хасан.

Взгляните: вот гордость батыров туркменских¹
И конь не заморен, и бодр он сам.
Хасана же яростный пыл охватил,
как пьяный, кричит и бормочет батыр.
Видна кизилбашам вся львиная сила —
и сбоку боятся зайти, да и в тыл!

с

Гарцует Гиркук, словно франт по селу,
и топчет вокруг он людей, как золу.
Спасибо Хасану, что смог в одиночку
в испуг небывалый вогнать Эрзерум!
Превыше Хасан восхвалений и слов:
весь цвет ополченья, порубленный, слег.
Не счесть убиенных, живые не могут
сдержать ни стенаний, ни горестных слез.
«Взгляни на узбека!» — один говорит.

«Накаркаешь беды! — другой говорит.—
Не может быть смертный так страшно силен,
к нам карой небесной низринулся он!»
А третьи: «Не стерпим обиды врага,
хоть, может, и будем убиты... Урр-ха!»
Но в той мешанине, сквозь стонущих тьму,
не видят они, не пробьются к нему...
Без ран и без ссадин
остался один:
смяв тысячи за день,
Хасан — невредим!
До жалости ль на поле бранном в тот день,
коль смерть налетала бураном в тот день!
Страшнейший по крови, по ранам тот день:
красно по полям и полянам в тот день!
И прежде батыром считался Хасан,
но стал он героем сказаний в тот день.
Товаром наполнился смерти базар —
вы всё не сочли бы и сами в тот день.
Жалели о том, что родились на свет,
и те, что давно насмотрелись на смерть.
В горах дагестанских, где шапками снег,
арыки, ей-ей, потекли в этот день.
Не кончится битва, не стихнет никак.
Тут и не убитый — едва на ногах.
Но в войске огромном противников равных,
врага по себе — Хасанхан не сыскал.
Жестокая сеча,
стихай, не греми!
Кровавые речки —
и камни в крови.
Торопится конница
с разных сторон —
и люди становятся
пищей ворон.
Хасан потрудился, рубил от души!
Противников стоны до неба дошли.
Могуча рука,
закален его дух.
Он гонит врага
словно стадо пастух.
Кто так же сумел бы судьбу обыграть —

один разогнать
неоглядную рать?
Мечом он работал — как землю пахал,
и мощь Хасанхана достойна похвал.
Рубил он бежавших,
числу их назло —
как быть кизилбашам,
коль счастье ушло?
И конники в страхе летят из седла,
и кони их скачут туда и сюда.
Камчой не поборешь
могучий металл.
Подобных побоищ
никто не видал.
Отряды в большом беспорядке бегут.
Сын бросил отца — без оглядки бегут.
Чуть гикнет Хасан — храбрецы или трусы,
все разом, сминая палатки, бегут.
Коль суть этой речи хотите сберечь,
дарите вниманьем бегущую речь.
В горах Дагестана от сабли Хасана
несчетному воинству выпало лечь.
И меч у Хасана — как сгусток огня,
как черная молния — тело коня.
Надежда Хасана — на помощь аллаха.
Летит он без страха, Гиркука гоня.
А день-то не вечен,
на убыль идет,
и вот уже вечер
в горах настает.
В руках у Хасана алмазная сабля,
он страшную сечу
всё так же ведет.
Хасан не растратил ни страсти, ни сил
и пламя усталостью не погасил.
О славе грядущей не думал батыр,
когда он на войско один выходил.
Один против войска, где сабель не счесть,
отважный за отчую борется честь.
Хоть молод — да воин,
каких не найдешь.
Кто б не был доволен,

отдав ему дочь?
И скачет Хасан, не уставший рубить.
Взгляни на бегущих — в глазах зарябит.
Как ветер — он скачет опять и опять,
и гонит, и гонит проклятую рать.
Клинком своим машет Хасан на коне,
свести кизилбашей грозитя на нет,
подходит к концу небывалая битва,
темнеет, вечерний кончается свет,
огромное войско считает убитых,
Хасан, невредимый, уходит наверх.
Провоевав до ночи,
что вражьи затмила очи,
ушел Хасан по ущельям к вершине.
А Далли-то уже решила:
случилась внизу беда —
сидит на краю и глядит туда.
Сидит, мается —
а Хасан с другой стороны поднимается.
Увидела, побежала навстречу,
ухватила уздечку,
с коня ссаживает,
сама спрашивает:
«Мой господин, почему так поздно?
Я уж боялась — дело не просто.
Вы над своей Далли сжальтесь —
вперед засветло приезжайте».
И давай снова —
за словом слово:
веселые слова,
чтоб душа отошла.
Хасан говорит: «Милая Далли,
для нас тяжелые дни подошли.
Вражье войско растет и растет,
хоть я и утратил убитым счет.
Их — всё больше! Под мою саблю
словно бы так и лезут сами.
Смерти не боятся, напролом идут.
Как же мы дальше продержимся тут?»
Хан-Далли говорит: «Мой господин,
смелый дорогу всегда находил!
Глядишь — и беда

как не была.
Не горюйте, доедем до Чамбила!
Бог даст, не сгинем —
цели достигнем.
Это испытано,
бывает с йигитами,
вроде недуга,
упадок духа —
вы только не поддавайтесь, крепитесь, пойте —
сами же спасибо скажете после.
Если сам йигит образумится —
все дела его образуются!»
Так она говорила,
его приободрила.
Ее слово — ему подмога.
Послушал Хасан — утихла тревога
Хороший друг —
вполовину беда и труд.
Плохой друг — плохой помощник,
горе и заботы только умножит.
Хасан-батыр повеселел,
потянулся, как лев —
не беда, что с утра опять начинать! —
и без заботы лег почивать.
Утром встал, совершил омовенье,
попросил у аллаха благословенья,
оседлал Гирата, подтянул подпругу,
взял свой клинок исфаханский в руку,
глаза сверкают,
как цветок расцветает,
о своем
разливается соловьем,
на плече — щит,
кровь кипит,
поводья натянул,
Гирата понукнул,
вниз к врагам спустился
и к ним обратился:
«Пусть и сегодня продолжится битва,
будь вас хоть вдвое — мертвыми быть вам!
Вы, что разбухли от шахской еды —
на поединок идите, йигиты!

Я-то один, ну а вас-то — орава,
вспомните, что вы сначала орали!
Я вас на честную схватку зову —
или вам страшно в бою без охраны?
Горы, стихии
в пути мне мешали,
да и лихие
нахлебники шаха.
Что же вы, шахского войска краса,
в бой не решаетесь сделать ни шага?
Честь посрамите, таясь воровато.
Ну же, вперед, вожаки каравана!
Беки Эрзрума на мощных конях,
в бой выходите — я перед вами!
В гору коню подыматься не просто.
Впору коню боевому упорство.
Эй, Эрзерума богатыри,
вас вызываю на единоборство!
Слезы без спросу из глаз у несчастных.
Видно, вы в прошлом рубились нечасто.
Эй, Эрзерума могучие львы,
право же, время сраженью начаться.
Пусть меня в битве поддержат святые —
эта земля мне чужая, батыры.
Ну же, смелей, Эрзерума сыны,
что же вы, отроду в бой не ходили?
Вот я — народа туркменского воин,
был я доселе удачей доволен.
Эй, эрзерумские молодцы,
выйди, кто хочет, сразимся на воле!
Видел я равного в каждом йигите.
Что ж вы,— собрались, а в бой не хотите?
Вас вызываю сам я — Хасан:
как полагается, в бой выходите!
Душу нам страсти волною омоет.
Гляньте, батыры, Хасан еще молод,
а выступает один против всех!..
Что же батыры решиться не могут?
А не хотите — стойте на месте.
Только едва ли удержитесь вместе:
всех разгоню я, как стадо овец...
В бой выходите, боязнь умерьте!

С каждым особо биться не стану,
разом покончу с малым и старым.
Так поглядите смерти в лицо —
в бой выходите, время осталось!
Полею Али — это поле да будет!
Славу туркменский воин добудет.
Пусть ваш сильнейший рискнет подойти —
вряд ли доволен битвой он будет.
Лев среди вас я —
смелый из смелых,
барс между барсов,
тигр из туркменов.
На поединок храбрых зову,
все расстоянья честно отмерив!
Я не остыну вплоть до победы,
храбрый батыр я, верный обетам.
Многие беды рухнут на вас —
в бой выходите, зная об этом!
Конь подо мною неутомимый.
Но не терзайтесь, страхом томимы.
Смело вперед — схватка вас ждет!
Смело, батыры, — в бой, а не мимо!
Ну, окружайте витязя сами —
или боитесь единственной сабли?
В бой ли хотите — с поля ли прочь?
В бой выходите с храбрым Хасаном!
Равен один я вашему войску,
но ведь рискую сам головою.
Начата сеча — головы с плеч...
Всех приглашаю к честному бою!»
Стоит Хасан начеку,
к бою готов, как лев к прыжку,
застыл,
как тигр,
грозен повадкой,
как барс перед схваткой,
как сильный сокол,
что парит высоко,
как гордый беркут,
что мчится сверху
рвать свою жертву.
Много раз уже в бою

Хасан испытывал силу свою,
окрепла рука,
разгадал врага,
войска этого
все секреты —
и стоит спокоен,
как истый воин.
Их-то много, на первых порах
они ему внушали страх,
но столько он их положил в боях,
столько их в поле лежат,
что теперь они перед ним дрожат.
Каждый говорит:
«Что за йигит?»
Кто был посмелее — под меч попали:
либо ранены, либо пали.
Остальные трусят — на вызов Хасана
отозваться не решаются сами.
Зол Хасан, хлещет камчой,
меч оголил, воздух сечет.
А Гиркук почувал удар —
разинув пасть, понес тулпар.
Крылья раскрыл, летит, как птица,
торопясь пониже спуститься.
Внизу враги и слова не молвили —
домчался до них быстрее молнии!
Хасан, как сокол
со скалы высокой,
налетел, смешался с врагом,
все растерялись, заголосили кругом —
вот он, дескать,
примчался, дерзкий!
У многих душа
в пятки ушла,
слов не свяжут,
вслух не скажут,
только шепчут,
еле силы нашедши.
Бьет он наотмашь клинком-исфаханом,
рубит и рубит на поле бранном.
«Чу!» — закричит, и тулпар полетит
в яростном вихре от сабли Хасана.

Клич по долине мчится победный
к дальней вершине с шапкою белой.
В центре сраженья на скакуне
ярый воитель из Чамбильбея.
Гонит Гиркука, хлещет камчою,
новым ударом путь не кончая.
Скачет долиной грозный Хасан,
цепью убитых путь отмечая.
Ясность в сраженье — славы условие.
Враг же в бессильной мечется злобе.
Так запугал их юный боец —
ужас в движенье каждым и слове!
С прежним в сраженье рубит он жаром,
бьет исфаханским острым кинжалом.
Бой беспримерный в поле идет,
грудами мертвых — живых окружая.
Скачут по полю, словно по валу.
Брошены сабли, сбруя вповалку.
Конь у Хасана — впору ему:
ярую ту же кажет повадку.
Сумерки пали в горной долине
и друг от друга всех отделили.
Но, словно молния, блещет клинок:
скачет и рубит туркмен из Чамбиля.
Слышно — стреляют где-то из ружей,
злобным обвалом звуки обрушив.
Кажется адом всё в полутьме —
всадники в поле без толку кружат.
Кони от мертвых пятятся задом.
Стала долина смерти базаром.
Словно голодного льва в темноте,
рать Эрзерума трепещет Хасана.
Он средоточье сечи великой —
саблей ли блещет, колет ли пикой.
Кровь тут — вода, и тела — как зола:
страшная чаша за день испита.
Кто Хасанхана выдержит натиск?
И кизилбаши, плача и пятясь,
«Лучше,— кричат,— оказаться в аду!
Эй, торопитесь — с жизнью прощайтесь!»
Видно, предела сильному нету:
падают люди, как звездочки с неба!

Адская каша в темном ущелье —
как же Хасан попадает по цели?
Грохот сраженья Койкафа достиг:
сечи страшнее не знали доселе.
Нету и счета повергнутым в сече:
смерть беспримерно заполнила сети.
Столько погибших — в едином бою!
Этого прежде не знали на свете.
Вопль небывалый вырос над полем:
войско огромное сбилось толпою
и в исступленьи молит творца —
мыслимо ль где истребленье такое?
Юноши ль, старцы — порознь и вместе
молят творца обреченные смерти.
Ищут и кличут отчаянно, жадно
сына — отец
и отца — верблюжата.
Рать неоглядную сводит на нет
воин могучий в сражении жарком.
Двигается войско к подножью вершины:
вновь потеснить Хасанхана решили.
Воины шаха дрожат наперед,
да и проход оставляют пошире...
Перед Хасаном в страхе округа:
вся неоглядная рать Эрзерума
дрождью дрожит — голоса без числа
плачут, кричат, охликают друг друга
Плохо, однако, одно у Хасана —
что одинок он в горах Дагестана:
равного нету товарища — льва!
Только тулпар его с ним непрестанно.
Путь им кровавый
по полю пройден.
Ночь миновала.
И утро. И полдень.
Снова он рубит, врагов рассекая:
головы с плеч — словно черные камни
Храбрые сердце отвагою полнят,
трусы — глаза себе влагою полнят!
Ждет ли победа, иль поражение —
честный батыр будет честен в сраженье
Честно дерется в бою Хасанхан.

Конь его носится, вытянув шею.
Сходен Гиркук
с быстроекрылою птицей.
Крики вокруг —
в наступленье он мчится.
Конные в сторону прыгнут поспешно,
только деваться некуда — пешим...
Всё перемешано: люди — с конями...
Спешно стрелки залегли за камнями.
Сабли звенят и ломаются пики.
Крови несчитанно почвы испили.
С неисчислимой толпою борясь,
полон Хасан негасимого пыла.
Черною пылью дымится долина,
взгляд застилающей неодолимо.
Даже не видно, кто тут — бежит,
кто — за бегущим гонится лихо...
Кто тут — передний, которые — сзади?
Это не раз переменится за день.
Боя середина — окажется тылом,
храбрый — бегущим, трусливый — батыром
Шедший вперед — попадет не назад ли?
Саблю поднявший — лишается сабли.
С криком «урр-ха!» пролетевший отряд
скачет назад — и подпруги ослабли...
Лишь Хасанхан, возвышаясь над всеми,
перед врагами не дрогнул доселе.
Рыкнет, как лев, исфаханом махнет —
недругов ближних разом рассеет.
Прячутся трусы у края ущелья,
чтоб не настигли их, не углядели:
поднялось к самому горлу нутро —
так что и в седлах не усидели.
Черной долина залита кровью,
черною стала небесная кровля.
Гонит врагов пред собою Хасан —
рубит мечом и проклятьями кроет.
Только он гикнет, поводья отпустит —
глядь, перед ним, впереди, уже пусто!
День между тем на исходе опять,
новый закат разгорается пуще...
Смерть еще водит рукой Хасанхана,

кровь еще льется рекой с исфахана.
Гнать, догонять ли — нелегкое дело.
И у живых — словно мертвое, тело!
Залито кровью огромное поле.
В войске-то вовсе духом упали:
скоро ль чудовищной сече конец?
Целы ль останутся те, что не пали?
Всё неоглядное войско Кувада
страхом и жалкой надеждой сковало:
«Саблями нас
не прошил до утра бы —
хоть еще раз
я прожил до утра бы!»
В страхе гадают
о собственной жизни.
Кони хромают,
порвав сухожилья.
Только Хасан на Гиркуке могучем
битвой лихой до конца не измучен.
Рубит и скачет... И, будь не один —
шахским войскам разбежаться бы лучше!
Если б иначе судьба порешила —
был бы Хасан, как в Чамбиле — с дружиной!
«Урр!..» до сих пор раздается в ущелье,
блещет клинок, дорываясь до цели.
Черною массой войска расползлись,
дали багровые завечерели.
И, пока темень внизу прибывает,
в горы дорогу Хасан пробивает.
Мощь его понял эрзрумский народ —
с ужасом битву теперь вспоминает.
Свет заменяется дымкой вечерней,
в горы уходит Хасан из ущелья
и, поднимаясь, глядит с высоты —
с гордостью смотрит и с облегченьем.
Вдвое он шахскую рать сократил —
может быть, нынче отступят сами?
Кто разгадает противника планы!..
В черной крови и поля и поляны.
Гордость врагов небеса покарала.
Зелень предгорий мечи обкорнали.
Издали слышит усталый Хасан:

где-то внизу заревели карнаи...
Вот и в Хасане гордость запела:
«Славное,— думает,— сделано дело —
всё я один!..
И теперь, невредим,
битвы великой покинул пределы».
Снежные тонут в тумане вершины,
скромности дай нам несокрушимой.
Боже, спаси нас от всяческих бед,
если, как горы, гордыней грешим мы.
Горькой бедой наперед обеспечен
тот, кто доволен собой и беспечен.
В тех, что гордыней себя оградили,
ржавчиной всё разъедает гордыня.
Воин могучий, кем были убиты
тысячи недругов на поле битвы,
может и гордость свою одолеть...
Пусть не покинет счастье Хасана.
Стольких от горя скромность спасала!
Ну, а гордыня страшней для души,
чем сорняки для прекрасного сада.
Возвратясь к Далли, батыр Хасан
о себе, довольный, думает сам:
«Неужто это я столько молодцов
превратил сегодня в мертвецов?
Еще пару раз я такое смогу —
и кто не поляжет, те все убегут!..
Да и пора им разбежаться —
где уж им со мной тягаться!»
Так он ехал —
назад-то не к спеху —
собой любовался в деле любом
и себе казался барсом и львом.
Подъезжает — а Далли навстречу
и начинает такие речи:
«Здравствуй, мой господин, здравствуй, мой нар,
мой могучий архар,
смелый мой лев, к прыжку готовый,
тигроволапый батыр бедовый,
мой герой с сердцем барса,
что один сквозь строй прорубался,
для друзей удал,

для врагов удав,
для меня любимый,
мой единый,
господин мой!»
Заливалась сладко, как только умела,
усаживая его на почетное место.
Ведь когда бывала она в одиночестве,
снизу, бывало, грохот доносится,
карнаев рев,
гул голосов,
скрежет оружия,
буханье пушек.
Ну, а она стояла на страже —
женщина, одна, ей же страшно!
Но глянет вниз,
на врагов:
Хасан среди них,
как сокол среди воробьев.
«Дай-ка, думает, я скользну
чуть дальше, на ту скалу:
там повыше,
всё увижу —
как мой господин
с великой ратью бьется один!..»
Смотрела на него во все глаза —
вот любовь ее и росла.
С каждым днем
она всё больше мечтала о нем.
Жутко одной прятаться —
тем больше она ему радуется.
Век бы его восхваляла —
любой похвалы ей казалось мало.
Хасанхан в ответ ее словом дарит:
«Как ты прекрасна, о Хан-Далли!
Слово твое — как мед,
оно любого проймет!..
А меня ты видала,
как я кидал их,
от ярости слеп,
валил их, как лев,
намертво встал,
словно Рустам!»

— «Да, мой господин, я вас видала
и радость великую испытала;
я сперва слышала выстрелы
и от страха на ногах едва выстояла.
А потом как скользну
вон на ту скалу —
вижу, как вы их перед собой гоните,
и все бегут — пешие и конники...
Ну, у меня от сердца и отлегло.
Влезла на утес, села, как в седло,
сизу, гляжу на вас, как на чудо.
Всё мне было видно оттуда...»
Освободив Хасана от кольчуги,
Далли растерла ему спину и руки.
Заснул он крепко,
спал до рассвета.
С зарею встал,
коня оседлал,
подтянул подпругу, оглядел всего,
сел в седло —
солнце только встало,
а он уж у вражеского стана.
Бодрый, веселый, полный сил,
подъехал поближе, подбоченясь, возгласил:
«Эй, вояки,
чего валяться?
Пора вставать,
оружье сдавать!
Отчизна моя далека, далека,
очищу ли путь от лихого врага?
Один я — зато неустанна рука!
Бегите же прочь, Кувад-шаха*войска!
Отряд без героя — что рак без клешни.
Напрасно за мною вы следом пошли,
когда я с собою увез Хан-Далли! :
Идите назад, Кувад-шаха войска!
Вы на поле битвы следите за мной,
я строй ваш порушу, сровняю с землей,
всё кровью залью до вершины самой!
Бегите же прочь, Кувад-шаха войска.
Я славный батыр из народа явмут,
таки благодарны мечу моему.

Отважный найдется — я вызов приму.
Идите себе, Кувад-шаха войска!
Зачем вы собрались — ведь здесь не парад,
здесь бьются и ранят, и пушки палят.
А вас, как баранов — на бойню пора...
Бегите же прочь, Дагестана войска!
Вас тыща собралась — ловить одного...
Попробуйте ж сами уйти от него!
Отведали саблю его — какво?
Бегите же прочь, Кувад-шаха войска!
Души вас лишу, если в теле душа,
и кровь вашу выпущу, с пылью смешав!
Эй, где ваш помешанный, сам Кувад-шах?..
Бегите к нему, Кувад-шаха войска!
Хасаном зовут меня,
сил я припас —
и в час в этот утренний
кинусь на вас.
Я тигр из явмута и яростный барс —
бегите же прочь, Кувад-шаха войска!
Какие вершить вы собрались дела?
Не надо спешить — моя сабля цела!
Голов я лишить ваши должен тела —
недолго вам жить, Кувад-шаха войска!
Народ проводил на войну смельчака —
и ни перед кем не склоню я чела!
А вы уж и вовсе-то мне не чета —
идите же прочь, Кувад-шаха войска!
Дорогу задумали мне преградить —
а скольких я в трупы сумел превратить!
Готовьтесь и прочие — жизнь прекратить!
Конец вам пришел, Кувад-шаха войска!
Желанна добыча
лихому мечу.
Я всех, без различья,
ему поручу.
Все головы — в кучу, тела — размечу...
Бегите же, подлого шаха войска!
Себя вы бойцами сочли, захмелев,
но шахский задаром вы кушали хлеб.
Вас всех, как баранов — на бойню и в хлев!
Бегите же, о Кувад-шаха войска!

Вы жалкое стадо, что жвачкой живет,
я ж — истинный воин, прожорливый волк.
Я ждал наготове, таился — и вот
попались вы мне, Кувад-шаха войска!
Вы — сор Эрзерума, позор для отцов,
бездельники, трусы, набор подлецов!
Что делать народу, коль нет храбрецов?
Ответьте-ка мне, Кувад-шаха войска!
Оружье, палатки и топот коней.
Все признаки войска, а войска-то нет!
Не стыдно ль вам так называться?
Да нет!
Утратили стыд Кувад-шаха войска!
Я — враг ваш, мои же противники — вы.
В Чамбиле остались товарищи — львы.
Стоим мы — как истина против молвы!
Бегите же прочь, Кувад-шаха войска...
Одел я свой щит, поединка .ищу.
Один я — но ярость в себе умещу.
Эй, трусы, что вышли навстречу мечу —
бегите назад, Кувад-шаха войска!»
Гикнет Хасан, саблю подымет —
зовет желающих на поединок,
но у врагов охоты нет
выйти в поле ему в ответ.
Боятся Хасана, всех отвадил,
ни у кого не хватает отваги.
Взывал Хасан трижды кряду,
потом камчой ударил Гирата,
не ожидая беды,
помчался на вражьи ряды.
Всё в войске
смешалось вовсе,
мчится Хасан с привычным
громовым боевым кличем.
Он тронул поводья, Гирата стегнул —
ответный в долине послышался гул.
Хасан поскакал, призывая аллаха, —
как стадо, войска на скаку обогнул!
Дрожащие всадники встали рядком,
народу — не счесть, а отваги — ни в ком!
И скачет Хасан, призывая аллаха,

и рубит безжалостно острым клинком.
И воины вражки —
юнцы и в летах —
от сабли отважного
наземь летят.
Как ярое пламя в сухом камыше —
Хасан через войско проходит уже.
Клинок обнаженный —
неукротим:
добычу нашел — и,
как тигр, когтит.
И сжался Гиркук, словно лев для прыжка,
и жажда кровавая в горле клинка,
и, жалкие, стонут войска Кувад-шаха,
и целятся стрелами издалека.
Гарцует Гиркук или мчится стремглав—
минует Хасана лихая стрела.
А он — всё без жалости колет и рубит,
порой расправляется разом с тремя.
Так новая бойня начало взяла.
За воином воин летит из седла.
В руках Хасанхана — булат Исфахана
И павшим, и ранам — не знаю числа.
Один невредимым
проносится он.
По полю единый
проносится стон.
«Да это, ей-ей,— говорят о Хасане,—
не воин, не юноша — это дракон!»
Кто выдержит ужасы сечи такой?
Кто стольких порубит одною рукой?
Ведь трупами речку давно запрудило —
а кровь бесконечною хлещет рекой!
Кто близко к Хасану рискнет подойти,
кто встанет теперь у него на пути?
Которые встали —
отведали стали
и больше с земной уж не встанут груди!
Чернее — врагам не запомнится дня.
Редуют ряды, как камыш от огня.
В крови Хасанхан свой клинок оmyвает
и гонит бегущих, и шпорит коня.

И грохот ударов
в угаре погонь,
и всадник удалый,
и яростный конь...
И вечная слава Хасану — удаву
за бой небывалый, за подвиг такой!
Но был у врага ополченец, друзья,
что метко стрелял из любого ружья.
Его так и звали — Стрелком-Туклибаем.
Охотясь, сгубил он немало зверья.
Вот этот-то шаху за хлеб отплатил!..
Ружье, как положено, он зарядил,
засел Туклибай на краю за камнями
и с битвы отчаянной взор не сводил.
Ружье поудобней пристроил, а сам
следит, когда ближе подъедет Хасан.
И тут-то как раз, догоняя бегущих,
перед ним на Гиркуке Хасан заплясал!
И дуло ружья вылезает вперед —
смотри и ликуй, эрзерумский народ!
За камнем таясь, Туклибай окаянный
Хасана-батыра на мушку берет.
Хасан, разоряющий вражьи ряды,
еще между тем и не чует беды.
Но тут просвистела, ударила пуля —
и боль запылала в могучей груди!
И, множеству равный
в неравном бою,
утратил от раны
он силу свою.
К высокой луке он пригнулся со стоном
и рану прижал, словно к камню — змею...
И шею коня обнимает (Гиркук
всё пламенным взором обводит вокруг).
Один он сражался —
один и остался,
не сыщется здесь утешитель и друг...
Враги еще медлят ударить на них.
Хасан, изнывая, к Гиркуку приник.
Как адское пламя, горит его рана —
от крови, от слез ли намок воротник?
Один — о себе он расскажет кому?

Один — подсечен он на самом корню!
О ране неожиданной, о смертном недуге
он на ухо шепчет Гиркуку, коню...
Горит рана
у Хасан-палвана.
Прощается с жизнью такими словами:
«Эх-ма, сроки истекли,
конец мой приходит, кончились деньки.
Не зря меня потянуло сюда —
примет в себя
сырая земля.
Умру, как нищий,
могилы не отыщут...»
Так он тужил,
жалел свою жизнь.
«Как бы там ни было, а виду не подам —
не позволю радоваться своим врагам».
В седле скривился,
но духом скрепился,
течет кровь из раны,
а Хасан говорит Гирату:
«Далеко остался дом родимый,
я один в беде необратимой,
и аллахом брошен, и людьми...
Враг вокруг, Гиркук — мой друг единый!
Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!
Я плачу за то, что я вначале
на знавал ни горя, ни печали.
Я хочу взглянуть на Хан-Далли,
прежде чем из мира я отчалью.
Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!
В мир иной
уже мой путь недолог:
надо мной
вот-вот опустят полог.
С горечью покину этот мир,
ранен пулей и тоской исколот.
Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!
Эх ты, смерть,

как ты горька для сирых!
Я на свет
уже глядеть не в силах.
Так мне отомстили небеса:
мой конец — вдали от сердцу милых.
Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!
Из огня попал я да в полымя,
ранен — и умру между чужими.
Умный конь мой, пожалей меня —
мне лишь ты остался на чужбине!
Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!
Одинок я, слезы в изобилье.
Нету братьев, все меня забыли.
Поддержи, товарищ верный мой,
с кем я вместе прибыл из Чамбила!
Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!
Я в аду, мне худо, но покуда
друга мне оставили — Гиркука.
Я живым не возвращусь в Чамбиль:
дни Хасану отмеряли скупю.
Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!
Землю враг моей окрасил кровью.
Кровь застыла черною корою.
Мне б хоть раз взглянуть на Хан-Далли
и глаза спокойно я закрою.
Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!
Был беспечен — вот и ранен пулей.
Уголь жжет ли, жалит злобный улей?
Смерть пронзила, и спасенья нет.
Молод — а до ночи доживу ли?
Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!
Я в дорогу вышел слишком рано,
и в пути меня настигла рана.
О Гиркук, стемнело, свет погас —
ты один надежда и охрана!
Раздели беду и дай опору —

к Хан-Далли доставь меня на гору!
Я ослаб — а был сильнее тысяч,
невредимым выходил из стычек.
Подлой пулей ранили меня,
да еще насмешкой злобной тычут.
Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!
Я в пути отстал от каравана.
Я тюльпаном сорванным увяну.
На чужбине брошенный в песок,
стану я могилой безымянной.
Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!
Норови к скале прижаться — задом,
чтоб врагу не оказаться рядом.
Ни поводья ухватить твои,
ни смеяться — не давай проклятым!
Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!
Караулят недруги Хасана —
обмани же хитрые засады
и скорей к вершине подымись,
чтоб Далли меня перевязала.
Раздели беду и дай опору —
к Хан-Далли доставь меня на гору!»
Благословенный Гират!
Тут-то как раз
понял и впрямь он,
что седок его ранен.
Хвост расправил, уши торчком,
одним скачком
прочь из боя
да и с поля —
помчался, скор,
к сердцу гор.
Хасан сначала держался прямо,
потом его обессилила рана.
Только к хвосту он станет сползать —
конь его осадит назад.
Сползет вперед, привалится криво —
его удерживает грива.
Спасибо коню — верный друг!..

Еле Хасана довез Гиркук.
А Хан-Далли
увидала еще вдали:
вроде бы сам
едет Хасан —
но, тело клоня,
стан искривил,
и у коня
грива в крови!
Как увидала —
так зарыдала.
Еле сняла
его с седла.
А на Хасана капнула слеза —
только глянул и закатил глаза.
Плача, развязала ему кушак —
и отступила в страхе на шаг:
хоть не гляди —
две дырки в груди...
Пуля вошла под левый сосок
наискосок,
задела кость — и повыше,
у другого соска, вышла!
Словно лизнула
смерть из дула... ,
Приготовила Хан-Далли
место в тени
и своего милого
переложила.
Куда ни положит —
конь подходит тоже.
Остановила на нем взгляд —
настоящими слезами плачет Гират!
Она ему говорит: «Милый Гиркук,
верный друг
моего господина,
моего батыра товарищ единый,
скажи мне, тулпар,
за что нам этот удар?
Оба мы с тобою равно тужим:
ты о хозяине, я о муже.
Нет нам покою,

горим, как в огне,
оба мы в горе
на этой горе!
И сила вражья
кругом на страже,
и хозяина нет,
чтоб дать ей ответ...»
Так безутешно
плачет без удержу,
обиды считает
и причитает:
«О люди, совсем без души я осталась,
без милого в горькой глуши я осталась.
Что случилось с батыром, что с соколом случилось?
Со счастьем и с миром надолго рассталась —
с любимым, с Рустамом, я разлучена.
Беспечность пропала навечно бывшая.
Беда — не с того ль, что беспечна была я?
В разлуке я таю, как свечка, пылая.
Мой милый, где меч твой? Я смерти желаю.
С твоим исфаханом я разлучена.
Далеко ушла я от отчего дома,
лишилась орла моего молодого,
печали пчела залетела надолго...
Печальны дела, и черна моя доля —
с пресветлым султаном я разлучена.
Злой рок отравил мне и пищу и воду,
я плачу беде безысходной в угоду,
и плач мой до неба возносится с ходу,
но нет никого, кто б надежду мне подал.
Со львом-Хасанханом я разлучена.
Йигит мой прекрасный, коль нет тебя рядом —
и рай без тебя мне покажется адом.
Аллах, сохрани его, не виноват он!
Коль надо, приму на себя я утраты
батыра, с которым разлучена.
Султан храбрецов, дорогой господин мой,
беда за тобой неотступно ходила —
и вот изловчилась! А друг твой единый —
один, и в отчаянье непобедимом:
я с милым, я с радостью — разлучена!
Бессильная, плачу и плачу от горя.

Что здесь, на горе, я могла бы другое?
Рассыплю я волосы тонкой рукою,
желтею и вяну... О боже, доколе
я с шахом души моей разлучена?
Тоскую, и места себе не найти мне.
Рыданьем от горькой беды не уйти мне.
Рыдает тулпар о своем господине,
и земли цветущие стали пустыней —
с весною, как сад мой, я разлучена!
О конь, на котором любимый мой прибыл!
Лихого йигита скакун долгогривый!
Подумай, как славно скакать мы могли бы!
Рыдаю, ворочая памяти глыбы,
с батыром пленительным разлучена...
Как быть мне с моею несчастной судьбою?
С погибшим любимым, с погибшей любовью?
Ведь он за меня расплатился собою!
Как быть мне с моей неизбывною болью?
С любимым и любящим — разлучена!
Да будет моей твоя каждая рана,
чтоб сила к тебе воротилась обратно.
За жизнь твою — жизнью пожертвовать рада,
лишь был бы ты жив, о мой свет и отрада,
с которою ныне я разлучена!
Ты пал — за меня это горькая плата!
О, лучше б сама я ушла без возврата,
а жизнь молодца — непомерная трата...
Я плачу, любимый, уходишь куда ты?
Со львом моим, с барсом я разлучена.
В жестоком бою за Далли пострадал ты.
Не кровь ли свою, иссеченный, глотал ты?
Зачем за Далли изрубить себя дал ты?
Дала я, Далли, себе слово когда-то:
умру я, со львом моим разлучена!
Увы, молодца я лихого не вижу!
Увы, я лица дорогого не вижу!
Зачем за меня ты в сражение вышел?
Ты пал или ранен — но силою высшей
с моим нареченным я разлучена.
Всё знаешь ты, боже, мой дух испытую:
коль пал он — пусть тоже с ним рядом паду я.
А жив он — любим бездорожьем пойду я,

свою в него жизнь перелью молодую!..
С нежнейшим султаном я разлучена.
О нет, Хан-Далли не оставит супруга,
не бросит в несчастье отважного друга,
другому вовеки — любовь ей порука! —
отдать не решится ни сердце, ни руку,
с любимым единственным разлучена.
Летать не попробовав, крылья* сломала!
Упал мой скакун — не достиг перевала.
Беды было много, а радости — мало.
Недолго речам дорогим я внимала,
с душой, дорогою мне, разлучена.
Мой тур, пораженный несчастьем ранним!
Неужто смертельно судьбою ты ранен?
Далли изнывает в отчаянье крайнем
и дух твой — святым поручает стараньям,
с единственной радостью разлучена.
О боже, дорогой неисповедимой
верни — сохрани моего господина!
Из вражеских рук его освободи — но
со мной его снова сплоти воедино:
с души половиной
я разлучена!
Утрачу его я — утрачу надежду.
Я ради любимого пояс надену,
и душу я не пожалею на дело
спасенья, дойду до любого предела,
с блаженством души моей разлучена.
Орла Чамбильбея в горах подстрелили —
кто тропку проложит к безвестной могиле?
Далли без супруга то сетует — или
тулпар без хозяина бродит по пыли,
с йигитом прекраснейшим разлучены?
А где Гороглы, Чамбила полководец,
Аваз несравненный, отваги колодец?
Где матушки-пери? Одна только бродит
Далли — и следов никаких не находит
любимого, с кем она разлучена.
Где сорок друзей — из Чамбила дружина,
что так своим другом всегда дорожила?
Едва ль о беде им душа доложила!
Одна лишь рыдает Далли на вершине,

с йигитом любезнейшим разлучена.
«Когда б я могла повстречаться с роднею —
была бы и боль, может статься, иною:
так легче справляться со жгучей виною
и с этой мертвящей тоской ледяною...
А нынче — со всеми я разлучена!
О милый йигит Мой! Несносна разлука,
порадовать нечем ни взора, ни слуха.
Мне горы о нем — не доносят ни звука.
Что женщине впору? Слаба я, подруга
могучего бека, с кем разлучена!
Я плачу, молюсь, становлюсь на колени,
аллаха молю, ниспошли исцеленье!
Сама ведь умру я — имей сожаленье...
Расцветший цветок — не добыча для тленья.
Ужели навечно я разлучена?
В горах Дагестана тоску мою спрячу,
и жизнь уподобится вечному плачу.
Коль светоч угас, чем я ночь обозначу?
Судьба моя — саван. Не будет иначе,
коль с милым навеки я разлучена.
О боже, открой мне в своем приговоре,
что делать Далли? Я стораю от горя,
и угли разлуки сожгут меня вскоре.
Не лучше ль с ним вместе мне сгинуть в
предгорье —
с любимым султаном, с кем разлучена?
В ином бы краю очутилась я ныне,
была бы всегда при своем господине.
Сказал бы он: „Милая, что с тобой? Ты не
горюй, мы в раю, а не в прежней пустыне!
Вовеки не будем мы разлучены..."»
Распустив волосы, разодрав щеки,
Далли господина поминает несчетно,
наклоняется к нему — а Хасан-батыр
всё еще в себя не приходил.
Далли своего милого приподымала не раз,
отсасывала кровь из открытых ран,
а Хасан никак в себя не придет, *
лежит, не видит ее забот.
Тогда Далли, осиливая горе,

вот о чем подумала вскоре:

«Я тут сижу,
ни за чем не слежу,
кроме его раны,
а вдруг из вражьего стана
кто-то следом прокрался
да и глядит,
как батыр мой прекрасный
недвижим лежит?»

А я им всё показываю,
кровь из ран отсасываю!
Вернутся в свой стан,
скажут, всё, мол, умер Хасан,
а если и жив,
то как мертвый лежит,
всё едино...

И придут войском, убьют моего господина,
а меня заберут в полон —
что я буду делать потом?..»

Страху и впрямь на себя нагнав,
встала, огляделась по сторонам
и решила: «Вот что сделать пора мне,
чтоб враги не догадались о его ране.
Переоденусь, сяду на Гиркука,
возьму клинок исфаханский в руку,
вниз спущусь
да им покажусь.

Издали увидят меня с мечом —
не догадаются нипочем.

Все подумают: это сам
мой могучий господин Хасан!
Он же их напугал, они же
сами не решатся подойти ближе...»

Так она и сделала:
шлем надела,
натянула кольчугу,
взяла саблю в руку,
села на Гиркука,
поводья натягивает смело...

А конь — ни с места.

Она его — к тропе, а он без поводьев
снова и снова к Хасану подходит...

Слыхано ль такое вовек?
Конь — умнее, чем человек!
К хозяину тянется головой,
нюхает воздух — ты, мол, живой? —
стоит, смотрит,
слезы на морде...
У Далли как игла до сердца дошла:
«Милый,— думает,— верная душа!
Бывает же, вложат
такую в лошадь!
Видишь, какая у хозяина рана?
Враги догадаются, поздно или рано,
придут сюда,
а тогда — беда!
Хозяину смерть, а мы оба
их добычей будем до гроба.
Я ж хочу сама
их ввести в обман.
Не думай, Гиркук, не брошу друга,
мне ведь тоже страшна разлука!..
Давай-ка покажемся им с тобою
в этих доспехах, готовые к бою.
Тогда испугается вражья рать
и не подумает его искать.
Милый, ты был ему другом один,
когда сражался мой господин.
О вышний дар благословенный,
о мой тулпар благословенный!
Было бы лучшим из всех даров,
если бы встал господин здоров.
Тебе твой хозяин нужен,
а я бы осталась с мужем!»
Так она говорила коню:
«Сколько войска — как в речке воды!
Перекрыли пути и ходы.
Моего господина тулпар —
Чух! Навстречу врагам выходи!
И не думай: Далли, мол, слаба,
поневоле попала сюда,
поспешит к кизилбашам сама...
Нет! Навстречу врагам выходи!
Покорил меня твой господин,

розу страсти в душе посадил,
что мне мой Эрзерум, посуди?
Чух! Навстречу врагам выходи!
Ты пойми: его рана в груди —
у меня неустанно в груди.
Боль Далли — без обмана, гляди!
Ну! На вражеский стан выходи...
Пусть о том не узнают враги,
что сражаться ему не с руки.
Отвести им глаза помоги.
Чух! Навстречу врагам выходи!
Мы поедem, на них поглядим,
бросим вызов, как твой господин —
кто, мол, хочет — один на один?..
Ну! Навстречу врагам выходи!
Подозреньем меня не дари —
поглядит и вернется Далли.
Здесь душа моя, а не вдали...
Чух! На вражеский стан выходи!
О тулпар, ты ведь конь из коней,
нету лошади в мире стройней.
Вот задача — мы справимся с ней!
Чух! Навстречу врагам выходи!
Милый конь, поторопимся вниз,
вон враги наши — глянем на них:
вдруг да кто в нашу тайну проник?..
Чух! Навстречу врагам выходи!
До сих пор не открыл он глаза...
У тебя на реснице — слеза.
Только медлить нам больше нельзя!
Чух! Навстречу врагам выходи!
Ты не бойся — я буду верна,
послужу господину сполна.
Широка у тулпара спина —
ну, навстречу врагам выходи!
Покажусь я — а вражьим глазам
пусть представится: это Хасан.
Помоги же мне в этом и сам!
Чух! Навстречу врагам выходи!
И прошу я лихого коня:
сам признай ты батыром меня!
Обману — не прожить мне и дня!

Ну — навстречу врагам выходи...»
Гиркук, Хан-Далли послушав,
поднял уши,
вздыбил гриву,
по-жеребьячи заржал игриво —
и пошел тулпар по-разному,
то, как архар, ноги выбрасывая,
то по-оленьи
без утомленья —
выпустил крылья из подмышек,
жаром пышет,
несет Далли.
Вон они подошли
к стану врага.
Только их увидели войска,
так и решили:
это Хасан спустился с вершины!
Вдвойне ныне
все приуныли...
Почему? Да ведь стрелок Туклибай
хвастался, что в Хасана попал:
«Я,— говорит,— его ранил». Другие
спорили — нет!
Теперь все зашумели: «Вот тебе и ответ!
Как же, попал ты в него, попал!
Лучше б ты от стыда пропал,
стрелок меткий,
обманщик мелкий...»
Нападают на него со всех сторон:
«Эй, мол, ты, убийца ворон,
ты, мол, прав, ты его ранил!
А теперь, славы ради,
выходи давай,
еще постреляй,
посмотрим, как ты теперь попадешь,
может, совсем его убьешь?
Под камнем лежал, в небо целил...
Говоришь, попал, а он целый!»
Но у кого-то в войске был острый глаз,
посмотрел — всё понял враз.
«Эй,— кричит,— друзья, не ругайте Туклибая,
он его ранил, правда святая!

Конец наших бед —
это не тот узбек!
Туклибая, друзья, не ругайте,
чести бая зазря не роняйте.
Он ведь правду сказал, Туклибай —
он в узбека попал, не иначе!
Тот узбек — как река в половодье.
Этот — гляньте, как держит поводья!
Может, это узбек — да не тот!
Это попросту за нос нас водят...»
И служивые смотрят, толпятся,
как-никак, а пора разобраться!
«Эй, не баба ли там, молодцы?
Посмотрите как следует, братцы!
Подлецу уличенному стыдно,
но овцу-то под шерстью не видно.
Не шумите, раскройте глаза —
по лицу неужели не видно?
Караванщика счастье — в верблюде,
но напиток цена — не в посуде!
Это точно, что всадник не тот —
но йигит или женщина, люди?
Ишь, он храбрость великую кажет —
выходи, мол, расправимся с каждым!
А в седле-то — как баба, сидит...
Это баба! Вглядитесь пока что!
Сдох узбек иль покудова жив он —
только там, на вершине, лежит он.
А Далли натянула доспехи —
и надуть нас, служивых, решила!
Торопитесь, друзья, не робейте,
Туклибай не ошибся в узбеке,
окружайте скорее Далли,
что одела мужские доспехи!
Наконец-то мечом, а не словом
мы с виденьем расправимся злобным.
Эй, поймайте сперва Хан-Далли,
а потом и узбека изловим!»
Люди в войске воспрянули духом,
говорят друг с другом:
«А седок-то и впрямь с конем не слит,
ноги растопырены, гляди, как сидит:

вот-вот свалится...

«Это не тот, чего сомневаться!»

Хан-Далли тем временем приблизилась еще,

пику — в землю, саблю — на плечо.

Видит, войско огромное, за рядами ряды,

как на базаре возле Урды,

гул, топот,

всё в пыли тонет.

щ

Хан-Далли раздумывает. А Гират

промедленью не рад —

весь кипит он,

бьет копытом.

Хан-Далли на миг обо всём забыла —

сама опьянела от его пыла.

«Если,— думает,— я так и уеду обратно,

они не поверят, что всё это правда!

А спущусь-ка я к ним... быть посему:

привяжу накрепко две сабли к седлу,

чтоб держались сами,

с каждой стороны по сабле,

дам камчи коню,

на них погоню,

не разбирая дороги —

две сабли срежут по пояс многих!

Они потом разберутся в уроне своем —

подумают, что мы были вдвоем!

О, помогите, гайиб-эраны,

честь батыра не уронить,

меня поддержите, как вы б могли

оказать поддержку Гороглы,

о беде моей вспомните,

не оставьте без помощи!

О аллах, обрати взоры,

дай уйти от позора!»

И говорит она войску:

«Покажите себя, молодцы:

нас послали сюда, мол, отцы!

Эрзерумские храбрецы,

выходите-ка по одному!

Всех, кто выйдет, кто драться горазд —

уложу в дагестанских горах,

от стыда остальные стоят...
Выходите же по одному!
Не один покажу вам прием,
не в один уложу вас прием!
Каждый ляжет один, не вдвоем...
Выходите же по одному!
Пусть я здесь — ваш единственный враг,
ну а вас и сочту я навряд —
всё равно вы уляжетесь в ряд...
Выходите же по одному!
Выходите, кто вправду батыр!
На храбрейших я в бой выходил.
Все прольете вы кровь, как один...
Выходите же по одному!
Свою ненависть к вам — не таю.
Так послушайте клятву мою:
всех свалю я в жестоком бою!..
Выходите же по одному.
А не то вас конем растопчу,
как баранов, предам вас мечу,
дыни глупых голов размечу —
лучше выйди вам по одному!»
Бой жесток. Выживает не тот, кто проворней.
Нам победа даруется только по воле
всеблагого, что ведает наши дела!..
И, решившись, Далли отпустила поводья.
И, оскалась, Гиркук разъяренный несется,
по привычке проклятое войско трясется,
и врезается разом в ряды Хан-Далли,
по привычке стегая камчой иноходца.
Замахнется Далли исфаханскою саблей —
и от тел отделяются головы сами!
И глядят, и вопят, и бегут кизилбаши,
и копытами топчут соратников павших.
Храбрецы хоть молчат, но дрожат от испуга,
а уж трусы вопят, оглушая округу!
И, к святым обращаясь — и к нашим, и к вашим! —
гибель молит Далли ниспослать кизилбашам.
И стегает камчою лихого Гиркука —
тот как птица летит и ступает упруго.
И, увлекшись победой, сражением жарким,
жертвы новые ищет красавица жадно.

Так отлично ведет с кизилбашами бой,
что прервать мой рассказ о ней — попросту
жалко
Хан-Далли мы долг уплатили,
теперь послушаем о Хасане-батыре.
Холодная была земля —
Хан-Далли уехала, он пришел в себя.
Видит, лежит на месте старом —
в горах Дагестана.
Да только рядом —
ни Далли, ни Гирата.
«Эх,— думает,— она меня мертвым сочла,
взяла Гиркука да и вниз сошла.
И раньше она
любила этого скакуна!» —
так он с жизнью прощался,
от всего отвращался.
«Наверное,— говорит,— мой жребий таков:
умереть на чужбине, без друзей, среди врагов!»
Тут слышит: кто-то вокруг суетится.
А это птицы:
ворон черный, ворон серый,
сороки, орлы, орланы — все они
кружат, окружают,
мяса жаждут.
Застонал он, зарыдал,
руками на птиц замахал.
«Эх, был я здоров, врагов косил,
а нынче птиц отогнать — и то нет сил!»
И так, в горести, возгласил:
«Среди гор Дагестана высоких
сад мой высох, исчерпаны сроки.
Но Хасан ведь пока еще жив —
кыш вы, прочь, воронье и сороки!
Пылью скорби мой взор запорошен,
ищет сердце забвения в прошлом.
Но Хасан-то пока еще жив —
кыш, а то ведь и камень доброшу!
Здесь, в горах, я в беде неустанно,
мне и камни враждебными стали.
Но Хасан ведь пока еще жив —
кыш вы, прочь, воронье Дагестана!

Нынче всех я слабее в народе:
вот, лежу я — покойника вроде.
Но покуда Хасан еще жив —
прочь, ворон дагестанских отродья!
Был я крепок и духом и станом,
когда прибыл в края Дагестана.
Но Хасан и теперь еще жив —
кыш вы, прочь, распроклятая стая!
Что с рябою красоткой водиться?
Расточитель в купцы не годится.
Хоть и ранен Хасан — но живой:
прочь вы, прочь, распроклятые птицы!
Нам от века враги — кизилбаши.
Нет сочувствия в лагере вражьем.
Эй, вороны, Хасан еще жив —
вы не щелкайте клювами в раже!
Я живой, хоть на труп и похож я,
кровь не вытекла, ходит под кожей.
Но умру я на этой горе,
тут мой час и придет непогожий...
Я — луна, что затеряна в туче.
Я — пылинка на длани могучей.
Ты, создатель, оставил меня
и напрасной надеждой измучил.
Я ведь путь свой отвагой прославил —
я Далли сюда смело доставил.
Знай отец мой о горе моем —
он с врагами бы запросто сладил!
Но и ведать не ведает ныне
Гороглы об израненном сыне.
Не узнает и брат мой, Аваз,
о моей неотмщенной кончине.
Верблюжонком, отставшим от стада,
я тоскую в горах Дагестана.
Слезы лью — словно сыплю я соль
на свои неотмщенные раны.
Сам обиды свои не сквитаю.
Я к стопам Гороглы припадаю:
я твой сын, хоть тобой не рожден,
поводырь мой, Кааба святая!
О храбрейший! Из соколов сокол!
Брат Аваз мой, парящий высоко.

Вы, лихие друзья-храбрецы!
Прощайтесь со мною, все сорок!
Вы -то в прежнем расцвете и силе,
а Хасану подрезали крылья.
Умираю один на горе,
чернобровые барсы Чамбила!
Умирает Хасан, умирает.
Его горечи не умеряет
свет надежды в чужой стороне.
Он, как чистый цветок, увядает,
он прощается, не осуждает,
но тоска его гложет вдвойне.
Конь мой серый, как в битву вступал он!..
Оказался он истым тулпаром —
и отчизне последний привет
отправляет со мною на пару!..
О отчизна таки и явмута!
Наступила такая минута.
Улема и служилый народ,
и ученые мудрые люди,
и наставники наши, и судьи —
в этот час снисходительны будьте:
на дороге застиг меня рок.
С тяжелой раною неотмщенной
горько плачет Хасан — как ягненок,
заблудившийся в долгом пути.
Бек Чамбиля и сын Темиршаха —
ухожу я с желанием жадным:
хоть по смерти отмщенье найти!»
Смотрит Хасан — в глубине голубой
пять журавлей над его головой.
Словно какую несут весть —
ниже спускаются, собираются сесть.
Ах вы, милые!
Переполнило у него душу,
сердце защемило,
слезы душат.
Он им говорит: «О священные журавли!
Вы теперь полетите до нашей земли,
на озеро Явмут,
где таки живут
на Чамбила-перевале,

где и мы пировали,
озоровали —
там отдохните один-два дня,
передадите привет от меня.
Я вместе с вами оттуда умчал,
да, видать, в. неурочный час:
эта земля меня ждала,
тут и смерть меня нашла,
тут расклюют мои останки,
на вершине гор дагестанских.
Ухожу я из этого мира,
а вы, журавли мои милые,
если сядете когда
на озере Хавдак,
увидите Гороглы-бека, увидите Аваза—
мой привет передайте сразу.
От Хасанхана-сына, от Хасанхана-брата —
он, мол, не вернется обратно,
умер в глуби дагестанских гор,
где никого не видать кругом,
только — вот они! —
стервятники да вороны,
да мы подлетели перед концом,
он и попросил попрощаться с отцом,
да с матушками-пери, да с братом Авазом
всех перед смертью вспомнил вас он...
Так и скажите, милые журавли,
когда долетите до нашей земли,
до милого нашего Чамбила,
куда мне вернуться — не судьба была...»
И говорит он журавлям:
«Я прежде не жаловал вас, журавли,
летающие в сторону нашей земли!
Спешили вы по небу, я — по дорогам:
по-разному наши пути пролегли.
А ныне душа обращается к вам —
прошу вас, прислушайтесь к этим словам
Вы помните озеро — синий Хавдак наш,
где вы опускались на долгий привал!
Мы вместе наш край покидали родной,
но тяжкая рана покончит со мной,
а вы полетите к пределам Чамбила...

Так не облетайте его стороной!
Любая пора нам в отчизне милей.
Летите смелее, семья журавлей!
Пускай в журавлином домчится рыданье
печальная весть о кончине моей.
Когда же придет Гороглы на Хавдак —
вы, верные птицы, устройте так,
чтоб бек вас услышал — и сразу же понял,
о ком журавлиный рыдает косяк...
При первом ли крике, при крике ль втором —
поймет он, что стал я добычей ворон,
что умер Хасан в глубине Дагестана,
под холмиком маленьким захоронен...
Поймет — и заплачет
от мыслей от тех.
«Мой львенок, мой мальчик,—
заплачет отец,—
один ты остался, в беде, без надежды,
забытый, заботой моей не одет...»
О, как я в трясине страданий увяз!
Пусть плач мой останется в сердце у вас.
Его вы рыданьем своим повторите,
когда повстречается брат мой, Аваз.
Утратил я волю
от милых вдали.
Почувствуйте горе
мое, журавли —
и всем сорока расскажите батырам,
в какой меня доле
печальной нашли.
Я ранен смертельно — и не отомщен.
Один я — и нет мне отрады ни в чем.
Коль матушек-пери вам встретить придется —
слезам их и пеням утратите счет!
Пришла ко мне смерть моя в ранней поре,
нашла меня смерть на высокой горе.
Добравшись до дому, о том расскажите
моей горемычной молочной сестре!
Печаль передайте мою, журавли,
всем людям, всем жителям нашей земли.
Поведайте каждому о положении,
в котором меня, горемыку, нашли!

Твердит соловей
неизменный обет.
Я силою всей
не отбился от бед.
Когда, журавли, вы до нас долетите,
народу всему передайте привет.
О милые птицы, не сбейтесь с пути,
дорогу в пустыне непросто найти.
Не бойтесь в Чамбиле приблизиться к людям
и бедный привет мой до них донести.
Скажите, мол, умер он с жаждой в душе,
ждал помощи — и не дождался уже.
В земле кизилбашей, в горах Дагестана
он умер на дальнем, чужом рубеже.
Послушайте, птицы,— прощаться пора!
Смертельно у сердца зияет дыра.
И свет этот белый мне кажется черным...
Вы там про мои расскажите дела!
Как дым, что над домом —
беспечен я был,
но горестей вдоволь
потом накопил.
Пора, журавли! Улетайте, живые!
А я уже мертвый — мой срок наступил.
Прощайте! И я бы отправился вслед,
но мост мой обрушен, и свет мой ослеп,
и ждет меня нынче другая дорога —
не свод поднебесный, а каменный склеп.
А был я в сражениях страшен врагам —
в бою проносился что твой ураган!
И что же? Один я у черной могилы,
и рока видна надо мною рука.
Детей нарожайте четыре иль пять.
Родить одного — лучше камни рожать!
Коль пятый умрет — над ним четверо плачут.
Один — одиноким и будет лежать.
Горька одиночества злая беда.
Досталась Хасану такая звезда!
Наследник Чамбила, прославленный бек,
друзей не считал я, не ведал я бед.
Теперь умираю один на вершине,
Один умираю, не чая отмщенья:

оно не настигнет коварных врагов.
На черной вершине проклятой горы
ни брата со мной, ни отца, ни сестры.
Напрасны надежды:
не явятся те, что
считались друзьями с давнишней поры!
Текущая медом — иссякла река.
Могучая — мигом ослабла рука.
Дешевле песка оказалась на деле
та жизнь, что казалась мне так дорога.
В бою был я грозен, подобен грозе
и льву — в его поздней, жестокой красе.
Гордыня сгубила: так поздно я понял,
что так же подвержен я смерти, как все!
Бедой роковою подкошен — я слег.
Кровавы следы от катящихся слез.
Я сын Гороглы, и зовусь я Хасаном.
Умру, не услышав сочувственных слов!
Нет жизни надеждам моим впереди.
Что делать? И сердце изныло в груди.
Ушли моя радость, и власть, и богатство,
и в милый Чамбиль молодцу не дойти.
Сгорая от горя,
отчаялся я.
С отчаяньем в споре
лишь совесть моя.
Я верил во встречу,
когда уходил.
О боже, навечно
теперь я один.
Увижу ли в высях
друзей и родных?
У губ моих высох
надежды родник.
Как темен мой жребий и полдень мой сер!..
Рыданья, как дань, собираю со всех...
Увы, одиночество съело надежду,
а разум мутится и гаснет совсем...»
Всё высказал он журавлиной семье,
что, горем томимый, таил он в себе.
И вот закрываются очи Хасана,
лежит он недвижим на голой земле.

Так прощался с жизнью Хасан,
плакал, волю дал слезам —
да и опять закатил глаза.
Возвратилась Далли, глядит —
он без памяти еще лежит.
«Вот беда,— говорит,—
знать, задело внутри,
не приходит в себя,
не посмотрит сюда...»
И в печали,
головой качая,
коня привязала,
подходит к Хасану.
А Хасан постонал слегка —
и очнулся,
как бы издалека
вернулся.
Глядит — да никак
Далли в ногах!
С силами собрался,
чуть приподнялся —
уж так он рад,
что не чует ран! —
и без упрёка
говорит негромко:
«Хан-Далли, милая, что с тобой случилось?
Я-то верил: ты меня не оставишь.
А тут, гляжу — ни тебя, ни коня...
Ну, думаю, бросила меня.
Уехать рада,
оседлала Гирата,
в седло вскочила —
не дождалась моей кончины.
А могла хотя бы похоронить,
камнями прикрыть,
чтобы птицы и звери
не склевали, не съели...
Так я думал, надежду гасил,
одиноким лежал, без сил,
горевал безутешно
да рыдал безудержно...
А теперь ни к чему пустая речь —

ты пришла, не страшно и умереть».
Плачет Далли, на такие слова
она ему отвечает сама:
« Да поможет создатель моему господину
быстрее встать живым, невредимым!
Вы еще молоды, а кто молод —
того смерть победить не может...
Вы о смерти
и говорить не смейте!
Вам, наоборот бы,
думать о здоровье,
себя не запутывать,
меня не запугивать.
Умрете — брошусь с высокого камня,
себя порешу своими руками,
без вас мне не жить, вы у меня один...
Вам ведь уже лучше, мой господин!
Денек-другой полежать надо бы,
а там уже можно и вставать на ноги!..
А когда вы приехали да без памяти слегли,
то-то плакала ваша Хан-Далли.
Потом подумала — и страшно стало:
мы одни посреди Дагестана.
Вдруг, думаю, мой господин
ехал не один —
хитрец какой-нибудь за ним следил?
А теперь, как крыса,
за скалой укрылся,
видит мое горе,
смекнет вскоре,
вниз пойдет,
своих приведет,
вам будет плохо,
нам будет плаха...
Вот и надела я ваш доспех,
стала, как настоящий узбек,
села на Гирата, спустилась вниз—
хоть бы страху нагнать на них.
Не своим, а вашим видом!..
А вы думали, я вас выдам?..»
Так они разговаривали.
А у Хасанхана

опять разболелась рана.
Еле дышит,
лежит недвижим.
Хан-Далли раз в три дня
садится на коня,
но в бой не рвется —
покажется и вернется.
А враги и рады,
им того и надо,
а то, думают, бои бы шли —
из нас бы сколько полегли?..
Ладно, мы их в покое оставим
и Далли с Хасаном тревожить не станем —
поговорили об этом.
Давайте встретимся с Гороглы-беком.
С тех пор, как с Хасаном распрощался Гороглы —
прошло, наверное, месяца три.
Спрашивает везде —
нету вестей.
Думает Гороглы: «Скажи на милость,
что бы ни случилось,
там или здесь,
нет или есть —
какая-то ведь должна быть весть?»
О Хасане сердце у него болит —
он своим йигитам говорит:
«Э, сорок молодцов, в самом-то деле,
весна, журавли прилетели.
Почему же Хасан
не едет сам,
о себе не скажет путникам и купцам?
Может, связаны руки?
Сидел бы он на Гиркуке,
ездил как хотел —
давно бы уж прилетел!
Я его знаю: он без причины
медлить не станет вдали от отчизны.
Ну, скажите сами:
отчего нету Хасана?..»
И говорит он
своим сорока йигитам:
«От горя на сердце как гири легли.

Чьи плечи бы вынести это могли?
Вот птицы вернулись — а где же тулпар мой?
Ведь он быстролетнее, чем журавли!
О сорок йигитов, друзья Гороглы,
Ахмад и Халдар — вы б сказать не могли:
коль птицы вернулись, то где же тулпар мой?
Ведь он быстролетнее, чем журавли!
Беспечный не видит того, что вдали.
Аллах, храбреца — и умом надели!
Вот птицы вернулись — а где же тулпар мой?
Ведь он быстролетнее, чем журавли!
Гиркук, если мчится, как птица летит.
Нажмет, изловчится — обгонит и птиц!
Он в беге обставит крылатую стаю,
любого у цели он опередит.
Крыло из подмышек — как вспышка из мглы.
Любого на нем обгонял Гороглы!
Но птицы вернулись — а где же тулпар мой?
Ведь он быстролетнее, чем журавли!
Небось, как мальчишка, Хасан поспешал
и в сети врага, как олень, забежал —
не то бы давно его конь мой доставил
обратно, на волю, к родным рубежам.
А впрочем, ведь конь не поддастся и сам,
не даст, чтобы сделал ошибку Хасан.
Скакун мой — хитрей и умней человека,
уловку врага он поймет по глазам.
Мой конь седоку и защитник и друг.
Однако доселе не прибыл Гиркук!
С Хасаном дурное стряслось, не иначе!
А то бы с чего он опаздывал вдруг?
Хасана лихого куда занесло?
А вдруг да настигло какое-то зло?
То ль ранен, то ль болен? Гират бы не медлил,
когда бы взобрался седок на седло!
В тревоге я, места себе не найду.
То верю в беду, то не верю в беду.
Давно он прошел уже, срок возвращенья,
но нету Хасана, и я как в аду.
Дивитесь, о беки, что веки мокры?
Хасан ни словечка не шлет Гороглы!
Тулпар мой в полете обгонит и птицу,

а где он? Вернулись уже журавли!
Коль нету известья —
печальны дела.
Душа не на месте
в предчувствии зла.
Где сын мой, Хасан? Уже время вернуться!
О, только беда бы его обошла...
Был выбран из многих в дорогу Хасан,
без войска, без друга — отправился сам.
Аллахом клянусь, он в плену или ранен!
Не то бы отцу он известье послал...
Эй, сорок йигитов,
вернемся домой.
Судьба его скрыта
безвестности тьмой.
Но что-то, ей-богу, с Хасаном неладно...
Любая бы весть — но сомненья долой!»
Охотясь на озере синем,
вспомнил Гороглы-бек о сыне,
подумал и о коне,
стоя среди камней,
и видит: кружится над озером Хавдак
пятеро птиц — журавлиный косяк.
А журавли были те самые,
которых Хасан в горах Дагестана
просил отвезти на родину весть.
Кружат журавли, собираются сесть,
вытягивают шеи,
и Гороглы, глядя на их круженье,
почуял: всё это неспроста.
Шлет весть Хасанхан в родные места!
И Гороглы так им говорит:
«Из края в край, минуя полземли,
летите вы отважно, журавли.
Так и Хасан мой отбыл из Чамбила —
не от него ль вы вести принесли?
Он с вами вместе вышел в путь, Хасан —
под ним Гиркук от радости плясал.
Вы мне о нем по-своему скажите —
пойму ль я всё по вашим голосам.
Увидев вас, я в горести застыл:
я вспомнил, как Хасана отпустил...

Что ж, милые, кружитесь над Хавдаком,
чтоб я вас о Хасане расспросил.
О, если бы от вас я услышал,
что жив-здоров мой сокол Хасанхан,
что он свободен и приедет скоро...
я золотом пути бы усыпал!
А если пал мой сын, Хасана нет,
не смотрит больше он на белый свет,
тогда, о журавли, кружитесь влево!
Смотрите же, не спутайте ответ...
Когда ж мой сын, батыр мой, длит свой век
и смерти обольщения отверг —
тогда, о журавли, кружитесь вправо!
Смотрите же, не спутайте ответ...
Пусть ветер песню горькую поет —
следить я буду быстрый ваш полет.
Кружитесь вы направо иль налево —
а я узнаю: жив он иль полег...
Мой сын краса своей родной земли.
Кружитесь же, летите, журавли:
направо — он живой, налево — умер...
А вдруг ему лишь рану нанесли?
Хасана нет — и ночью или днем
я думаю об этом об одном.
Тоскую я по соколу Хасану
и жажду вашей весточки о нем.
Страшней смертей, дороже всех даров
мне эта весть с неведомых дорог.
Летите ж влево, если сын мой умер,
летите вправо, если он здоров!»
Так говорил в печали Гороглы,
его речам внимали журавли¹.
Два круга вправо и два круга влево
они над синим озером прошли!
Бек Гороглы взволнован, как река,—
в нем страх и боль за сына-смельчака.
Ведь всё понятно: жив Хасан, но ранен!
Слеза из глаз, и на мече рука...
«Друзья мои, дружинники, сыны,
вы, словно львы, отважны в дни войны.
Послушайте, ваш брат и сын мой — ранен
Мои призывы к вам обращены.

Как вестники, спешили журавли:
он, раненный, лежит в чужой дали.
Вот почему не прибыл он доселе,
когда настали сроки и прошли...
В чужом краю отчаялся, ослаб —
и журавлей за помощью послал.
А мы охотой тешимся, не зная,
что Хасанхан томится в лапах зла!
Я, молодцы, на поиски пойду,
с собою вас, дружину, поведу.
Хасан один — и ранен! Вот беда-то...
Но поспешим — и отвратим беду.
Хасан был молод... Молод, а, ей-ей,
отвагой старше всех богатырей!
Но ранен он, и с ним Гират остался:
чем бросить друга — он умрет скорей.
Хасан был молод — и пути не знал:
плутал в песках иль среди острых скал.
Врагами ранен, сам ли пострадал он —
но он домой недаром опоздал...
Постигла сына моего беда,
грозит ему жестокая орда.
Я всё прочел в круженье журавлином —
Хасан не зря направил их сюда!
Стон журавлей пронзит сердца насквозь
Но разве беки не тверды, как кость?
Мы — кость народа! Слушайте ж, батыры,
и слов не истолкуйте вкривь и вкось.
Те, что Хасана поразить смогли —
оставят рану в сердце Гороглы.
А Хасанхан зовет отца в томленье,
и ждет, и смотрит, и глаза мокры...
Лишь вспомню, как страдает молодец —
и словно в ад сошлет меня творец.
Подумаю, что ранен он лежит —
и разума аллах меня лишит.
Не поспешил я вслед за молодцом —
выходит, я не стал ему отцом!
Лежит один он, ветер след замел.
Сынок мой милый, как цветок завял!
Что за охота средь пустых полей?
Как пуля в грудь — известье журавлей.

Бездетного, счастливец, пожалей.
Коль гибнет сын — что в мире тяжелей?
Домой, домой! Какая тут охота,
после жестокой вести журавлей!
Но пусть не жжет отчаяние грудь —
с утра, о беки, мы выходим в путь!
Пойдем искать — отыщем Хасанхана.
А ты, создатель, нам вожатым будь!
Я, беки, тверд в решении таком.
Да и для вас слова мои — закон.
Хасан в беде, и ждет подмоги вашей.
И не беда, что путь нам незнаком!
Народ отважный,
слушайте меня:
готовьте каждый
своего коня.
Всё, что имею, на поход потрачу.
Хасан нас ждет — нельзя терять ни дня!
Не отводите, храбрые, глаза,
а затяните туже пояса.
С утра в седло — ив дальнюю дорогу!
Не мешкайте — подмоги ждет Хасан!
Чамбиль! Отчизна всем нам дорога.
Но стыдно тут отлеживать бока.
Да, я богат — но всё отдам за сына!
Найти Хасана — честь для сорока.
У Гороглы оружие не дрожит.
Его завидев, Грузия дрожит.
Эй, сорок тигров, в путь! Найдем Хасана.
Пушкой минутой каждый дорожит.
С утра сходитесь, храбрые, ко мне,
и там садитесь разом на коней.
Хоть мир пройдем, отыщем мы Хасана —
сто дней потратим или тыщу дней...»
Вернувшись с озера Хавдак,
Гороглы сказал йигитам так:
«Сегодня идите ночевать по домам,
но чтоб я вас утром не подымал:
с утра, в доспехах, сюда, к порогу —
завтра выходим в путь-дорогу».
Поняли йигиты,
что за путь предстоит им:

в дальние страны,
искать Хасанхана.
Идут, толкуют втроем, вчетвером:
«Искать-то поищем, да где найдем?
Гороглы упрямы, согласится не с каждым,
но давайте всё ему скажем —
пойти, мол, можно, да вернемся пустыми:
мыслимо ль искать в бескрайней пустыне?
Если вор вола не свел,
значит, поблизости бродит вол.
А человека не привяжешь к месту.
И разве в песках отыскать примету?
Там ли он, здесь —
бог весть.
А так — поди,
попробуй найди!»
Пуще всех Яртабай-аксакал
ярился, воздух рукой рассекал,
шею вытягивал что есть мочи,
знай говорит — остановиться не хочет:
«Эй, молодцы, йигиты-братцы,
сами подумайте — пропади вас хоть двадцать,
этот, чьи жены не рожают детей, —
стал бы ждать он от вас вестей?
Да он бы вас и не вспомнил,
другими дружину пополнил.
Но шум и гам начинается сразу,
если касается Хасана и Аваза.
Эй, сорок дружинников! Не считайте меня негодяем,
мы все когда-то на тот свет угадаем,
но вы-то, друзья,
пропадете зазря —
из-за Аваза да из-за Хасана.
Меня уж не будет — увидите сами.
Скажете — прав был Яртабай-аксакал,
я не послушал его — и пропал!
Я не шучу и не стану врать.
Знаете ж: «Сожаленье — поздний враг».
Сейчас не послушаете — вспомните после,
только будет-то уже поздно.
Спешите, повинуйтесь Гороглы-беку —
сами потом пожалеете об этом.

Вот, скажете, когда мы прозрели!..
Сейчас откажитесь, пока есть время.
Ведь этот Хасан-то поехал так —
наобум, куда глаза глядят.
На отсечение даю руку —
он не доехал до Эрзерума!
Я это вам доказать берусь:
мы ж его знаем — он трус.
Пока денежки имел при себе,
сидел в чайханах навеселе,
пил, обедал,
за бабами бегал,
проиграл коня — и пошел пешком...
Тощий вернется, иссеченный песком.
Он и здесь — прятался, хитрый! —
играл втихую в такие игры.
Я-то знал,
только молчал.
Гороглы думает — у него большая душа,
а на деле Хасан не стоит ни гроша!»
Так ворчал и кричал
Яртабай-аксакал.
Но ложь такая входит в души
не глубже какой-нибудь лягушачьей лужи.
А Гороглы у себя дома, внутри,
всю ночь беседовал в ичкари:
«О пери, я охотился у озера Хавдак,
вижу — летит журавлей косяк.
Думаю, Хасан-то отбыл с ними вместе,
они — вот они, а от него — ни вести!
Почему ж так — ведь мой конь летит
ничуть не хуже этих птиц!...
А журавли курлычут, кричат,
круг за кругом делают подряд,
заходят справа, заходят слева —
один впереди, другие следом.
Смотрю, поникши —
спускаются ниже,
кричат, кружат —
сердце крушат.
То влево, то вправо,
то вверх, то обратно.

Я уж устал,
считать перестал.
Почему, не скажу, хоть бы вы и спросили,
но они мне, как пулей, сердце пронзили.
Думаю, не иначе, как Хасан ранен,
а то б не кружили с таким стараньем!..»
Тут Юнус и Миска л — обе пери —
заголосили, не утерпели.
А пери Мискал открыто
на Гороглы набросилась с криком:
«Ты нарочно,— кричит Мискал,—
Хасана туда на гибель послал!
Он ведь молод,
хитрить не может,
не знает пути,
где и как найти,
врага от друга
отличить ему трудно...
А ты нарочно это затеял —
послал Хасана на опасное дело.
Ну что он тебе сделал — оскорбил ли сдуру,
что ты его погубить задумал?
Что у тебя к Хасану есть,
что такую хитрую выстроил месть?..»
Укорами сыплет, слезы льет,
Гороглы рта раскрыть не дает.
Юнус-опа ее успокаивает,
а сама исподтишка укорами покалывает.
Короче,
плакали обе до конца ночи.
Уж на что Гороглы — не спал и он,
словно ужалил его скорпион,
будто не батыр, а какой-то больной
стенал и плакал за стеной.
Утром Гороглы приободрился,
пошел в мечеть, небу помолился,
свершил, как надо, утренний намаз — и
потом уж стал отдавать приказы.
Приказал служилому люду
привести пожирней верблюдов,
яловых кобылиц —
резать их всех велит.

Повсюду вестники поскакали,
собираются аксакалы,
управители страны Явмут,
отовсюду люди текут.
Полон двор Гороглы-бека,
не вместится больше ни человека.
Собрались краснобаи
и мудрецы,
знатные баи
и храбрецы;
из туркмен — Таргибай,
из таки — Аргинбай,
от сары — Силингир,
от казахов — Жайсан-батыр,
Ингир-батыр,
от мингов — Мингбай,
от бахринов — Дингбай,
от найманов — Чинбай,
от сарая — Санокул,
от яви — Енгирбай,
от элов — Булакбай,
от таджиков — Тулакбай,
от жалойиров — Жайробай,
от катаганов — Буйрабай,
от сартов — Сарманбай,
от узбеков — Фарманбай,
от ачи — Анарбай,
от татли — Канарбай,
от кангли — Кингирбай,
от кипчаков — Кутлибай,
от китайцев — Кунгурбай,
от чавдиров — Чалабай,
от галдиров — Галабай,
от кирки — Киймасбий,
от юзов — Тоймасбий,
от киргизов — Куйманбий,
от дурмана — Долобий,
от мари — Маркабий,
от карки — Саркабий,
от кумов — Кунокбий,
ну да и ладно,
много их всех, перечислить накладно.

А полновесный вчерашний бай,
наш нынешний Яртабай —
и тут среди прочих.
Шумит, хлопочет:
«И я аксакал,
я всех обскакал!»
Ему в ответ: «Нет, старичина,
ты еще не дорос до аксакальского чина.
Тут ведь вот какая причина:
если хочешь быть на виду,
ты должен выставить людям еду,
всем угодить, старым и малым —
тогда и признают тебя аксакалом!»
А на дворе у Яртабая
как раз завелась коза рябая —
ее привела жена старика
детिशкам надаивать молока.
Сколько жена ни пускала слезу,
Яртабай зарезал эту козу,
сварил суп,
полкишлака пригласил в гости,
съели мясо, обглодали кости —
и опять же над ним народ смеется.
«Так просто,— говорят,— почет не дается!
Раньше б на свою козу посягал —
был теперь полный аксакал...
А так ты только наполовину —
и это жадность твоя повинна.
Ну, не тужи, молись богу —
авось и полным станешь понемногу!»
Изнывает старик, не терпится ему —
женин платок надел, как чалму,
свесил кончик,
в совет хочет!
Но ему говорят: «Нет,
тебе еще рано в совет».
Подходит к одним, к другим подходит —
никто аксакалом признать не хочет.
Даже те, что сидят на подхвате, с краю,
даже те, кому не досталось и чаю,
даже те, что и вовсе сидят у ворот —
не хотят ему оказать почет.

Один рядом стоит:
«Я вот что скажу —
зря ты, старик,
зарезал козу!»
И хохочет...
Старик обиделся, плакать хочется,
каждый, мол, только о себе заботится...
Заело деда.
«Эй, вы,— кричит,— незрелые!
Дойдет до дела,
посмотрим, кто будет первый!»
А между тем для аксакалов-судей
чего не поставили в красивой посуде!
Варенье, и сахар, и мед, и шербет,
самса, пирожки — с начинкой и без,
мясо жареное, жаркое, плов,
манты, что превыше всяких слов,
шашлык, а кто хочет —
шашлык из почек!
Узбеки на каждую лепешку мажут
еще и сладкое коровье масло,
перед каждым пиалы
с чаем выше похвалы.
Вода с медом, мед с водкой —
мешай, не считай, у нас вот как! —
и всё это мигом
запивают кумысом,
а вино и брагу молодые батыры
тянут прямо из бутылей.
Открыл Гороглы двери казны—
подают народу нарын и казы,
бешбармак и суп
ведрами несут,
с горохом варево —
собакам свалено.
Сам берись,
разгребай рис,
тащи мясо из плова,
кость ухватишь — тоже неплохо:
у кого целы зубы,
еще как грызут-то!
Только старики едят чуть,

для них уже не в этом суть:
им впору
беседы, споры...
Как кончили обед —
к благородным за советом обратился Гороглы-бек:
«О друзья, народ, аксакалы благородные!
Уехал наш Хасанхан в дальнюю дорогу,
В Эрзерум, на другой конец земли,
за дочкой Кувад-шаха Хан-Далли.
Четвертый месяц,
как нет известий.
Посоветуйте, как нам быть —
то ли ждать, то ль тревогу бить?»
Так он свой народ вопрошал,
к старикам обращался, к благородным мужам.
Люди бывалые,
лета немалые,
главы рода,
ума оплоты,
о том и об этом сперва посудачили,
а потом совет начали.
Пошла речь о Хасановых делах —
всяк их толкует на свой лад.
Наконец, все говорят:
«Гороглы-бек, в мире повсеместно
ваше слово весомо, известно,
а нам-то — как знать,
что об этом сказать?
Хасан далеко, а тому, кто в доме,
трудно целиться в тех, кто в поле.
Не знаем ни где он, ни что он теперь.
Нам остается ждать да терпеть.
Коли поехал за Далли черноокой —
где-то там и крутится около.
Уж если туда он попасть наметил,
так вряд ли будет в другом месте!
Мы можем, конечно, из людей своих
двоих послать или там троих —
мол, поезжайте,
всё разузнайте,
вернитесь сами
или с Хасаном...

Да ведь это наш пыл остудит только,
а больше от этого не будет толка.
А вдруг да его схватили враги,
взяли в плен, убили враги?..
Узнать не узнаешь, угадать не просто —
словом, пустое беспокойство.
А вы человек великой отваги,
одно ваше имя врагов отвадит,
вы только сделаете шаг —
уже трепещет любой падишах.
А в Эрзеруме народ-то вражий,
и все настороже, все на страже —
лучше бы ехать в страну врага
вам самому со своими сорока!
Вражьим силам зайдете в тыл,
узнаете, где Хасан-батыр,
пойдете, найдете, а кинется враг —
вы его разобьете враз!
Зададите им жару —
так они, пожалуй,
не то чтобы следом —
с коней еле слезут!
Это мы вам советуем смело:
если не вы, кто возглавит дело?
Если примете наш совет,
будет радоваться весь свет!
Споры прекращайте,
сборы начинайте...»
Теперь Гороглы-бек готовится к походу:
велит запасти еду и воду,
всей дружине дружно
проверить оружие
и прочее всё, что в дороге нужно,
чтобы рано поутру
выйти в путь в Эрзерум.
Обо всем об этом он приказы дает,
сорок йигитов собираются в поход.
Собираясь в Эрзерум со своими йигитами,
говорит Гороглы управителям испытанным:
«О друзья, врагов у нас много,
длинна дорога,
пока нас нет, заботьтесь о благе народа,

Чамбильбель я вам вверяю,
а вас — одному аллаху вверяю!»
И у всех, собравшихся сюда,
Гороглы-бек из седла
в дальний путь благословенья просит
и такие слова произносит:
«Стою среди вас в боевом облаченье,
и слово за словом твержу в огорченье...
Народ мой родимый, собравшийся люд —
у всех вас прошу себе благословенья.
Как стал Сулейман повелителем девов —
земля сотрясалась и небо гудело.
О добрые люди народа явмут,
за нас помолитесь, за общее дело.
О дом моих предков, равнина Чамбила!
Вот сорок бойцов, что щитом тебе были.
В поход мы уходим и просим вас всех,
чтоб вы помолиться о нас не забыли.
Мы чтили обычаи, тайны которых
упрямо хранили от вражьего взора.
Самим вам, о люди таки и явмут,
теперь мы вручаем Чамбила просторы.
Наш путь по пустыне теперь пролегает.
Пусть кони, как птицы, по ней пролетают.
По собственной воле уходим мы в путь,
прощайте! До встречи, отчизна святая!
Бездетный, как долго я был безутешен!
Иль ждут меня сызнова горести те же?
По собственной воле идем в Эрзерум,
но ваша молитва в пути нас поддержит.
В реке вашей жизни и впредь, как доселе,
черпайте надежду, основу веселья.
Нас ждут испытанья, молитесь за нас!
Уходим мы все, а вернемся мы — все ли?..
Народ мой, друзья мои, родичи, братья!
Молитесь, чтоб мы воротились обратно,
чтоб сызнова мог повстречать Гороглы
край таки-явмута, любовь и отраду...
Напутствие ваше — опора в дороге.
Просите аллаха послать нам здоровье.
За первой молитвой, о таки-явмут,
пусть без промедленья — моленье второе.

Народ мой, всё общество таки-явмута!
Молитесь, настала такая минута!
Пока не вернемся, молитесь за нас.
Просящему — дастся: всё просто и мудро.
Отвага — у смелых, коварство — у черта.
Друзья, возносите молитвы без счета.
Проси у аллаха, мой добрый народ,
чтоб мы из похода вернулись с почетом.
Коней оседлали лихих и красивых,
и кони помчатся в горах и низинах.
Наш путь — в Эрзерум. И пусть каждый из нас
назад воротиться окажется в силах.
В бою отличится воитель отважный,
отвага растет от молитвы от вашей.
От славных мужей, от друзей Гороглы
и сам я молитвою беды отважу.
В пути одолеем пустыни и горы,
вступая с врагами в кровавые споры.
О люди явмута, молитесь за нас,
чтоб мы не изведали горького горя.
В дороге нельзя без молитвы ни шага.
Ведь смерть не минует ни нищих, ни шаха...
Могучий уселся в седло Гороглы,
и с шумом дружина за ним поспешала.
И люди явмута ладони раскрыли
и разом могучий «аминь!» возгласили
герою явмута, вождю и отцу,
великому, славному беку Чамбила.
«Пусть к небу возносится этот «аминь» — и
несчастье в пути обойдет вас и минет.
В Чамбиль возвращайтесь вы, живы-здоровы,
творец охранит вас в нелегкой дороге.
И точно такие, какими вы были,
гайиб-эраны возвратят вас Чамбилю.
Гарцуйте, скачите вперед неустанно,
вам будут вожатыми сорок чилтанов.
Не знайте ни страхов, ни зла, ни забот —
здоровым назад привезите Хасана.
О беки, садитесь уверенно в седла
и горе навек изгоните отсюда.
Правителю сына верните назад,
вступая в сражение с судьбой безрассудной.

В Чамбиль возвращайтесь!
Хоть путь ваш — не близкий,
в дороге не знайте
ни раны, ни риска.
Всё горе избыв, возвращайся, правитель,—
аллах твое счастье в грядущем провидел.
Где б ни был, кто б ни был,
враг будет унижен:
его, как шашлык,
мы на пики нанижем.
Врагам не поддавшись, за белые горы
забросьте все беды, закиньте всё горе.
Аллах — за тебя, и святые — с тобой,
езжай, государь, свою лошадь пришпоря!
Даруй ему силу, удачу в делах,
творец всемогущий, великий аллах!»
Гороглы-бек, от всего народа
получив благословенье в путь-дорогу,
вместе с дружиной,
светлый, как облако, несокрушимый,
внушительный, важный,
как лев, отважный,
могучий, как Рустам,
выпрямив стан,
едет с отрядом.
А с ним рядом,
походу рады,
гроза врага — сорок йигитов в четыре ряда.
Все — батыры, как на подбор,
богатырский ведут разговор.
Едут воины,
радуются воле они,
шумят посреди
Голодной степи.
Все настолько
полны восторга —
не терпится прямо:
в сраженьи им бы!
Скачут, как пьяные,
затевают игры,
норовят с наскоком,
то прямо, то боком,

летят стрелой — и станут как вкопанные.
То пику в руку,
то саблю наголо,
тащат друг друга
к себе в седло.
На пиках — кисточки, сабли остры...
Едут по безводью Эр-Хизиры,
уже Каракумы
секут им скулы,
а они себе под солнышком белым
скачут и скачут за Гороглы-беком.
На голове у Гороглы
корона из Каракаллы.
Сорок его тигров песок позади толкут,
гарцует под ним его конь Маджнункук,
грызет удила, пышет жаром,
кажет путь сорока тулпарам.
У сорока йигитов сверкают глаза,
словно молниями гроза.
Гремят песни, блестят клинки,
скачут кони наперегонки.
Отпустит поводья хмельной йигит —
пыль столбом из-под копыт:
если враг подойдет,
никого не найдет.
А коль он увидит грозный отряд —
сам со страху будет спрятаться рад.
Стучат у батыров щиты о спины,
кони хмельные рвутся спьяну,
из подмышек теряют перья,
летят, как птицы, мчатся в пене,
прыгают, как архары, скачут, как олени
силу свою испытывают,
едва седоков не скидывают.
А сорок батыров — знамена в руках —
едут, не думая о врагах.
Сколько гор и сколько долов,
сколько озер — мрачных, веселых,
сколько народов, больших и малых,
с небом спорящих перевалов,
сколько песков, скользких камней
миновали они, не жалея коней,

не думая о дороге, костями устланной,
не зная отдыха, не чуя устали,
не страшась высот, не спеша в низинах,
эти батыры неотразимые.

Пусть судьба грозитя, как палач,—
строй йигитов смело мчится вскачь.

И с дружиной вместе полководец
скачет, словно юноша, горяч.

Впереди дружины, на коне,
он горит от горя, как в огне.

Едет Гороглы искать Хасана,
высясь, как скала, на скакуне.

Человек перед аллахом гол.

Скачут кони в долах, среди гор.

Обращает к богу полководец
упованья трепетный глагол.

Из Чамбила, полон гневных дум,
едет Гороглы на Эрзерум.

Как на солнце, глянуть не могли
злобные враги на Гороглы.

Хоть войны причине он не рад,
но крушил он недругов не раз.

Полон сил, он сел на Маджнункука,
и дружина выстроилась в ряд.

Вот они в песках

Эр-Хизира,

отдыхать пока

им не пора.

Скачут сорок, посредине бек —
вьется пыль за ними до небес.

Словно птица к саду своему,
без почтения к сану своему
мчится Гороглы, стремится к сыну—
к милому Хасану своему.

Кони в поле, пыль столбом от них —
от буланных, серых, вороных.

Гороглы, как раненый, стенает,
намокает потом воротник.*

Слышен скорый

по пустыне бег,

скачут сорок,

посредине бек.

Скачут пары — двадцать славных пар,
то затянут песню, то лапар.
Скажут «чу» — и конь летит, как птица,
речи понимающий тулпар!
Вот уже к вершине, меж камней,
мчится ряд стремительных коней.
По пескам иль в скалах среди гор —
кони все сильны, как на подбор.
Так и скачут сорок молодцов,
говорят о подвигах отцов.
Встреться им и подлинный батыр —
всё равно он им покажет тыл!
По пустыне гиканье гремит,
не отстанет ни один йигит.
Все в боях проверены не раз,
сабля у любого — как алмаз.
К Эрзеруму продолжает бег
вся дружина и Гороглы-бек.
Едут сорок — каждый о своем
запое, зальется соловьем.
Бек наш тоже песню затянул
и потуже пояс затянул.
Скачет степью огненной, а сам
всё гадает: как-то там Хасан?
А под ним танцует Маджнункук,
версты, пыль тасует Маджнункук,
скачет в ряд отряд через пустыню —
или образует полукруг...
Где и птиц не видели вовек,
держит путь, летит туркменский бек.
Скачут рядом сорок —
храбрецы!
И в бою и в ссорах —
молодцы...
Кто из них красивей — не решишь,
кто уступит в силе — не решишь.
Полны доли
вешнею водой.
Мчит народ веселый,
молодой...
Гонит бек коня на разный лад.
На боку — отточенный булат.

Скачут рядом с беком парни-львы,
храбры и неслыханно сильны.
Чуть Хасана вспомнит Гороглы—
так и сам застонет Гороглы.
Так Хасан стенает одинокий,
за которым в путь они пошли.
Миновать пески бы поскорей!
Загоняют всадники коней.
А скакун иной — уж без подков!..
Гороглы торопит седоков.
Вспоминает
Хасанхана бек —
и стенает
неустанно бек.
В этот час героям
встретяся враг —
стопчут строем,
порубают враз!
Бек о цели думает своей,*
затянул он пояс посильней.
Мысль в душе одна — о Хасанхане,
как Меджнун, замучился он с ней.
Над безводьем — всадников полет.
Гороглы о сыне слезы льет.
Гороглы не зря пошел в поход —
ищет он Хасана — и найдет!
Гром копыт
разносится вокруг.
Весь отряд
спешит на Эрзерум.
Битва, схватка — вот батыров страсть.
Победить готовы — или пасть!
По пескам, где конь и не ступал,
мчатся сорок. Каждый конь — тулпар.
Гороглы слегка приободрился,
вспомнил бек, как прежде поступал.
На песке не встретится следа.
Меч. Лепешка. В бурдюке — вода.
Вот батыры: чуть начнется бой —
победит и тысячу любой!
Словно ветер, в даль они летят,
а земля уносится назад.

Их порыв вперед неодолим —
гор не замечают и долин...
Мчат в пустыне сорок молодцов,
повторяют подвиги отцов.
Учатся у Гороглы терпению
на безводье сорок храбрецов.
Скачут строем — в два ли, в три ряда,
всё в пути сметая, как река.
Встретясь им враги — ив тот же миг
в прах сотрут, с землей сровняют их...
Кто им продвиженье запретит?
Кто решится выйти супротив?
Неизбежной гибелью заплатит
тот, кто помешает им пройти!
Что пред ними лучшие войска?
Словно смерть, сразят они врага!
Повергает в ужас грозный вид —
всё от них укрыться норовит!
По дороге гиканье и гром.
Змеи замирают за бугром.
Всё живое
прячется, дрожит,
если головою
дорожит.
Для коней — названья не найдешь:
конь скакнет — и покрывает тош!
Увидавший — вздрогнет и замрет,
в удивленьи разевая рот.
Красным бархатом покрыт тулпар,
как в пустыне выросший тюльпан.
Так и скачут сорок, на скаку
выражая ненависть к врагу,
с кисточками яркими на пике
и с алмазной саблей на боку.
Сил полны, йигиты мчатся вскачь —
покаялись Хасана отыскать.
Отступить для воинов — позор,
уступить — страшнейшее из зол.
Спорят, кто других опередит,
если враг дорогу преградит.
Сорок тигров — каждый драться рад —
о делах геройских говорят.

Молодцы толкуют о делах,
жеребцы сгрызают удила!
И батыры скачут по безводью,
скакуны несутся, как стрела.
Бек с дружиной, мчащей на врага,—
как тюльпаны посреди песка.
Стоит их увидеть — у врага
задрожит с оружием рука!
Отдыху — ни ночи
и ни дня.
Каждый хочет
чуда от коня.
Молвят сорок: «Слава Гороглы!
Без него мы так бы не смогли...»
День маячит,
прячет ночь углы —
мастер скачек,
скачет Гороглы!
Как холмы, одолевает горы,
не страшится сумерек и мглы.
Ищет друга каждый молодец.
Ищет сына Гороглы-отец.
Силам зла
обязан государь,
что послал
он мальчика сюда!
Жаждет розы нежный соловей,
жаждут тени странники степей.
Гороглы тоскует о Хасане,
жаждет отыскать его теперь.
Не беда, мол, хоть бы и пришлось
Эрзерум проехать весь, насквозь —
горе наше, что пути не знаем
и Хасана ищем на авось!
«Расцветайте сердцем, как цветник,
соловьиный вспомните язык.
Эй, со мной идущие батыры,—
вот края, куда Хасан проник!
Будьте бодры,
мои беки-львы,
в каждом бое
побеждайте вы.

Все вперед, ведь нам нельзя назад,
на скаку пускай мечи разят.
Вражья сила да сгорит дотла,
ваша — рвется паром из котла!
От людей далеко до людей.
Погоняйте, молодцы, коней!
В гору гнать коня, на высоту —
он придет измученный, в поту.
Но, бойцы явмута, что же делать?
Время подпирает, на беду.
Тот, кто смел — тот многое сумел.
Слух о вашей смелости гремел.
Так спешите, успокойте душу,
удальцы лихие из туркмен,
чтобы в вас, о смельчаки явмута,
верную опору я имел.
Сослужившим службу мне — сполна
будет и награда вручена.
А пока — летите, как драконы,
как весною — опьяневший нар.
Слушайте приказы Гороглы!
Кто сумеет то, что вы смогли?
В путь, без страха,
с помощью аллаха!
Ничего, что лошади мокры...
Слушайте приказы Гороглы!
Торопитесь, нам не до игры,
побыстрее, молодцы, скачите,
ничего, что лошади мокры...
Не напрасно ж я скакал сюда,
бек явмута, грозный государь!
Не юлите, храбрые, лисой —
отплатите мне за хлеб и соль!
Изнуряет гонка?
Ничего!
Лишь найти б ягненка
моего!
Недругов немало, львы мои,
из-за вас стенало, львы мои!
Груз себе взвалившие на плечи—
дорогие нары вы мои!
Гороглы дерзание и мощь,

только вы и можете помочь!
Так ищи же милого Хасана,
Гороглы дружина, день и ночь!
Чтобы Гороглы не укорял,
мчитесь по долинам и горам.
Скакунов гоните к Эрзеруму,
чтобы я от горя не сгорал!»
Друг за другом мчатся по стопам,
стаею крылатой по степям.
Свист камчи — и кони мчат, как птицы,
где никто доныне не ступал.
На пески, где влаги не найдешь,
капли пота падают, как дождь!
Мчит в пустыне маленькая рать —
норовят друг друга обогнать.
К Хасанхану сорок молодцов
скачут прочь от родины отцов.
Скачут так — посмотришь и замрешь!
Всю пустыню повергают в дрожь...
Скакуны — один другого лучше:
с маху, разом покрывают тош.
Встретясь им противника войска —
передавят, перебьют врага!
А в пустыне не стихает зной
ни дневной порою, ни ночной.
Так батыры выглядят, друзья, —
в изумление не впасть нельзя.
Вспоминает сына Гороглы
и тоскует сильно Гороглы.
На друзей ложится, как печать,
Гороглы жестокая печаль.
Днем и ночью скачут к Эрзеруму,
забывая время отмечать.
Гром в пустыне: скачка сорока.
Гороглы взволнован, как река.
Беки в скачке сгрудились гурьбой,
Гороглы ведет их за собой.
Вниз ли, в гору спешают львы —
кони их неслыханно сильны.
О тулпары, шахи меж коней!
Ноги их — чинары без корней.
Скачет бек, надеясь на аллаха,

к цели он торопится своей.
Кто бы эту скачку удержал?
У бойцов, у каждого — кинжал.
Вслед за полководцем из Чамбила
скачут сорок — в каждом сердце жар.
Конь — олень. Под стать он своему
всаднику, правителю явмут.
Бек могуч. Чело — чернее туч.
Парни — следом, ловят слова луч...
Спят туманы синие в горах.
В сердце чувства сильные горят.
Скачет степью хан Таки-Явмута,
жалость, боль за сына в нем горят.
Как дракон многоголовый, в ряд
рядом его воины парят.
Скачут кони яростных узбеков,
сократить дорогу каждый рад.
Конникам сгодятся их клинки.
На курган садятся канюки.
На коне танцует бек явмута,
и подковы конские легки.
Сбоку с беком продолжают бег
сорок конных — возглавляет бек.
Эти сорок — сильные из сильных,
в памяти останутся навек.
Среди сорока двоих заметим:
Халдархан, Ахмад — не знать им бед!
Тяжела дорога по безводью —
зной страшней, чем самый злой навет!
Лев явмута, Гороглы могучий,
в горести не поднимает век.
Долгими годами закален,
твердо управляет он конем
и без отдыха стремится к цели —
скачет ночью так же, как и днем.
Весь припас имея при себе,
воины не ходят по земле:
ни на час не прерывая скачку,
и едят и пьют они в седле!
Бек торопит: «Храбрые, ко мне!» —
и летит вперед на скакуне.
На коне лепешку разломают —

и запьют водою на коне...
Сколько трудных пройдено высот,
мыслей грустных брошено в песок.
И летит могучая дружина,
в сердце ярость грозную везет.
Хасанхана помянув не раз,
мчатся беки в поле и в горах.
Не забыв Хасана помянуть,
по безводью продолжают путь.
Зной их душит,
солнце их печет —
верность в душах
дальше их влечет.
Сколько миновали гор, озер —
ни на чем не задержали взор.
Вот бегут олени, зайцы вот —
удальцам теперь не до охот.
Вот в озерах светлая вода,
в отдаленье где-то — города,
вверх и вниз торопится дорога —
молодцы не смотрят никуда.
Горы с небом делят безмолвный спор,
и до плеч в тумане цепи гор.
Степь не скажет, озеро смолчит,
сколько дней дружина в поле мчит.
Но ведь мы-то знаем, нам видней:
едут, едут — сорок с лишним дней!
Гонят, гонят скакунов в пустыне,
едут, едут молодцы по ней!
Выдержали кони переход —
каравану хватит и на год.
Гороглы, спешивший к Эрзеруму,
у горы остановил поход.
Сорок верных взяли бека в круг.
Был подъем на эту гору крут.
В темноте вошли они в ущелье,
в темноте остановились тут.
Гороглы от сына ловит весть.
Стал он всё осматривать и здесь.
В темноте вошли они в ущелье,
между скал отряд собрался весь.
Путь во мраке не найти ночном.

«Ладно,— молвит,— завтра вновь начнем.
А пока — располагайтесь, беки,
и коней кормите ячменем».
Услыхали молодцы — и враз
поспешили выполнить приказ.
Место отыскали под скалою,
ячменя засыпали запас.
Крепкие измучились тела —
столько суток не слезать с седла!
И теперь, едва глаза закрыли,
как усталость всё заволокла.
Торопил в дороге Гороглы —
днем скакали и под кровом мглы.
Хорошо, что всё стерпели люди
и до места этого дошли!
Среди гор, под покровом мглы,
потеряв дорогу, говорит Гороглы:
«Батыры, ко мне!
Что мучить коней?
Понапрасну рыщем —
в темноте дорогу всё равно не отыщем.
Сегодня заночуем, где стоим,
а с рассветом двинемся путем своим.
А то, не дай бог, с дороги собьемся —
потом позору не оберемся».
Разом
наземь
все послезали,
коней привязали,
ночью черной
готовят ночевку.
Как легли, усталые, в походном всём,
так и забылись мертвецким сном.
Гороглы-бек уснул тоже.
Среди беков Авазхан был всех моложе.
Был он смалу смел и силен.
Теперь со всеми поехал он.
Видно Авазу:
Гороглы-бек заснул сразу.
А самому не спится,
мысль в голове теснится:
«Эх-хе,— думает,— вот то-то и оно.

Кто сам отцом не был, каменное у того дно.
Чужой — чужой и есть. Иначе Гороглы
не уснул бы, ворочался под покровом мглы.
Был бы Хасан родной ему сын,
да будь он ранен или без сил,
в иной ли беде,
неизвестно где —
бек бы в сон не провалился,
вообще не ложился,
не мог бы теперь
и часу терпеть,
йигитам бы не стал
устраивать привал».
Так лежал и грустил Аваз,
даже всплакнул один раз.
Узду ослабил —
с собой не сладил,
встал,
коня оседлал,
поехал по щебню
вверх по ущелью,
повод накоротке,
сабля в руке,
нащупывая дорогу,
понемногу,
тьме наперекор,
до вершины гор,
перевалил, вниз спустился —
и широким путем пустился, скачи — не хочу.
Коню — камчу,
как лев одинокий,
спешит по дороге.
Пусть Авазхан себе поспешает,
пусть скакуна своего понукает,
дальше пусть,
как лев, по пустыне держит путь.
А сорок йигитов без понуканья
легли да и дрыхли себе, как камни.
Так до полудня спали спокойно.
Встал Гороглы — привязаны кони,
все на месте — исчез Авазхан!
Когда ушел — никто не слышал.

Думает Гороглы в тревоге:
«Когда ушел, по какой дороге?
Как же никто его не видел?..
Его вчерашний привал обидел!
Сила молодая, не мог сдержаться —
вот один и отправился дальше.
А пути-то не знает! Где же он, где?..
Была беда, а стало две».

Очень опечалился,
чуть не отчаялся.
А сорок йигитов, едва услышали,
друг друга спрашивают об Авазхане.
Тут Тулак-батыр и говорит им:
«О сорок йигитов!
Три дня назад
мне Авазхан вот что сказал:
«Убегу я, отправлюсь в обратный путь,
а ты моим вожатым будь!»
Я его уговаривал — нельзя, мол, нехорошо,
но он не послушался, вот и ушел.
Я знаю, что у него за цель —
убежать обратно, в Чамбильбель!»
Ртов-то много, вот горе:
один — одно, другой — другое.
Зашумели йигиты, заспорили,
каждый Авазхана клянет по-своему.
Ни один не сказал доброго слова!
Тут Гороглы поглядел злобно,
обвел взглядом —
полил ядом:
«Вы,— говорит,— ни во что других не ставите,
трусами всех считаете,
а пока что сами
шкуры спасали!
Вам еще долго вперед идти,
потом уж увидите Аваза впереди.
Авазхан — храбрый сын!
Это у него глядеть не хватило сил,
как мы сном мертвецким дрыхли,
словно какие-то бабы рыхлые!
Я его не дам в обиду:
трус бывает другим и с виду.

Аваз назад не побежит —
хоть и с нежной душой,
но отважный йигит!
Его оскорбило, что вчерашний
привал
наш поход отважный
прервал...»
Так говорит он
своим йигитам:
«Кто сказал, что, дескать, трус Аваз?
Дурни, он храбрейший среди вас!
Он отважней каждого в дружине —
мой батыр, прекрасный без прикрас.
Распахните сонные глаза:
он Чамбила слава и краса.
Кто сказал — мол, Авазхан трусливый?
Он врагам управа и гроза!
Вслед Авазу вам еще идти,
будете служить ему в пути!
Кто батыра трусом называет?
Не в тылу Аваз, а впереди!
Мой Аваз врага не посмешит —
он ему навстречу поспешит!
И его вы посчитали трусом?
Нет, он с поля прочь не побежит!
Трусы — это вы, наоборот!
Он же — в пекло самое идет.
Беглецом его вы называли —
только побежал-то он вперед!
Он — опора дому моему,
настоящий бек Таки-Явмут.
Кто считает трусом бол Аваза —
пусть ему заявит самому!
Нравом это истинный хунхар —
мой бесстрашный сокол Авазхан.
В трудный час он будет всем опорой —
о храбрейшем я и не слышал!
Места не оставит он в строю
и врага раздавит, как змею.
Вы, назвавшие Аваза трусом,—
кто из вас сравнится с ним в бою?
Юн Аваз — но в возрасте любом

был, и есть, и будет истым львом.
Юн Аваз — когда же возмужает,
к этой славе с радостью прильнем!
Авазхан в сраженье шел не раз,
с целым войском справится Аваз.
Вы, его клеймившие как труса —
перед ним не опускайте глаз.
Саблей землю вспашет молодец,
кизилбашей свяжет, как овец.
Те, кто трусом называл Аваза,
может, устыдятся наконец?
Вам, что не стыдились укорять —
струсил, мол, почуяв вражью рать! —
вам придется вслед идти Авазу,
вслед идти, Аваза догонять!
Что ни говорите, но Аваз
крепче стоном и отважней вас.
Не бежал он, славный бек явмута, —
вышел в бой, опередив приказ!
Он за честь свою горой стоит,
вождь явмута, наш герой-йигит.
Нечестивцы, что чернят Аваза, —
вслед ему идти вам предстоит!
Скакунам скормили весь припас.
Слушайте, батыры, мой приказ:
вы своих коней поторопите —
нас намного обогнал Аваз!
День весь не проспали вы едва.
Гороглы приказывает вам:
на коней — и следом за Авазом!
Собирайтесь быстро — раз и два.
Миг спустя — чтоб пусто было тут.
Молодцы, скачите во весь дух,
догоняйте славного Аваза,
одолейте зависти недуг!
Беки с шумом садятся по коням —
тут Тулак-батыр и говорит тихонько:
«Не к чему сегодня поход начинать,
сегодня нам снова здесь ночевать,
меня будете благословлять —
назад поеду
и завтра к обеду

Аваза найду,
сюда приведу.
А не приведу — пусть я буду не батыр Тулак,
а пес прокаженный, рваный колпак,
пугало, чучело,
чтоб меня скрючило,
чтоб шел от меня козлиный дух,
как от старых козлов от двух,
будь я лопух,
осел лопоухий,
кобель безухий.
Если не привезу Аваза,
да лишусь и глаза
и голоса сразу, *
пусть нападет на меня проказа!
Вы только спросите — разрешит Гороглы или нет,
да мне передайте его ответ,
а уж я исполню,
не дожить мне до полдня!
Пусть, если вру —
до вечера умру!
Вы только получите
у Гороглы разрешение —
и на месте ждите
моего возвращения.
А я поскачу — Аваз недалеко,
ему ж незнакома эта дорога.
Недаром он, как бежать решал,
и меня с собой приглашал,
да я-то его в ответ пристыдил,
вот он поневоле и ушел один.
Понял, что мне не в охоту,
да и дал в одиночку ходу.
Может, еще в каком-нибудь месте
ждет — надеется ехать вместе.
Точно — один-то он побоится:
можно и вправду с дороги сбиться.
Лежит поблизости да и ждет,
пока Тулак-ака подойдет.
Я его вмиг найду
и сюда приведу.
Вы только получите разрешение

и ждите к полудню моего возвращения:
увидите сразу
батыра Тулака и мальчика Аваза.
И кони тут
заодно отдохнут...
Ведь нельзя одного оставить мальчика,
еще испугается без отца,
еще расплачется,
со страху спрячется,
куда-нибудь наобум пойдет,
а уж тогда совсем пропадет!
Придется и его по чужим странам
искать, как бедного Хасанхана.
А пока он поблизости где-то —
если отпустите, за ним поеду,
приведу его конного,
совсем покорного,
да и отправимся спокойно мы
по трудной дороге
без лишней тревоги.
А то ведь иначе и путь не путь,
и всё не как надо, а как-нибудь.
Если Авазхана не привезу с собой —
пусть я буду не Тулак-герой:
приму в наказание
любое прозвание.
Да пусть я тогда умру молодым,
пусть развеются мои дни, как дым,
и пусть не отпустит аллах для меня
ни единого лишнего дня!
Чтоб мне выплакать слезы последние,
да не увидеть своих наследников,
да чтоб в могилу я лег живой,
чтоб кобыла мне стала женой,
да чтоб самому мне сделаться бабой —
ходил бы квелый, кислый и слабый...» —
так он клялся на разный лад,
а сам-то просто хотел назад,
он из таких, что в тыл норовят.
Вот и садятся в седла все сорок,
поднимаются в горы,
подстегивают коней, не жалеют,

кони храпят, шалеют,
передние дышат, словно раздувают меха,
сабли лязгают о стремяна,
щиты за спинами блестят,
всё ближе и ближе к вершине отряд.
А Гороглы многое приходит в голову.
«Эх-ма,— думает,— сколько в молодых гонору,
а мыслей-то чуть,
как он решился так ускользнуть?
Один, ночью!
А вдруг да встретит кого в одиночку?
Или другое случится что-то?..
Вот ведь забота!
Ехал бы вместе со всем отрядом,
был бы рядом.
Если с ним случится беда,
что я буду делать тогда?..»
Так он печалится, а сам покуда
в сердцах стегает Маджнункука,
по горным тропам
едет галопом,
и сорок йигитов не отстают,
тоже коням камчи дают.
Теперь у Гороглы-бека беды вдвое,
разное думается, да всё дурное,
сам, как туча, темнеет,
тело пламенеет,
глаза горят огнем недобрым,
весь он, как тигр, к прыжкам готовый,
как лев, рычит,
как барс, ворчит,
свистит, как дракон,
дышит, как слон.
Горюет о Хасанхане,
думает об Авазхане.
Одолел перевал — и снова они
спустились в пустыню знойную,
бек волнуется, как река,
никого не видно пока,
не придумает даже,
как быть дальше,
едет, а за ним с шумом веселым

танцуют, гарцуют все сорок.
О держащий мир в горсти,
чуть поводья отпусти.
Что, безжалостные беки,
тяжек путь через пески?
Отворили б
нам врата,
предъявили б
нам врага.
Отпустить поводья можно —
лишь бы не было вреда.
Быстролетен
этот миг,
неугоден
этот мир.
Отпустить коням поводья —
дать им выбрать путь самим
Степь-дорога.
Кони-львы.
Издалека,
беки ль, вы?
Едем вместе с государем.
Нас немного.
Мы сильны.
Свалить бека
Гороглы
горе, беды
не могли.
Отпустите же поводья,
наши лошади мокры...
Крепки беки,
каждый — нар,
честь навеки
сохранял.
Отпустите же поводья,
дайте волю скакунам!
Вождь явмута
нас ведет,
но ему-то
не везет.
В вихре конном
мчит драконом

и минутам
помнит счет.
Скачем быстро
по степям,
скачут искры
по стопам —
вот нагонит бол Аваза
наш неистовый тулпар!..
«Йигиты, вы знаете бека приказ:
мои упованья отныне — на вас.
Стегайте камчой, погоняйте тулпаров,
скачите, он близко, мой бедный Аваз!
Крутите камчи, словно смерчи, в руках.
Отставший рискует остаться в песках.
Гоните коней, отпустите поводья —
умру я, Аваза в песках не сыскав.
Скачите — и зорко глядите кругом.
Подкованы кони литым серебром.
Коней не жалейте, лихие йигиты,—
найдем Авазхана, тогда отдохнем.
Надейтесь на лучшее, беки явмут.
Еще в Эрзеруме сраженья нас ждут.
Но надо сперва отыскать бол Аваза,
и сердцем я чувствую: где-то он тут.
Всё то же я слово хочу вам сказать:
вам снова и снова придется скакать.
Пока не найдете мне сына Аваза,
дорожных мешков я не дам вам скатать.
Он сердце в слезах мне оставил, а вас
кружить по пустыне заставил Аваз.
И все же его не найти — невозможно:
где б ни был, сверкнет он, как в гальке алмаз.
Послушайте, беки, слова Гороглы:
доныне враги вас смутить не могли.
О сорок могучих, найдите Аваза —
под солнцем ли жарким, под кровом ли мглы.
Коль сын мой Аваз не найдется — отец
найдет себе быстрый и верный конец!
Вы, беки, батыры, могучие львы,
врагам разбивали могучие лбы.
Найдите Аваза — и будете вправе
просить Гороглы о наградах любых.

Гнездится орел на вершине седой,
нельзя распроститься ему с высотой.
Иль мало мне было утраты Хасана,
что рок наказал меня новой бедой?
Судьба не щадит меня в этом году,
а жить без любимых мне не вмоготу.
Я вышел в поход — отыскать Хасанхана,
а тут исчезает Аваз, на беду!
И шагу не сделавши, наземь упал,
летать не попробовав, крылья сломал.
Хасан, Авазхан — исчезают бесследно,
едва я впервые их в дело послал!
Бездетный, я в тине скитаний увяз.
О тигры мои, вся надежда — на вас.
Я тайну раскрыть не умею доселе:
зачем убежал неразумный Аваз?
Непрошенно катятся слезы из глаз.
Я еду и думаю: где же Аваз?
В таком я отчаянье, сорок храбрейших,
что я сотворить забываю намаз!
От горести сердце лишается сил,
как будто бы кровью я путь оросил.
Спешите же вслед неразумному брату,
пока не погиб чернобровый мой сын!»
Мир — это берег.
Жизнь — как вода.
Сердце не верит
в смерть никогда.
А Гороглы безутешное горе
и для батыров — злая беда.
Молятся богу в степи силачи,
а для коней не жалеют камчи.
Мчится скакун заодно с ветерком,
можно архара настигнуть клинком.
Пыль, что взлетает из-под копыт,
облаком темным в пустыне стоит.
Скачут батыры.
Где бол Аваз?
Сил бы хватило
исполнить приказ!
В мыслях о сыне,
бежавшем сюда,

стонет в пустыне,
горит государь.
Горечью грудь — и надеждой полна.
Мчит Гороглы, не щадит скакуна.
Скачут йигиты, не зная куда:
дескать, догоним, да только когда?
И Авазхан, мол, тоже упрям:
нет, отдохнуть бы—ему, да и нам!
Кони испытанны
у сорока.
Из-под копыта —
жмени песка.
И поднимается темной стеной
пыль, как туман, позади, за спиной.
Сорок героев скачут к горе,
кони, как пули, летят по жаре.
Сорок батыров едут в пустыне,
солнце от пыли в черной коре.
Гонят тулпары, мчат, горячи,
словно хотят убежать от камчи!
А Гороглы всё стонет в тоске,
согнут, как лук, и пригнулся к луке.
Степь раскалилась, где ни ступи.
Силы теряют беки в степи.
Гонят батыры вскачь лошадей,
хлещут камчи словно струи дождей.
Ждут не дождутся батыры Аваза —
или следов его, или вестей...
Не о себе они — только о нем
думают, в скачке сливаясь с конем.
Взором обводят округу не раз:
вдруг да он рядом, ягненок Аваз?
Жарко в пустыне. Сердца горячи.
Скачут батыры. Хлещут камчи.
Сорок батыров по следу Аваза
мчатся и в полдень, и в жаркой ночи.
Скачут тулпары вперед и вперед —
кони отборных туркменских пород.
Вслед Гороглы поспешают йигиты —
верный, могучий и грозный народ...
Путь то под гору, то в высоту —
конские спины блещут в поту.

Но неустанен, яростен, смел
каждый воитель, лев из туркмен.
Недруг не страшен
всякий ему —
вечно на страже
таки-явмут.
В драке отвадят
целую рать —
им ведь отваги
не занимать.
Скачут все сорок. Молвят не раз:
«Ну и задачку задал Аваз!
Чуть было в трусы не записали,
вышло — он самый храбрый из нас!»
Этим уроком сыты навек,
сорок летят, как один человек.
Мчат к Эрзеруму по следу Аваза,
сном не смыкая ссохшихся век.
Тяжко тулпарам. Ведь у коней и
сбиты копыта о грани камнѐй!
А Гороглы всё взывает в тоске:
«О мои дети!..» — и гнется к луке.
Горестно беку—эта печаль
и на дружине лежит, как печать.
Давнее время, не наш это век:
сорок на город идут человек!
Гонят батыры,
торопится рать.
Даль из-за пыли
Не увидеть.
Беку доехать нужно скорей
да разузнать про своих сыновей.
Если, мол, жив и здоров хан Хасан —
в наши ряды он встанет и сам.
Ради Далли он поехал сюда —
добыл, не добыл — всё не беда!
Только бы мы Хасанхана нашли —
там уж и сами добудем Далли.
До Эрзерума доехать хотя б,
встретят враги — перебьем, как котят!
Славные беки надеждой полны —
мужи явмута, надежда страны.

Скачут и скачут они по безводью —
тигры явмута, отчизны сыны!
Тени шакалов, гиен на пути.
Но Чамбильбея бек — впереди!
Лучшей породы под всадником конь —
птицу легко обогнать на таком!
За день — трехдневный
отрезок пути
трудно под небом
жарким пройти,
но успевают беки явмута!
Скачут, толкуют: что впереди?
Добрый — дорогу
конь сократит,
злобному року
путь преградит.
Верят они, не
верят в успех?
Гром на равнине,
речи и смех...
Нравится дело
им или нет —
делают смело,
им не до нег.
Те, что вперед торопились сперва,—
нынче идут к голове голова.
Каждый подолгу с седла не слезал —
так и идут по Аваза следам.
Славны — смотрите! — батыров дела:
гореть развеют— как не была!
Скачут батыры, жарит жара
в страшной пустыне Эр-Хизира.
В мире не сыщешь счастливых людей.
Был Гороглы — да утратил детей!
Стонет «О дети!», чуть ли не слез,
и воротник его мокнет от слез.
Резво гарцует под ним Маджнункук,
смотрит правитель явмута вокруг,
вспомнив Хасана, чернеет, как туча,
с грузом грозы подступившая вдруг.
Здесь, на безводье, может навряд
с чем-то сравниться беков наряд.

Но на безлюдье кого удивит
всех наших беков царственный вид?
А Гороглы, как и прежде, в слезах —
плачет: «О сын мой, свет мой Хасан!
Прежде чем я о тебе разузнаю,
в пламени этом сгорю я и сам.
Было лишь двое
ласковых вас —
но за тобою
сгинул Аваз.
Был ты поддержкой
роду всему,
светлой надеждой,
светом в дому.
Щитом от горя
людям служил,
доводом в споре
с родом чужим.
Сердцем я знаю:
случилась беда —
только гадаю,
где и когда.
Ты мой наследник, милый мой сын —
людям явмуга ты господин.
Горе! Разлуке нету конца.
Черные дни ты припас для отца.
Сердце от горести стало пустым,
сделался сам я — бродягой пустынь.
Я и с тобой — и с отчизной в разлуке,
из-за того, что тебя отпустил!
Кони уставшие валяются с ног,
я же в тоске всё взываю: «Сынок!..»
Пламенем всё полыхает внутри,
муку мою слишком долго не дли!
Был уважаем я в отчем дому —
степь стала домом отцу твоему!
Был я на родине как шахиншах —
стал предводителем конных бродяг!
Можно ли скорбное сердце излить?
Только испытывать рок свой — и злить!
С жизнью расстаться хочет отец:
чем эти муки, лучше конец!

Стон мой — как ветер
в поле пустом.
Мне ведь на свете —
горе да стон!
Из-за тебя нас снедает тоска,
рыщем по скалам, по желтым пескам!
Но отсеку я тоску как ножом —
только б тебя я живого нашел!
Как на отчизне мой славился ум!
Но поглупел я от горестных дум.
Был я явмута могучим вождем —
стада пропавшего стал чабаном!
Сколько тебя я по свету искал!
Как по тебе убивалась Мискал!
Из-за тебя изнывала, клянусь, —
и красоту потеряла Юнус.
Ходит весь день,
словно со сна,
тает, как тень,
сохнет сестра!
Брат твой от слез чуть не ослеп —
и за тобой кинулся вслед!
Горе владеет дружиною всей,
горе на сердце верных друзей.
Ты — как душа! И когда ты вдали,
бренное тело — чернее земли...
Слышишь, до неба возносится плач?
Для Гороглы ты, о сын мой, — палач!
Я — словно раненый с пулей в груди.
Еду — и нету скончанья пути...»
Так он в пустыне Хасана зовет,
полон горчайшей из горьких забот.
Эти ли, те ли
печали развей —
но не потерю
двух сыновей...
Сколько он суток
и не дремал! —
Меркнет рассудок,
в мыслях туман.
Тот ли, другой ли —
вряд ли б смогли

выдержать горе,
как Гороглы.
«Тело иное — горе иное» —
так ведь старинные люди рекли.
«Горе приходит — двери пошире!» —
только вот на сердце гири легли.
«Где загорится — там и горит».
Горе сжигает — хоть не дымит.
Сам себя мучает бек. И кому
Можно излиться? Разве коню?
Мало ли было утраты Хасана?
Сгинул Аваз в добавление к нему!
Словно бы в лапах смерти самой —
бек не владеет больше собой.
Знает одно он: ехать скорей —
и Маджнункука шпорит сильней.
Смертная мука — мука дорог!
Да и недаром он изнемог:
что тяжелее долгой дороги,
если нас гонит горестный рок?
Конь-то под ним — настоящий тулпар
сильный, из тех, что растут по степям.
Было б с конями не то что-нибудь —
вряд ли б дружина продолжила путь.
Не прогадают, что поспешат:
важен в тулпаре бег, а не шаг.
Встанет стеною пыль от копыт.
Конь без изъяна — цел и йигит.
Пыль, что взлетает
к небу, легка,
прочно скрывает
след сорока.
В скачке поспешной старается рать
цели достигнуть, судьбу испытать...
Скачут отважные сорок бойцов
и запевают песни отцов.
Конь — это главное для храбрецов,
кони — как стрелы в руках молодцов.
Если седок и скакун без изъяна —
славы добьются, в конце-то концов.
Важно ведь что настоящим тулпарам?
Уйти от погони, догнать беглецов!

Кони лихие — все как один.
Беки явмута, любой — господин,
скачут и скачут, но свет Эрзерума
в далях пока что неуследим.
Снова восход, и снова закат —
ну, а друзья не доедут никак.
Скачут, веленье судьбы исполняя,
только уж больно степь велика.
Стонет, как раненый, Гороглы-бек,
сердце разлукой разбито навек.
Но к сорока обращается он,
напоминает им службы закон,
учит дружину свою неспроста
и говорит про родные места.
Кони грызут удила — и летят,
словно из пушки огромной снаряд.
А седокам развлекаться не лень:
шпорят коня — мол, скакни, как олень!
Скачут отчаянно, скачут давно —
встретить Хасана пока не дано.
Скачут, минуя привалы и тень,—
по три дневных перехода за день!
Им же ведь мужества не занимать —
к цели торопится славная рать...
Пусть теперь Гороглы и йигиты с шумом
держат путь к Эрзеруму.
Давайте пока послушаем с вами
рассказ о юном Авазхане.
Аваз к Эрзеруму спешит —
авось от погони сбежит!
Авось и Хасана отыщет,
что, раненный, где-то лежит.
«Капризничал, альчик просил
и вздорил с тобой, что есть сил.
А ты, ублажая братишку,
всё лучшее мне приносил.
Носил ты кушак золотой,
а был ты веселый, простой,
ухаживал сам за конями,
мальчишки играли с тобой.
О брате заботится брат,
и я позаботиться б рад,

но ты далеко оказался
от мест, где находится брат.
Пощады не ведает враг,
и помощи требует брат,
а я далеко оказался,
чтоб силы на помощь собрать.
Я еду вот только теперь
и следом — друзья из степей.
Спешу я к любимому брату —
авось пригожусь я тебе.
Ты жив ли, о брат мой Хасан?
Бродягой я сделался сам.
Я молод, дороги не знаю —
о, если б ты путь показал!
Хасан, ты силен, как река!
Один повстречал ты врага —
а их было много, иначе
разбил бы их наверняка!
Что делать с бедою такой?
Несчастье случилось с тобой.
О стыд мне! В лихую минуту
меня не случилось с тобой.
О, если б тебя увидал,
твоим поклонился следам!..
Услышать твой голос: «Братишка!» —
полжизни за это отдам.
И сердце молиться велит —
хоть раз бы увидеть твой лик.
О брат мой, как жил ты, чем был —
вовек не забудет Чамбиль.
Ужель ты в обители мглы?
Уйдет за тобой Гороглы!
Ценнейший вручи из даров —
вернись к нам и жив и здоров!
Хасан! Если сгинул ты, брат,
я сам — не у адских ли врат?..»
И мальчик всё дальше спешит,
заплачет — и очи смежит,
но гонит коня по безводью,
и конь неустанно бежит.
Бежит, и себя он пока
догнать не дает сорока,

и птиц обгоняет в полете,
крепка на поводьях рука.
Ни разу ведь не отступал
Аваза могучий тулпар.
Дней десять спустя перед ними
как занавес некий упал.
И в памяти борзой навек
впечатался гор силуэт.
О том и мечталось Авазу —
других и не ждал он примет!
Торопится в горы как раз
любой, кто в охоте горазд.
Аваз, скакуна подгоняя,
был к вечеру в этих горах!
Скача по теснинам чужим,
Аваз оглядеться решил.
Взобравшись наверх понемногу,
он глянул с одной из вершин.
Была ли пустыня добра?
Проверьте в Койим Хизира!..
У необозримого войска
в осаде — большая гора...
Аваз десять дней не слезает с седла,
как будто прирос к седлу навсегда —
ни днем, ни ночью не жалел себя,
коню не давал отдохнуть,
ни на миг не прерывал путь.
Конь в пути, как птица, пластался,
добрался Аваз до гор дагестанских.
Гонит, спешит он
наверх, к вершинам.
Въехал в ущелье, едва рассвело,—
тут ему страхом тело свело.
Огромное войско стоит в ущелье,
заняло долину, закупорило щели.
Решил он, что ему привиделось с горя.
«О боже,— говорит,— что это такое?
Кого это войско окружает,
в поле выйти не разрешает?
Может, Хасанхана? Так и есть!
Зачем бы иначе стоять им здесь?»
Бедный Аваз

в мыслях увяз.
Говорит себе: «Чего это я поник?
Чего я буду глядеть на них,
нощно и денно
стоять без дела?
Сорок дружинников едут следом,
скажут — от страха совсем ослеп он,
растерялся,
нас дожидался,
только когда подъехали — чуть-чуть оклемался.
Будут передо мной гордиться —
а мне их упреки слушать не годится.
«Кто боится дани —
скота не выращивает,
кто боится брани —
меча не вытаскивает».
Надо вступать в сражение —
нет другого решения!»
Слез с коня, чуть-чуть
дал коню отдохнуть,
подтянул подпругу,
натянул кольчугу,
щит на плечо, меч на боку —
сел на коня и на всем скаку
помчался к врагу.
А теперь вот что:
послушайте про это войско.
Два месяца будет вскоре,
как оно расположилось в предгорьях,
отрезало все пути:
не проехать и не пройти...
Авазхан, боевой клич испустив,
коня во весь дух пустив,
при крике и гаме
смешался с врагами.
Те, что лежали без дум, без опаски,
не ожидали какой-нибудь встряски —
тут закричали: «Держи его! Бей!
Целься из лука! Сбивай его сразу!»
Храбрый Аваз,
положась на аллаха,
в центре как раз

в них врубился без страха.
Рубит наотмашь в такой тесноте,
головы сносит им с первого взмаха!
От Гороглы он, удар тот удалый —
враг поражается силе удара.
Истинно храброму страх не мешает:
он о себе ведь не помышляет!
Есть и среди недругов ладные парни —
«Мы, мол, не хуже» — решают в запале!
Что же, рубитесь, принявши решенье, —
только не трите потом себе шею!
Храбрый Аваз учиняет им сечу —
рубит любого, кто вышел навстречу.
Рубит их разом по восемь, по девять —
гляньте, как надо покойников делать!
Вражьи ряды, как овец, обкорнал он.
Воеет тревога огромным карнаем,
войско проснулось, спешит окружить —
сотни и тысячи с каждого края.
Но бол Аваз на тулпаре могучем
мчится на них, как орел из-под тучи.
Острый сверкает в руке исфахан,
рубит наотмашь, напрасно не муча!..
Волком голодным
в стаде овечьем
гонит врагов он,
наземь их мечет.
Сладит Аваз
с ратью неслабой —
бьет, словно барс
мощною лапой.
Вражий батыр — что пред Авазом?
Разом умрет, сброшенный наземь.
Скачут войска,
в ужасе кружат,
посвист клинка,
выстрелы ружей.
Горы полны
топотом конным,
стоном толпы,
свистом драконьим.
Вот он — один, гонит же — сколько!..

Хоть и дралось яростно войско...
В армии всей
страх и смятение,
кличут друзей,
скачут от тени.
«Бейте! Держите! Рубите его!» —
сотни бегут с криками теми.
Скачут, бегут поневоле по кругу
и оставляют порубленных груды.
Драться же можно, коль смотришь в лицо
друг другу...
Кони прядают,
пули свистят,
головы падают,
арбы скрипят.
С гор низвергается
каменный град.
Яростный треск
винтовок китайских.
Наперевес
батыры их тащат.
Взяты в руки,
натянуты луки.
Трусы торопятся
за перевал,
падают, гробятся...
Катится вал!
Пеший и конный —
страху покорны.
Кустов островки
избрали стрелки.
Страхом объятые,
гонят коней,
и благим матом
вопят они: «Бей!»
Сколько Аваз порубил среди них,
что за батыры повергнуты ниц!
Только что мчались, до жизни охочи,
но изломали их смертные корчи.
Мчит бол Аваз посреди, одинокий,
пьян от удачи, далек от тревоги.
С вражьей толпою смешался, сечет,

и не берет многолюдства в расчет.
Машет несчетно и рубит мечом,
думает — всё ему тут нипочем.
Истинный муж, уроженец Хунхара,
он всё пьяней от лихого угара.
Сколько, которых и пули не брали,
наземь поверг он на поле брани!
Путь его яростный неуследим:
с войском огромным бьется один.
Трава Дагестана от бойни жиреет:
рубит врага он, себя не жалеет.
Бьется жестоко
на поле брани,
сыплет потоком
яростной брани.
Войско несчетное в страхе бежит,
все в суматохе и ужасе крайнем.
Доблесть батыра являет йигит,
цветом отмеченный юности ранней.
Рвется вперед он, как бешеный призрак,
это бесстрашия львиного признак.
Он не уронит чести туркмена.
Горы — опорой служат отменной.
Сколько могучих гонит один,
всем воздает им полною мерой!
Может ли войско один одолеть —
самый отчаянный, сильный и смелый...
Стало темно — и опять посветлело.
Страху надежда явилась на смену:
войско увидело, кто перед ним —
попросту мальчик, отчаянно-смелый!..
Попросту мальчик с телом литым —
всюду маячит, мчится, летит,
бьется среди многолюдного поля..
Взрослый такого не выдержит боя!
Но у героя
подыметса дух,
коль среди боя
бьется за двух!
У труса ж от страха мокнут глаза,
мокнет рубаха, дрожат телеса —
в седле натрясутся

за час, как за сутки!
А смерть в свои сети
ловит бойцов:
в отчаянной сече
не счесть мертвецов!
Кровавая каша
из кизилбашей —
кто сосчитает в ней
раненых, павших?
Хоть и удалым
трус — не чета,
в ряд под ударом
легли без числа!
Паром кровавым воздух заполнен:
солнце увидели чуть ли не в полдень...
Пусть бой идет своим чередом,
а вы послушайте пока о том,
как на вершине дела пошли
у Хасанхана и Хан-Далли.
У Хасанхана
зарубцевалась рана.
Он уже и на боль не сетует,
встает понемногу, с Далли беседует.
Вдруг они слышат: пушки палят,
стреляют раз за разом подряд,
карнаи гудят,
сурнаи пищат.
Скачут, вопят боевые ватаги:
«Ур-хе, бейте, хватайте!»
Хасанхан говорит Далли:
«Слышишь, милая, что там в долине?
Стрельба, борьба,
аж пот со лба!
Карнаи, сурнаи —
все трубы согнали!
Что там такое готовится,
чего они так беспокоятся?
Ну-ка, милая, взгляни-ка с камня,
чего это они так заскакали?»
Смотрит Далли
вниз со скалы,
видит: кто-то, совсем мальчик,

посреди шахского войска скачет.
У него под седлом безгривый гнедой,
а сам-то крепок — весь как литой,
гонит врагов, хоть и молодой,
сабля в руке — только б косить ему,
пика в руке с двумя косичками.
Мчится он по камням и кручам
со своим боевым кличем —
откликаются неустанно
горы гордого Дагестана.
Он закричит: «О Хасан!» —
ущелье гремит: «О Хасан!»
Тут без труда Далли угадала,
кого внизу она увидала —
поняла: это один из тех,
кого послал за Хасаном отец,
и этот батыр непобедимый
разыскивает ее господина.
Рассиялась она,
радости полна,
заливается, как соловей в саду зеленом,
к Хасану пришла с поклоном,
веселится,
прихорашивается, как райская птица,
губы изогнула, распрямила стан —
и своему господину говорит так:
«Ты вздыхаешь, сердце облегчаешь,
сорок славных братьев вспоминаешь
и родных своих у очага —
мол, в горах с тобой Далли одна лишь...
Но, о бек мой, радость нам маячит —
там, в долине, объявился мальчик:
юн годами, телом — так могуч,
из металла отлит, не иначе!
Он летит, стремительный, как сокол,
жемчуг в косах и на лбу высоком,
кличет брата и в тоске по нем
гонит, бьет и наземь валит сотни!
Конь гнедой, безгривый, а на пике
две косы. Сияние на лице...
Шапка с мехом, бархатный халат...
Кто тебе воитель тот великий?

С виду лет четырнадцать, тринадцать.
Он прекрасен, трудно не признаться!..
Лик — луна, а грозен, как гроза!
Кто тебе он, тот воитель знатный?
«Брат!» — кричит, и твое имя тут же,
молнией блестит во вражьей туче.
К вечеру покончит он с врагом!
Кто ж тебе он, тот дракон могучий?
Стонет, твое имя называет,
а врагов-то рубит, не зевает.
Птицею под ним несется конь.
Кто ж тебе он, что к тебе взывает?
Молод так! Он очень, очень молод,
но враги бегут, спасенья молят.
Кто же тот красавец молодой,
с кем сравниться гурии не могут?..
По тебе тоскует он не даром.
На врагов кидается удавом.
Всех — один заставит горевать
этот воин мощный и удалый!
Мальчик, мчит он яростным драконом,
словно смерч, сметает всё кругом он.
А видать, скакал издалека!..
Устали не знает этот конник...
Он один приехал иль с дружиной?
Стонет он в тоске неудержимой...
В одиночку бьется он пока,
мощью наделен несокрушимой.
Чую я: тебя он очень любит,
мальчик тот, пред кем бессильны люди.
Сам аллах его сюда послал —
нас избавить от напасти лютой!
Он летит быстрее молвы народной.
Он — из благородных благородный.
Лучший из красавцев на земле
из беды нас вызволит огромной.
Он среди йигитов смелых — сокол.
И тулпар его — из мощи соткан.
Молод он, но для врагов — удав,
войско повергающий с наскока.
А красив — как десять гурий разом!
Видевшие — потеряли разум.

Кто же, кто ж он — вызволить тебя
посланный создателя приказом?
В мире нет молитвы без ответа.
Славь аллаха, чей ответ так меток!
Горе прочь! Спасение пришло...
Кто же он, защитник славный этот?
Радуйся, мой бек! Я тоже рада.
Наши радость и спасенье — рядом.
Мальчик тот приехал за тобой...
Кто же он, кому твой вид — отрада?..»
А Хасан ей сказал:
«Милая Далли, не печалься, красавица,
теперь наши дела поправятся —
это аллах нас услышал:
приехал мой молочный брат Авазхан.
Ведь тот, что внизу на врагов охотится —
младшим братом мне приходится!
Этот йигит тринадцати лет —
твой муж Аваз, молодой лев!
Соскучился по мне, отцу ли в угоду —
а скорее выехал на охоту,
да и занес его тулпар —
а то бы он сюда не попал.
Если он один приехал — значит,
так всё и было, а не иначе.
Мне бы навстречу ему поспеть!..
Слушай, Далли, надень-ка доспех,
на коня садись,
вниз спустись,
там коня останови — да
так, чтоб всё тебе было видно.
Гиркук только на поле выйдет,
коня его увидит —
сразу заржет,
страсти разожжет.
И его скакун, слышав Гиркука,
заржет в ответ,
призывая друга, —
из любой сечи
устремится ему навстречу.
И Аваз, как узнает коня,
сразу смекнет, что ты от меня,

за тобой без спора
поедет в горы.
Так что, зря минут не растрчивая,
поспеши-ка вниз, приведи мальчика!
А то, не ровен час,
еще под меч попадет Аваз...»
Такой он ей отдавал приказ:
«Был я одиноким — стал скитальцем нищим,
и лежу теперь я, дней накрытый днищем.
Милая, скорей Гирата оседлай:
Авазхан приехал, и меня он ищет!
Как по площадям я гарцевал когда-то!
Но бессильно тело. Жажду видеть брата.
Милая, скорей зови его ко мне:
Авазхан приехал, помощь и отрада!
Сетованья эти, Хан-Далли, послушай,
Чести и победе Авазхан послужит.
Сядь же на коня ты, покажись ему:
привезешь мне брата — и спасешь мне душу!
Баловнем растили, удержу не знал он,
а подрос братишка — стал могучим наром.
Милая, скорей вези его ко мне:
эй, Далли, то муж твой, или не узнала?
Как цветок раскрытый, бол Аваз прекрасен,
пеньем соловьиным, дивной речью красен.
Милая, скорей вези его ко мне.
Брат мой — господин твой! Подоспел как раз он...
Привези мне брата,
Наглядеться надо.
Буду жив — до смерти будет сердце радо.
Милая, скорей вези его ко мне:
расспрошу о доме, о пути обратном!
Оседлай коня и поспеши навстречу.
Как тебя увидит — он закончит сечу!
Перед вражьим войском он, как я, один:
как бы не случилось раны иль увечья!
Чуть его увидишь, позабудешь беды.
Проживешь счастливой годы в Чамбильбеле.
Поспеши к нему, пусть будет не один!
Поддержать Аваза впору не тебе ли?
Плакал одинокий, мужество утратил —
слезы мои принял, увидал создатель.

Я рыдал — мол, прах мой предан всем ветрам! -
и привел мне брата высших благ податель!
Был в горах я ранен,
спасся с поля брани —
ты была со мною в час нужды бескрайней.
А теперь и брата ниспослал аллах...
Поспеш к Авазу, нашей дружбы ради!
Чуть тебя увидит — он признает друга.
Всё поймет, услышав ржание Гиркука.
Милая, ты только покажись ему —
он поедет следом, вот тебе порука!
Он коня признает тут же, в миг единый,
и помчится следом Авазхан мой дивный.
О Далли, скорей Аваза привези —
ведь твоим он станет мужем, господином!
Боль и радость сразу слиты в слове вещем.
Повези Авазу обо мне ты вести.
Милая, скорей Аваза привези!
Даллиджан с Гиратом, поспешайте вместе!
Был скитальцем бедным, радости не чаял,
а теперь — спасибо!— прочь ушли печали.
Привези батыра, милая, ко мне —
как давно друг друга с ним мы не встречали!
Бол Аваз печален, он грустит покуда.
Только не стряслось бы никакого худа!
Привези батыра поскорей ко мне —
победит разлуку нашей встречи чудо.
Был один в пути я — и беду изведаль.
А теперь — спасибо! — час кончатся бедам!
Вот он, видишь? — рядом мой молочный брат!
Покажись Авазу — он помчится следом.
Одинокий путь меня скитальцем сделал.
Сил былых лишилось и обмякло тело.
Ну, не унывай же — и скачи к нему!
Клич Аваз услышал — вот и прилетел он...»
Вот теперь Далли оседлала Гиркука,
подтянула подпругу,
едет за Авазханом, размышляет,
но мощь Авазхана ей мешает,
приводит в смущенье,
она себе говорит в смятенье:
«Эй, Далли, что с тобою,

что на тебя напало такое,
что это за стыд,
что за бес тебе мстит?
Чего стесняться, чего дичиться —
он-то еще совсем мальчишка!
Мужем не станет — так вместо брата...»
Хлестнула она Гирата,
а тот зубы скалит,
гарцует, скачет,
фыркает, мчится — скал не касается,
вниз уносит свою всадницу.
Услышал Гиркук конский топот,
глаз скосил и цель находит,
уши наострил, затанцевал иноходец,
встал, горд,
под гребнями гор.
А внизу конники от удара Аваза
то вправо все откачнутся разом,
то влево
летят слепо.
Скрытый смысл имеет каждый спор.
Кони ржут в долине среди гор.
Хан-Далли на скачущем Гиркуке
поднялась на каменный бугор.
О аллах, перед тобой мы — воск.
Конь Далли на край скалы привез.
И она, в долину глядя сверху,
Авазхана видит среди войск.
И Гиркук Аваза увидал,
и заржал, и гриву разметал.
Чуть Гиркука ржанье разнеслось —
дрогнул камень, небо сотряслось.
И с врагом сражавшийся Аваз
глянул — и признал Гиркука враз.
Посмотрите, что за танец начал,
головной убор переиначил,
словно собирается на той...
И под ним, как гром, заржал гнедой.
И Гиркук сияет, как цветок,
весь дрожит и ловит воздух ртом,
а услышав ржание гнедого,
ржаньем огласил и высь и доли!

Кони озадачили Далли,
чуют друга, даром что вдали.
Как тут быть? И Авазхан в смущенье...
О аллах, решеньем одари!
Девушка застыла, смущена,
Авазхан недвижим, как она,
так они стояли б и доньне,
но раздался новый гром в долине —
сорок львов по следу подошли...
Их признав, помчалась вверх Далли!
Гиркука Аваз-то узнал сразу,
а вот седок незнаком Авазу.
«О боже,— говорит,— Гиркук под врагом!
Кто бы подумать мог о таком!
Ведь, бывало, под чужим и шагу не ступит,
кроме хозяина никому не уступит!
Где ж его злость?
Что же стряслось?»
Пока думал Аваз, не находя ответа,
сорок йигитов подъехали следом —
подскакали гурьбой, все в пыли.
Увидала их Хан-Далли,
посмотрела на лица, на коней, на одежду —
одежда, как у Аваза, и кони те же —
поняла, кто это, помчалась назад:
пускай же порадует Хасан.
К вершине она подкатывает,
радуется, рассказывает:
— Стонет, словно раненый,
мощный человек,
полыхает пламенем
синим из-под век,
черный весь от горя,
как ива от огня,
и седого гонит
могучего коня —
кто же этот плачущий, кто это, скажи?
— То моя надежда,
отец мой — Гороглы,
упаду — поддержит,
извлечет из мглы.
Славный бек явмута,

грозный падишах
в нужную минуту
с войском подошел!
Тысяча спасибо, о защитник мой!
— Тело словно выточили
разом из ствола,
пика с двумя кисточками
на руку легла,
конь под ним саврасый,
тяжек и суров,
глянет сам — и сразу
распугнет врагов!
С бородой седою, это кто такой?
— Славен речью мудрой,
силою руки,
старшина явмута
и краса таки,
в золоте наряда,
в яром блеске лат —
государя дядя,
грозный бек Ахмад!
Дядя мой за мною прибыл, о Далли!
— С венценосцем рядом
молодой йигит,
что красой наряда
и отца затмит,
разом тысяч сорок
поразит удар,
пламенные взоры,
яростный тулпар...
На коне буланом это кто такой?
— Это удивительный,
Далли, человек...
Те, что его видели,
не забудут век.
Он скакал по году
и не отдыхал —
славный полководец,
брат мой Халдархан!
Да, за мной приехал брат мой
Халдархан!
Так Хан-Далли расспросила про всех,

рядом с Хасаном на камень припев:
кто, мол, на сером?
А тот, непоседа,—
лицом ко мне
на туркменском коне?..
«Асад... Шадман...» —
отвечает Хасан.
Теперь ей известен каждый йигит.
Но пусть пока с Хасаном сидит.
А сорок йигитов, скача неустанно,
прибыли в горы Дагестана.
Смотрят, в долине войска не счесть.
Аваз отстаивает богатырскую честь:
враги перед ним в небывалом числе,
а он не глядит — наступает, как лев.
Радуются беки, гордятся Авазом,
а сами слезают наземь,
подтягивают подпруги,
надевают кольчуги,
сабли на боку, пики — в руки,
шутят меж собою,
готовятся к бою.
А один, до похвал падкий,
чует: душа у него ушла в пятки.
Ясно и так:
зовут его Тулак.
Он на покое в героях ходил —
вот и назывался Тулак-батыр.
Пока не доходило до поля брани,
беки его охотно с собой брали.
С ним, говорят, не скучно, он посмешит,
всегда что-нибудь рассказать поспешит.
До сих пор на диво
всё хорошо сходило.
А теперь Тулак и сам не поймет:
с чего это он от страху ни жив, ни мертв.
Увидел слишком большую рать —
не смог и для виду силы собрать,
потерял разум, тужится, как заяц,
из рук на землю выпала пика.
Глаза на лоб полезли,
трясет его от старой болезни:

бледнеет от испуга, краснеет от испуга —
у него, как у коня, ослабла подпруга!

И вдруг он как заорет:

«Вайдот!»

А каким он глядел героем, когда
его, бывало, слушала михманхана!

Дома, перед очагом,
не знал он равных в бою с врагом!

Там теряться бы не стал он
и перед самым Рустамом!

А на деле этот батыр
в поле остороженько выходил.

Это теперь он не мог из-за гор
увидеть заранее, сколько врагов.

Иначе ввек бы не допустил риска,
умер бы — но не подъехал близко!

Глядит Тулак перед собой —
сорок йигитов готовы в бой.

Он им только и сказал в поту:

«Идите, братцы... я... потом пойду...»

На что мне бой, на что мне рать
и воинские станы?

Не стану больше воевать,
коня кормить не стану.

Саврасый был в дорогу дан,
но так в пути оголодал,
что сил идти не стало.

Осталась мать,

остался зять,

сестра в дому осталась,
в платочке беленьком жена,

что столько лет со мной жила,
сынок, подросший малость!

Не стану воином опять,
ваш конский корм не стану брать!

Батыр Тулак ведь не дурак,
чтобы задаром умирать.

Купил я двух больших гусей —
и двух игривых голубей

купил я на базаре.

Остался у меня петух...

А самого — скакать за двух

зачем-то обязали!
Не стану воином опять,
ваш конский корм не стану брать...
Сидел молясь бы, божий раб,
тачал бы строчки, как Машраб,
два дела разом делать рад!..
Не стану воином опять,
ваш конский корм не стану жрать!
Мне добрый голос дал аллах,
я стал бы петь газели,
как пес охотничий, в делах
заботы сплел с весельем.
Не стану больше воевать,
ваш конский корм не стану жрать!
Осталась в сундуке тетрадь,
где много добрых строчек,
голубка, что со мной играть
хоть целый день охоча.
Не стану воином опять,
ваш конский корм не буду брать.
Чапан остался в сундуке,
осталась шапка на крючке,
кричащая без толка
лихая перепелка.
Не стану больше воевать,
ваш конский корм не стану жрать!..
Висит на вешалке чалма,
едва-едва из лавки.
Одна белая, одна черная —
без верха две подкладки.
Есть дюжина учеников —
отчаянных мальчишек,
способных без обиняков
чужой прибрать излишек...
Не буду воином опять,
ваш конский корм не буду брать!..
Я дома сладко жил весьма:
вставал всегда до солнца —
меня будили ото сна
веселых два гусенка.
Я не хочу ходить в поход —
я жить хочу под крышей,

ждать, когда дочка распахнет
свои глазенки-вишни.
В дружину не вернусь опять,
ваш конский корм не стану жрать!
Я дома жил не хуже всех,
имел в доме достаток.
Озимый бросил я посев,
козу и двух козляток.
Не буду больше воевать,
ваш конский корм не буду брать!
Не убрана моя постель
и три снопа на поле.
Загон овечий опустел,
и кот ушел на волю.
В дружину не пойду опять,
ваш конский корм не стану брать!
Скачи, коль дома — ни черта,
излишек есть силенок.
У нас же дома — кочерга
и рыженький теленок.
Не стану воином опять,
ваш конский корм не стану брать!
Не буду слушать я пальбу,
домой тихонечко пойду,
где ждут моей поверки
и пес с отметиной на лбу,
и риса две-три мерки,
и годовалый мой бычок,
на солнце греющий бочок,
мой нищий пьяненький дружок,
мякины маленький мешок,
и груз соломы для осла,
травинки в поле без числа,
и ямы и пригорки,
слова и поговорки.
В дружину не вернусь опять,
ваш конский корм не стану брать!..
С воротами остался двор,
остался в поле клевер,
и дверь, с дырой с недавних пор,
что я кой-как заклеил.
Одежка пестрая моя,

и две-три пачки чаю.
А дочка вострая моя —
как я по ней скучаю!
Для острых глаз, для крепких рук
остался кизилковый лук.
Не стану воином опять,
ваш конский корм не стану брать!
Всё перечислим до конца:
остался тар двухструнный,
любовь жены, тоска отца
да лик дочурки лунный.
Приду, бывало, как султан:
за рукава стяну чапан,
потом пройду по саду
и под навесом сяду!
Не буду больше воевать,
ваш конский корм не стану жрать.
Зачем я дурака сваял?
Остался у меня свояк,
добра в дому немало,
щепа для самовара.
Хоть нет особенных палат,
но бродит парочка цыплят,
и верно службу служат
двенадцать штук несущек.
В дружину не вернусь опять,
ваш конский корм не стану брать.
Чем свой в горах
оставить прах,
без толку пасть в бою,
вернусь-ка я
в свои края —
жену согреть мою!
Не стану больше воевать,
ваш конский корм не буду жрать.
Батыр Тулак — он не дурак,
чтоб умирать за просто так!
Теперь наш батыр Тулак оглох — и
совсем-совсем ему стало плохо.
Челюсти дрожат,
зубы стучат.
Не поймешь, что с ним и будет сейчас —

не то помрет,
не то заорет...

Когда йигиты шли в наступление,
Гороглы Халдархана ставил последним —
следить, чтоб, попав во вражий стан,
никто не отбился и не отстал.

Смотрит Халдархан — кого-то трясет:
стоит Тулак, чушь со страху несет.
Рассердился Халдархан — с саблей наголо он
к нашему храбрецу подъехал галопом.

«Эй,— говорит,— что это ты, Тулак,
не вовремя разболтался так?»

И дальше он ему говорит:

«Ты что это, в сраженье — хныкать вышел?

А ну, уймись, пока я дух не вышиб!

Прибью тебя, проклятого шута,
твоим гусям одни останки вышлю!

А если ты в войне не знаешь толка,
поддам разок — и всё постигнешь тонко.

Прибью тебя, Тулака-дурака,
твоим гусям оставлю остов только.

Что толку в бой могучим мчаться бекам,
коль трусы нас своим позорят бегом?

Я, вождь явмут, убить тебя могу —

И всем твоим конец настанет бедам!

Кричишь — тебе, мол, умирать не к спеху?

Я дам разок — и всё, и песня спета.

Поторопись, пора твоя пришла —
кто посмелей, тому оставь доспехи!

Что это на тебя за ветер дунул,
что ты гусят своих хвалить задумал?

Съедем их на поминках по тебе —
бедняга, мол, терзается в аду, мол!

Ко всем чертям порву твои тетрадки,
из-за которых ты играешь в прятки...

Продам твоих игривых голубей,
чтобы тебя похоронить в порядке!

Тебя я прохлаждаться не оставлю,
в высоком долге воинском наставлю!

А ну, уймись, не то над головой
мою и впрямь сейчас увидишь саблю!»

Услышал Тулак Халдарханову речь,

думает: «Всё! Хоть в землю лечь.
Аллах вылавливает поодиночке;
сочтены мои дни, кончились денечки!
И куда я метил, зачем шел?
К своей смерти — сам пришел!
Куда теперь деться?
Не отвертеться!»
А сам глядит, притворяется —
криво так улыбается:
«О мой бек,
да не знать вам бед!
Это я так друзей испытывал,
просто посмеяться хотел над йигитами.
Вам-то храбрость моя известна,
рядом с Гороглы-беком мое место,
меня сравнивали не даром
с Халдарханом и Ахмадом Сардаром!
Бек, я шутил!.. Я могуч и отважен,
в битвах не раз я оружие уважил.
Я постою за таки и явмут —
храбрость моя превосходит и вашу!
Время ли думать о собственной пользе?
Я среди прочих герой наибольший!
В шутку я всё это тут говорил...
Ты, Халдархан, за Тулака не бойся.
Надо — пойду на врага в одиночку,
гвалт подниму — и победу упрочу.
Ты за Тулака не бойся, о бек!
Сам я помчусь — поведу с собой прочих.
Столько дорог мы проехали дружно!
Конь мой при мне и на месте оружие.
В бой понесется Тулак-богатырь,
ты же гляди, как врага я порушу...
Сечу начну — последи ты с отрога
и, о Халдар, оцени меня строго.
Глядя, как с гиканьем рушу врага —
должность свою мне уступишь, ей-богу!..»
Халдархан говорит: «О батыр Тулак,
мы с тобой порешим так.
Видишь, вон там, напротив как раз,
в одиночку бьется Аваз?
Дружина тут постоит, поглядит,

а ты, как самый храбрый йигит,
поскачешь один на ту сторону,-
бой разделишь с Авазом поровну.
А мы наградим твой порыв непритворный —
будешь отныне конюх придворный!»
Отвечает Тулак: «Нет, нет, мой бек,
я дружину не бросал вовек!
Буду на своем месте
сражаться со всеми вместе...»
Тут приказал Гороглы наступать.
Помчались батыры на вражью рать.
Рвутся, рады.
А для Тулака всё это — хуже ада.
Гикает дружина, сгрудилась тесно,
кони задних напирают на тех, что
вырвались вперед.
И у Тулака конь не отстаёт.
Тулак потихоньку поводья натянул,
но конь в ответ и глазом не моргнул.
А кто-то из йигитов, что рядом скачет:
«Эй,— говорит,— Тулак, это что значит?
Чего останавливаешь коня?»
— «Да вот, мол, стремя разболталось у меня,
поправить хочу...» —
«Эй, быстреей!..» — поднял камчу,
и — раз его! —
хлестнул саврасого.
А саврасый словно того и ждет —
вырвался вперед,
вынес Тулака, разинул пасть,
в самую драку норовит попасть.
Храбрый Тулак
растерялся, бедняк,
обмяк, ослаб ли —
выронил саблю,
двумя руками за луку седла
держится, не смотрит ни туда, ни сюда,
не знает со страху — молиться кому,
слезы льет, говорит коню:
«Впереди одни враги.
Эй, саврасый, не беги!
Словно мерин,

будь умерен!
Или встал не с той ноги?
Тьфу, проклятый! Что за бег?
Я, небось, от страха бел...
Если всадник
лоб рассадит —
не уйдешь и ты от бед!
Я, Тулак, могу упасть!
Ну, чего разинул пасть?
К смерти мчится, словно птица...
Прочь пора нам уноситься,
эй, крылатая напасть!
Искр сноп из-под копыт.
Впереди-то бой кипит.
Тпру, проклятый!
Ну, куда ты?
Что летишь, как бесноватый,
сохраняя ярый вид?
Я хозяин, мне — расплата:
ты в плену, а я убит.
Тпру, скотина! Уже шаг!
Пропадет с тобой Тулак.
Что за толк тебе великий,
коль меня возьмут на пики?
Ну, чего ты мчишься так
прямо в бой, где кровь и крики?
Тпру, ишак! Короче шаг!
Иль тебе приятен труд
на себе везти мой труп?
Кто-то дернет за уздечку...
Не накормят доброй сечкой,
мокрый круп
не оботрут.
Как тебя я холил тут,
вспомнишь ты еще, конечно...
Тпру, проклятый! Ну же, тпру...»
Просит саврасого, молит Тулак —
конь не останавливается никак.
У Тулака от страха ум за разум заходит —
забыл, что надо держать поводья!
Не может в испуге
от луки оторвать руки.

А если уж сам обезумел сполна,
как тут остановишь скакуна?
Вдруг перед носом у Тулака
промелькнул край оврага.
«Эх,— думает,— чем ждать кизилбашской
сабли,
лучше с жизнью покончим сами!
Вниз на коне —
и сразу конец!»
Наклонился Тулак
и с коня — бряк!
Прямо в овраг.
Угодил четко —
в самую середку.
Упал мягко — ничуть не пострадал.
Встал тихо, смотрит по сторонам,
видит — нора с широким лазом.
Он себе говорит сразу:
«Это, видать, нора старая,
зверье давно ее оставило.
К черту битву! О чем речь?
Лучше в этой норе умереть».
Лег на живот,
в нору ползет мордой вперед —
не то лиса, не то собака.
Вот уже и не видно Тулака!
Говорит себе: «Молодец, Тулак!
А ты, ей-богу, не дурак.
Вот Гороглы-бек с дружиной —
те и вправду ума решились.
Чтобы из-за одного Хасана
все сорок полегли сами!
Теперь-то уж с ними точно покончено —
лежат, небось, порублены, скорчены.
Один на тот свет не угодил —
это мудрый Тулак-батыр!
Нет, Тулак торопиться не хочет!
Он подождет до ночи,
полежит дотемна,
выйдет, поймает скакуна —
их тут будет много! —
и к утру будет далеко...

Глядишь, тут
и Таки-Явмут.
Изо всех сорока, из трудной дороги,
лишь Тулак и вернется живой-здоровый».
Пусть Тулак
рассуждает так,
лежит под кручей
в норе вонючей.
А мы продолжим наши речи
о сорока батырах, готовых к сече.
Гороглы сразу понял, что эту рать
против Хасанхана пришлось собрать.
Чуя, что Хасанхан здесь, живой,
Гороглы, как лев, рвется в бой,
как тигр перед прыжком,
как барс перед броском,
как медведь перед врагом —
вперед, вперед
йигитов зовет:
«Каждый день едим на дармовщину,
а как в бой — иди ищи мужчину!
Кто уселся в седла Гороглы —
к отступленью не ищи причину!
Вы себя моей одеждой грели,
нетерпеньем яростным горели,
так теперь просите Гороглы,
пусть врага покажет вам скорее!
Мчались вы по высям и низинам,
эй, батыры, всюду вас носило!
Ну же, беспощадные мои,—
неужели гнать вас в бой насильно?
Не страшны тулпару расстоянья,
добрый конь слабеет от стоянья.
Бой — подарок людям Гороглы,
лучшее для духа состоянье!
Нелегко коням на плоскогорье.
Враг есть враг — такой ли он, другой ли.
Гороглы батырам — всё равно:
бой начнут — любым врагам на горе!
Вождь — чинар,
а воины — как сучья.
Каждый воин — нар,

мой груз несущий.
Все вперед, на подлого врага!
Хуже бабы воин, вспять бегущий!
Храбрым — честь не станет тяжким грузом.
Смелый слово не доверит трусам.
Отступивший — хуже жалких баб.
В бой! Пусть каждый тысячу порушит!
Вниз и вверх, на скалы и на камни!
Бейте всех тяжелыми клинками.
Не жалеете жизни — и врагов,
добивайте их без содроганья.
Пусть пощады просят — не жалеете:
ранили Хасана звери эти!
Не жалеете жизни — и врага!
Если только совесть дорога,
лишь вперед коней гоните плетью.
До конца не отступайте, беки,
до конца рубите их и бейте.
Справа вы — я с левой стороны,
вместе мы к одной придем победе.
Кизилбаши,
саваны примерьте!
Срок для нашей
наступает мести.
Не жалея жизни — и врага,
смело, беки, нападайте вместе!
Каждый тысячу погубит,
кровь, как воду, будем пить,
каждый пусть себе прорубит
через вражье войско путь.
Все вперед! Гоните взашей
распроклятых кизилбашей!
Наступайте на врага!
Кровью вражеского стада
смочит скалы Дагестана
славных воинов рука.
Сорок витязей отважных,
не жалеете жизней ваших
и тупите без пощады
вашу сталь на кизилбашах.
Крепок меч в могучих дланях —
вышибайте ж из седла их!

Длите яростную сечу,
справа, слева налетая!
Наступайте на врага,
не ведите счета ранам!
Им еще за Хасанхана
не заплачено пока.
Наша сбруя вся из плюша,
и у вас ничуть не плоше.
Сладко с девушкой в саду,
но, коль силы не ослабли,
выше пики, выше сабли,
вражьей славе на беду!
На врага летите люто,
изо всех стремитесь сил,
как стрела летит из лука
или грозный Азраил.
Счета нет смертям и ранам —
наступайте на врага!
Кизилбашам за Хасана
не отплачено пока...
Голубую неба кровлю,
камни гор — окрасьте кровью
с беспощадного клинка:
раскройте так врага,
чтоб кровавого раскроя
след остался — на века!
И враги, и вражьи клячи —
добрый воронам обед.
Пусть по тыще — не иначе! —
их порубит каждый бек.
Убивайте их, покуда
выше гор не станет груды.
Наступайте на врага!
Лейте кровь и лбы рубите
за Хасана-смельчака!
Соколы, не будьте ровней
воровской орде вороньей,
мчитесь молнией на них,
отбивайте друг от друга —
пусть растет убитых груды
выше этих гор самих.
Лейте кровь и лбы рубите,

наступайте на врага,
без пощады отомстите
за Хасана-смельчака!
Наступайте, мчитесь, войте,
загоните их вконец,
словно яростные волки
в стаде загнанных овец!
Кто отвагою украшен,
кровь такому — как вино.
Сколько силы в войске вражьем —
для батыра всё равно.
Познаются в битве беки,
и тулпара зря не бейте —
кони истинных пород
сами ринутся вперед.
Беки, жизни не жалейте,
кровь врага несчетно лейте,
оправдайте, о орлы,
хлеб и соль Гороглы.
Наступайте на врага,
смело головы рубите,
славно, беки, отомстите
за Хасана-смельчака!
Бейте тех, кто крепче прочих,
нам пора с врагом покончить,
из берданок эту рать
перебить, перестрелять.
Ужас трусом верховодит,
а коню закон — поводья.
Сабель стая,
стук подков.
Настигая,
бей врагов!
Трус — как труп перед удалым.
Наземь их одним ударом!
Тех, кто вами с седел сбит,
лихо сбрасывайте с пик.
Нападайте, сорок смелых,
миг используйте такой,
и ведите бой умело
с обезумевшей толпой.
Порезвитесь в этом войске,

как в овечьем стаде волки,
на сильнейших из орды
налетайте, как орлы.
Урожай обильным будет,
будет слава вам и честь,
и врагов погибших груды
не сумеем перечесть.
Орошайте неустанно
кровью — камни Дагестана!
Эй, батыры Гороглы,
молодцы таки-явмута,
покажите, что могли
вы в горячую минуту.
Пусть крылатые тулпары
вздрагивают от камчи,
под напором вашим ярим
побросает враг мечи.
Пусть над павшими своими
Эрзерум ревмя ревет,
и запомнит ваше имя
кизилбашский народ.
Знамя вражеского стана
опрокидывайте вновь
и на камни Дагестана
неустанно лейте кровь!
Холостых кроша парней,
забирайте их коней,
режьте головы батырам,
но не тем, кто кажет тыл вам:
меч оставит беглеца
с головой — но без лица!
Пусть же кровь из вражьих ран
заливает Дагестан!»
А сорок йигитов, оставив поводья,
стремительно к вражьему войску подходят,
летят на конях, впереди — Гороглы,
и в скачке могучей всю мощь свою кажут,
тела их — как будто из каменных глыб,
и вот уже кровь они пролили вражью,
и вот уже вражьи ряды полегли!
И с яростным кличем несутся все сорок,
и разом врываются в гущу врага,

и поле сраженья —
в кровавых узорах,
гора в окруженье
лихих сорока.

«Тяни его! Бей его!..» Люди и кони
сражаются с ревом и воем драконьим,
в немыслимой свалке, начавшейся тут,
не глядя, великую сечу ведут.
Какие батыры здесь в единоборстве!
И те, кому землю обнять суждено,
горячую пролили кровь, как вино...
Но блещет всё так же могучая горстка
алмазною сталью клинков своих острых —
«кел-хе!» — вызывают, мол, кто посмелей —
идите, на бой вызываем отважных,
немало из седел мы выбили ваших,
упавших на смерть, под копыта коней!..
И бьются, и скачут отчаянно сорок,
и кони лихие — в кровавых узорах:
на свете не видели сечи страшней.
Так сорок бойцов во главе с Гороглы
себе подходящее поле нашли
и рубят подряд рядовых и батыров,
чтоб жажду отмщенья свою утолить,
преграду с дороги скорей удалить,
Хасана свободой скорей одарить,
его из когтей окружения вырвав!
И вражьи ряды — как трава под косой:
дружина их косит, пощады не зная,
свалила и топчет проклятое знамя,
кричит Гороглы, неумеен и зол.
Нещадная сеча всё длится и длится,
и кровь устаёт уже литься и литься,
устали батыры, и трусы бегут,
и трупами поле усеяно тут,
живых помертвели усталые лица.
Но в поле не кончился счет поединкам,
хотя у бегущих слезятся глаза,
хотя сосчитать уже даже нельзя
батыров, погибших в сражении диком.
А бек Гороглы? Он обрадован той
постигшей проклятое войско бедой!

Поистине, сделано славное дело:
дружина несчетных врагов одолела!
Но бой оживет еще, здесь или там,
и беки хватают коней за уздечки,
«Чух-хе!» раздается вдали бесконечно,
и вопли и стоны летят по следам.
«Урр-хе!» — возвращается в битву боец,
и топот бегущих сливается с кличем,
и эхом отчаянный гвалт увеличен,
и битве доселе не виден конец.
И клич Гороглы разносящийся зычен —
йигитов своих подбодряет опять;
тулпар захромавший, готовый упасть,
с другими опять поравняется в беге,
как львы, на врага устремляются беки,
кругом кизилбашский стонет народ:
туркмены, мол, воины былй вовеки,
из них, дескать, тысяче равен любой —
они же с пеленок готовятся в бой...
Да, битва была небывало жестокой,
враги не сдавались, сражались враги,
но были разбиты, всему вопреки!
Досель еще трупов не видели столько
ни солнце, которое всходит с востока,
ни остро отточенный
серпик луны,
ни звездные очи
любой стороны...
А сорок, как прежде, готовые к бою,
с отставшей какою-то бьются гурьбою
и вновь завершают отчаянный бой,
врага попирая могучей стопою.
Врага тут силища собралась такая —
он бился, ряды неустанно смыкая,
камчой скакунов устающих стегая...
Не пар ли кровавый светило затмил?
Тут шла беспримерная сеча такая,
какую доселе не видывал мир.
Разрезана надвое армия вражья,
и рубят батыров дружинники в раже,
и гонят бегущих до самой горы,
что встала над шумной долиной на страже.

И кони летят у подножия высей,
как наши слова у подножия мыслей,
и, вражью стоянку пройдя до конца,
дружина к подножью желанному вышла
Весь вражеский стан пройдя на коне,
Гороглы очутился в другой стороне.
Остановил йигитов — эй, мол, друзья,
нам успокаиваться нельзя!
Обращаясь к бекам, к своим львам,
он говорит им такие слова:
«Батыры таки и явмута!
Еще для успокоенья
пока не настала минута:
наш путь — через поле сраженья.
Таки и явмута батыры!
Всё — в золоте снаряженье...
Из боя мы не выходили:
наш путь — через поле сраженья.
Явмута бойцы удалые,
пригнитесь над конскою шеей.
Последовав за Гороглы, и
вы тоже помчитесь в сраженье!
Любой вам противник не страшен,
испытано вооруженье.
Смелее на армии вражьи
спешите по полю сраженья!
Пусть яростный гром барабанный
вселенной нарушит движенье,
пусть враг покачнется, как пьяный,
и дрогнет на поле сраженья!
Пусть скачут туркменские кони
и крылья раскроют в движенье —
о беки явмута, спокойней
держитесь на поле сраженья!
Чем будут сердца бесшабашней,
бесчувственной тело к лишеньям —
тем будут верней кизилбаши
разбиты на поле сраженья!
Моя вы и мощь и опора.
Смелей, молодцы! Неужели
кому-нибудь в мире без спора
уступите поле сраженья?

Схоронят убитых нескоро.
От крови снега порыжели,
когда дагестанские горы
вы сделали полем сраженья.
Спешите на бой отовсюду,
возьмите врага в окруженье,
поверженных недругов груду
оставив на поле сраженья.
Туда, где врагов услышали,
шаги устремляйте саженьи.
Ведь в поисках Хасанхана
ваш путь — через поле сраженья.
Дрожат, как при виде Рустама,
при вашем враги приближенье.
Крошите же их неустанно,
врываясь на поле сраженья!
Пусть вражьи сердца или лица
удобной вам будут мишенью.
Чтоб вражеской крови пролиться,
спешите на поле сраженья.
Соратники Гороглы вы!
Врагам уготовьте крушенье,
как с кручи могучие глыбы,
свалившись на поле сраженья.
О сорок батыров, иль нечем
доказывать ваше служенье?
Как волки в загоне овечьем,
трудитесь на поле сраженья».
Дерутся батыры друг с другом.
Жестоко борьбы напряженье.
За правым в борении трудном
останется поле сраженья.
Клинок ослепительный вынут —
на вражье ответ поношенье.
Отважный с рычанием львиным
вступает на поле сраженья.
Мелькание сабель и палиц
и поднятой пыли круженье.
Какие батыры вступают
в сраженье на поле сраженья!
Какое, на зависть потомкам,
и воли и сил сопряженье!

И кровь неумным потоком
стекает на поле сраженья.
И скачут быстрее тулпары,
на сбруе звенят украшения.
Гремят барабанов удары,
как пушки на поле сраженья.
«Урр-ха!» И одни лишь батыры,
достойные уваженья,
вовек не казавшие тыла,
останутся в поле сраженья...
У сердца в неведомых недрах —
геройства и страха смешенье:
встречается с недругом недруг
открыто на поле сраженья!
И кони толкаются грудью,
и ярость растит притяженья
мечей в громыхающей груди,
соперников в поле сраженья.
И спереди бьются, и сзади,
а битве не видно решенья,
и сколько их рухнуло за день,
батыров на поле сраженья!
Споткнется скакун, изувечен,
и всадники в изнеможенья,
и ждут, что опустится вечер
на сечу и поле сраженья.
Напор храбрецов беспримерен,
а трусы бегут в униженья.
Надежда на тех, что сумели
не дрогнуть на поле сраженья!
И те, и другие порядки
построились на возвышенья.
И ненавистью пылают
противники в поле сраженья.
То бегство, то снова погоня —
победа или поражение.
Прносятся птицами кони
на поле и с поля сраженья.
Огромная армия в страхе,
в отчаянном положенья.
Сдаваться ли ей, удирать ли?
И вправду: чего это ради

бойцы кизилбашеской рати,
как яблоки, падают в драке,
усевши поле сраженья?..
Бои по полям и полянам,
огромное войско в брожение:
нет счета убитым и ранам,
несчастье нависло над станом,
за что же, мол, эта беда нам?..
И ревом карнаев удалым,
и стоном сурнаев усталым
заполнено поле сраженья.
Повсюду в рядах — беспорядок,
большая гора в окружение.
Живым не увидеть пощады,
погибшие могут быть рады:
страшнее загробного ада
ревущее поле сраженья!
Как скалы и горные кручи,
прибывшие парни могучи,
мужи небывалой отваги,
любой из них — лучший из лучших,
соратники Гороглы-бека —
их свел воедино не случай!
В каких столкновеньях и ссорах,
кого бы ни встретили сорок —
известно борьбы завершение:
из боя выходят с победой.
И, славой овеяны этой,
идут они в поле сраженья.
Округа заполнена ржаньем,
изогнуты конские шеи.
Кричит Гороглы, поспешая:
«Руби, мол, ряды разрушая!» —
и беки полны послушанья,
и адская печка большая
пылает на поле сраженья.
И сколько в долине бегущих,
а сколько скрылись уже и
в камнях, и в пещерах, и в кущах!
Но ярость побоища — пуще,
и смерти посол вездесущий —
повсюду на поле сраженья.

Запугано шахское войско:
их больше раз в тысячу, во сто,
но сорок — непобедимы,
и недруг для них — как из воска.
Рабынею служит победа
воителям Гороглы-бека.
Такой нескончаемой сечи
народ не запомнит от века.
Что это за страшное дело,
повсюду твердят оробело.
И льются кровавые слезы
без удержу и без предела.
Побито, порублено — вдоволь.
Все жены Эрзрума — не вдовы ль?..
Но беки идут в наступленье
и рубят всё снова и снова!
Как лев, Гороглы — и единым
ударом окованной лапы
сминает железные латы,
и сильный становится слабым
пред яростью непобедимой,
и нету с ним на поле сладу
бегущим, стоящим несладко,
и тем, что забрались повыше
и камни кидают, как ядра,
и тем, что в сражение вышли
и жаждут убраться обратно...
И бек, и его окруженье т.-
хозяева поля сраженья.
Отчаянна, неудержима
летящая в битву дружина,
и конного сбросила наземь,
и пешего сокрушила!
А ханская конница тут же
как будто окована стужей —
Рустамовой силой батыров
навек повергнута в ужас!
Кто может с той силой сравниться,
отвагою с ними сродниться?
Кто выдержит их приближенье?
Исчерканной красным страницей
ложится их поле сраженья.

На гору взойти помешала
их сила — войскам Кувад-шаха.
Кичившаяся победой,
вся рать Эрзерума бежала!
Останется память навеки,
как гнали противника беки,
как пешие трусы, спасаясь,
и конных обставили в беге!
Враги Гороглы окружают,
но кто тут кому угрожает?
И видно, чем кончится битва:
врагов Гороглы сокрушает!
Подобен он смерти с косою,
на вражьи ряды указуя.
И недругов гонят батыры,
как зимние волки косулю.
В руках у них — острые сабли,
и словно железные сами!
Коней отобрали у конных,
у пеших — и жизни их взяли!
Отряд ли дерется с отрядом?
Но сорок дружинников рядом —
о них разбивается войско,
как вал водяной о преграду.
А враг до конца не сдается,
и яростный клич полководца
означит борьбы продолженье.
Всё меньше врагов остается,
просторнее поле сраженья.
И заново в единоборстве
батыры свой меч испытают.
Задетые саблею острой
на землю со стоном слетают.
Покойники в поле огромном,
недвижные, без охраны,
становятся кормом воронам,
стервятникам или орланам.
И посвист клинка или пули
над мокрой травой или пылью
дружинников передвиженье
отметит на поле сраженья.
А Гороглы-беком в предгорьях

и ярость владеет, и горечь,
он жаждет с врагами покончить
и дня завершение ускорить.
Когда же, спокойствия ради,
настанет конец этой рати?!
Рубили, косили несчетно,
а не сосчитаешь опять их...
Без мудрого слова не сделать ни шага,
Конец не минует ни нищих, ни шаха.
Дружину в сражение привел Гороглы,
и недругов рать перед ней побежала.
Под вечер батыров усталость скосила,
и кони устали невыносимо...
Сорок батыров, до боя охочи,
сражались весь день, до самой ночи,
земля накалилась, как медная,
сеча была беспримерная.
Солнце село... И тут Гороглы,
до наступленья полной мглы,
взошел на пригорок посреде долины,
и его джигиты неодолимые
собираются к нему —
по одному,
по двое, по трое,
друг друга по имени окликают герои.
Все на месте!
Гороглы путь наметил:
там, где голо, ночевать не след —
перевалил гору,
выбрал ночлег.
Батыры к воде припали,
припасы достали —
талкан, курт с сушеным урюком,
едят, беседуют друг с другом.
А Гороглы посадил Авазхана напротив,
обо всем рассказать просит,
соскучился по сыну, аллаха благодарит...
Авазхан ему говорит:
«Отец, я приехал рано, с утра,—
я и не знал, что это за гора,
не думал, что тут такое войско.
Подъехал, смотрю — а их вон сколько!

Пешие, конные,
сидят спокойно.
Ну, думаю, неспроста
все они пришли в эти места.
Может, бежали от кого сами?
Скорее — загнали сюда Хасана,
перекрыли все пути,
не дают отсюда уйти.
Ладно, думаю, потом узнаю!
Налетел с одного краю,
начал бой,
гоню их перед собой,
они растерялись, а их беки
кричат: «Держите! Хватайте! Бейте!»
Бой идет — и день идет,
солнце выше горных высот,
и вдруг кто-то с пикой, в кольчуге,
с гор спускается на Гиркуке!
Я сперва не заметил, но тут Гиркук
увидел моего коня да как заржет вдруг!
Громче грома,
сам огромный...
Я прямо обомлел, как увидел Гирата —
думаю, сейчас повстречаю брата!
Ан нет — сидит на коне чужой,
голова прикрыта белой чалмой...
Растерялся я — и, раздумывал пока,
вы и появились издалека.
И тотчас седок Гирата
коня повернул обратно.
Но вот беда:
я увлекся боем, не заметил — куда.
Про Хасана не знаю, гадать не горазд,
а Гиркук — точно здесь в горах». —
Дружина подивилась, послушав Аваза,
но и возрадовалась сразу.
Говорят: «Не печалься, о Авазхан!
Тут Гиркук — значит, тут и Хасан.
Вот увидишь, он где-нибудь здесь.
Сам о себе и подаст весть».
А Гороглы — Авазхану: «Сынок,
ведь ты за Гиркуком поехать мог!

Надо бы тебе выйти из сраженья,
а ты неверное принял решение.
Конечно, на Гиркука сядет не каждый —
разве только хозяин прикажет.
А если Хасан ранен в грудь,
да враги ему преградили путь?..
Гиркук, как толмач: понимает враз
любое слово, любой приказ.
Приказал Хасан — и чужой без звука
смог усесться в седло Гиркука!
А может, ты видел на коне вдали
переодетую Хан-Далли?..
Помяните мое слово — поздно или рано
мы найдем тут и Гирата, и Хасанхана...»
Рассвело. А теперь дальше —
послушайте о кизилбашах.
Много потерпели кизилбаши -от Гороглы,
и теперь они без страха о нем и думать не могли.
Как только он за гору ушел с дружиной —
собрали они совет и решили:
«Стоял у наших врат
один могучий враг.
Могучий — да один.
А теперь их сорок — как победим?
Это не люди, а чистая напасть.
Надо к стопам падишаха припасть.
Пусть сам прибудет.
Захочет биться — биться будет;
захочет отступать —
его воля опять.
А нам больше незачем голову ломать».
Позвали писца, всё изложили:
сколько в боях голову сложили.
«Мы, дескать, не можем одолеть врага,
нужна всесильная шахская рука,
решите сами, а мы без шаха
больше не можем сделать ни шага».
Долго писали,
строк чуть не до ста ли,
потом Кувад-шаху послание доставили.
Он повсюду наместников шлет,
в новое войско сгоняет народ.

Всех падишах сгонять велит —
и простой люд, и духовных лиц.

Под знаменами разными —
белыми, голубыми, синими, красными —
покидают город,
переходят горы,
пополняют ряды
несчетной орды.

Гороглы надел боевые доспехи,
и сорок его йигитов успели
взять щиты, закрепить латы,
проверить подпруги, чтобы были не слабы,
едут к тем же местам:
перед ними вражий стан.

Смотрят — и не поймут ни черта:
врагов втрое больше, чем было вчера!
Как ни крути,
откуда ни гляди —
за рядами ряды,
за рядами ряды...

Думает Гороглы: «Что за чудо?
Откуда их столько, откуда?»
А тут еще с целой людской тучей,
оглушая небо, сотрясая кручи,
с бубнами, с сурнаями,
ревущими карнаями,
сам падишах
сюда подъезжал.

Гороглы йигитов к наступленью побуждает,
всю их хитрость в них пробуждает.
Спускается вниз, к вражьему стану,
словно волк к бараньему стаду, —
рычит, как лев, напрягся, как тигр,
как барс, что вот-вот добычу закогтит,
в боевом раже
врагам страшен.

А с той стороны — музыка, как гром,
сурнаи вопят, карнаи огромные.

На конях сухопарых
гарцуют парни.

Но Гороглы несокрушимый

не пересчитывает молодцов своей дружины.

Он говорит им:

«Эй, йигиты,

нас мало, а их — целая держава,
но они и меча в руках не держали!

Нам долго и ни к чему
воевать с ними по одному.

Ринемся в бой
вместе, гурьбой.

Аллах поможет, придаст сил —
будем их, как вчера, косить.

Вы только напрягитесь,
духом укрепитесь,
не думайте о том, что нас меньше:

у кого число, а у кого уменье!

Ринемся без страха на врага —
нам и откроются счастья врата,

а кому везет —

тот и бой ведет.

Ты не победишь —

победит враг,

ты не побежишь —

побежит враг.

Взялся воевать —

главное не унывать!»

Так Гороглы поднимал им дух:

пусть, как львы, они в бой идут!

А сорок йигитов ему в ответ:

«О наш бек, мы не трусим, нет!

Был бы из нас трусом кто-нибудь,

разве бы отправился в такой путь?

Будем драться

не на жизнь, а на смерть,

врагов перебьем, кто сколько сумеет,

сделаем, что сможем.

Души не пожалеем,

головы сложим.

Кончатся дни — всё равно умирать —

что дома, под крышей, что идя на рать!...»

Так сорок йигитов — все и каждый —

перед боем держались отважно.

Халдар-махрам говорит:

«Грозит ли кровавая ссора тебе —
мы, храбрые сорок, опора тебе.
Победу присудим без спора тебе.
Желаем добра и простора тебе,
пусть старость приходит нескоро к тебе!
Нас гибель одна от тебя оторвет.
Пусть алая роза не вянет, живет.
Мы честь отстояли в сраженьи — и вот
нас новое где-то сраженьи зовет,
заботу об этом вручаем тебе!
Отчизна вдали нам вдвойне дорога.
Уйдем ли живыми из края врага?
Куда бы ни вынесла жизни река —
наш взор не смежится, не дрогнет рука,
мы это, о бек, обещаем тебе.
Врагам мы вовек не покажем спины,
вовек не расскажем им, чем мы сильны,
и, вольной и смелой отчизны сыны,
не будем мы трусостью заклеены —
позором таким не отплатим тебе.
Все сорок йигитов идут за тобой
и в дальние страны, и в яростный бой,
готовы сразиться с врагом — и судьбой!
Тебе без раздумия предан любой
и душу свою посвящает тебе.
Нас мало, а наших врагов — без числа,
но честь отстоим мы, не склоним чела.
Мы завтра побьем их, как били вчера —
ведь соколам гуси, ей-ей, не чета!
Воистину, бек, мы послужим тебе.
Не надо напрасно грустить, государь —
что толку, что враг на коне восседал?
Сумеет любого мы сбросить с седла —
тебе лишь пребудем верны навсегда
и в верности нашей клянемся тебе.
Что толку, что войско чеканило шаг,
что топот копыт раздавался в ушах,
что тьму своих воинов слал Кув-ад-шах?
Он к цели пробиться нам не помешал!
И впредь мы дорогу расчистим тебе...
За нас, государь, будь спокоен вполне.
Дерутся батыры с тобой наравне.

Ты трусов не выбрал в родной стороне!
Халдар же махрам тебе верен вдвойне,
отдать свою жизнь не жалеет тебе...»
Развеселился Гороглы, просветлел душой,
отвечает им с радостью большой:
«Эй, мои батыры, дружинники мои верные,
битву ведем мы необыкновенную,
но мы еще пока
не боялись врага,
пусть их трусливое войско растет,
чего нам их принимать в расчет?
Сколько их там еще ни будет,
презрения нашего не убудет!»
Так он зычно вещает об этом,
обращаясь к своим бекам:
«О беки явмута, бойцы-молодцы,
скачите скорей, саллона-саллона.
Серебряногривы у нас жеребцы,
гоните ж коней, саллона-саллона.
Под смелым батыром могучий тулпар,
стремительный, лучший из лучших тулпар,
как шах скакунов, что по кручам ступал.
Скачи же, скачи, саллона-саллона.
Я вождь ваш, батыры, я бек Гороглы.
Вы тоже основа побед Гороглы,
в дороге тревожной вы — свет Гороглы,
клинок мой, мой меч, саллона-саллона.
Летите вы в битвы, как ярые львы,
и крови достаточно пролили вы.
Как нары над морем весенней травы,
идите вперед, саллона-саллона.
О сила явмута, о совесть таки!
В руках ваших острые блещут клинки.
Наотмашь удар! Не жалейте руки,
рубите смелей, саллона-саллона.
Какой вам отважный ни встретится враг,
пусть кровью клинок ваш отметится враз.
А если построятся недруги в ряд —
рубите подряд, саллона-саллона!
О, только бы, соколы,
цель вы нашли!
На поясе золотом блещут ножны.

Оружие молодцу, кони нужны.
Скачите скорей, саллона-саллона!
Заставьте в бою растеряться врага —
и в ад ему вы распахнете врата,
страшней ему не нанесете вреда!
Смелее вперед, саллона-саллона!
Опорою стали вы мне, Гороглы,
и недругов станы сметали с земли,
и с кличем Рустама в сражение шли —
вперед же, вперед, саллона-саллона!
Батыры и беки
и беков сыны,
без жалости бейте,
без меры сильны,
вам воля к победе
и ярость даны,
рубите врага, саллона-саллона.
Вы мощь Гороглы, вы надежда моя,
и сила в коленях, поддержка моя,
отчизна — Явмут нам, всё те же края.
Рубитесь смелей, саллона-саллона.
Летите, как львы на степные стада,
пусть кровью в ручьях заместится вода,
с землею сровняется вражья орда —
рубите ее, саллона-саллона!
На плаху Мансура, судьба, завлеку!
Томлюсь, Гороглы, я желаньем таким.
Батыры явмута, архары таки,
смелее вперед, саллона-саллона!
О рать Гороглы, скакунов подогрей!
Пускай раскрываются крылья коней,
пусть близится цель, саллона-саллона!
О тигры явмута, таки силачи,
в отчаянной гонке мелькают камчи,
отчаянны кони и остры мечи —
спешите вперед, саллона-саллона!
Пусть сеча невиданно будет сильна,
пусть кровь, как река, потечет, солонна,
о беки, пусть недруг поляже? сполна —
сгоняйте их всех, саллона-саллона!»
Гороглы-бек, внушительный,
как небосвод, неустрашимый,

ростом до звезд,
могуч, как Рустам,—
посылает дружину на вражеский стан,
на шахскую рать:
«Эгей,— кричит,— не поворачивать вспять!»
Приказ, как гром,
гремит по горам:
«Кег-хе! — он взывает и смотрит кругом.—
Вас ждет поединок с коварным врагом!»
И рыком, как лев, оглушает округу,
и свистом пронзает ее, как дракон.
В сравнении с ним даже вихрь — так тих!
Ревет Гороглы, словно раненый тигр,
как барс на скале, оскорбленный стрелой,
медведь, что случайную телку когтит.
«Эй, сорок йигитов, явмута сыны,
держитесь друг друга, единством сильны.
Врагу мы в глаза, словно солнце, ударим.
Кто с правой, кто с левой зайдет стороны?
Нельзя нам от солнца отстать ни на час.
Не время ли ярую сечу начать?
Не время ль Мансуру послать палача?..
Кег-хе! Нападайте с любой стороны!
Пусть враг нас увидит! Смелее вперед!
Батыры мои, дерзновенный народ,
врагу преподайте хороший урок —
с какой ни зайдете к нему стороны.
В атаке скакун переходит в галоп.
Растут над равниною горы голов.
Кто поддался страху — тех ждет поражение,
а храброму весь достается улов.
Смелей! Окровавьте их в первый же миг,
чтоб сразу им свет показался не мил!
Пускай распроклятые знают заране:
из тех мы, кому покоряется мир.
Лишь слабый геройством своим упоен.
В бою не один покажите прием.
Пусть трупы горой громоздятся на поле
и кровь заливается за оком.
Врагов не щадите, косите подряд,
наотмашь рубите, тупите булат.
Мы честь отстоим — значит, жизнь отстоим мы:

нельзя без победы вернуться назад.
Быстрее в сражение вводите коней —
и недругу мат мы поставим скорей.
За сына Хасана врагу отомстите —
целенье отыщется ране моей.
О беки, твердите науку побед:
«Вперед! Не сдаваться!» — вот главный обет.
Победа тому, кто врага пересилит,
кто сердце скрепит и не пустится в бег.
«Число не решает!» Присловье старо.
Нас мало, их много — но что из того?
Они воробьи, а мы — соколов стая:
стена — мы тараны пред этой стеной!
О сорок бойцов, моя мощь и душа,
хоть гибель почетна, но жизнь хороша!
Летите вперед, на творца уповая
и вражьи ряды, словно рухлядь, круша...
Пусть катятся головы в этом чаду,
подобно отрубленному кочану.
Жалеть кизилбашей совсем ни к чему,
поверьте, друзья, ни с какой стороны!
Вы разве всему научиться б могли,
когда бы учились не у Гороглы?
Сыграем со смертью! От этой игры
пусть плачут враги со своей стороны.
Я жизни своей не жалею ничуть,
и к ним не питаю я жалостных чувств.
Вперед, о батыры, как я вас учу —
рубите их, бейте с любой стороны!
Эй, сорок йигитов, урок ваш не мал,
себя вы ввести не давайте в обман —
пока не опустится на поле тьма,
рубите их, бейте с любой стороны.
Летите, йигиты, неситесь, как смерч,
и каждому недругу встречному — смерть!
Нахальства и страха отвратная смесь
врага не спасет ни с какой стороны!
Батыры явмута, всё в ваших руках.
Пусть в вас ни на миг не поселится страх,
пусть гнев вами правит — рубите в сердцах,
с какой ни подъедете вы стороны!
О воины, ждет вас торжественный час,

желанья исполнятся ваши не раз,
душа да падет моя жертвой за вас —
вперед, нападайте с любой стороны!»
Танцует под беком лихой Маджнункук,
кричит Гороглы, оглядевшись вокруг:
«Эй, сорок батыров в могучем строю!
Отсюда поскачем, где ныне стою!
Трепещет заранее жалкое войско —
урок мы дадим и юнцам и старью!
Постыдно сражаться, не видя лица!
Батыр — на батыра, юнец — на юнца.
Живей, молодцы! Завяжите сраженье —
ведь вам же его доводить до конца!
Удалый отыщет того, кто удал,
и враг отвечает врагу на удар.
Победа — сильнейшим, а трупы — долине;
и примет земля окровавленный дар!
На поле прощается с жизнью живой,
и с матерью — юный, женатый — с женой.
Кто выбрал победу — забудь про пощаду!
Нет жалости в сердце, что дышит войной...
Есть солнышко в полдень, есть месяц в ночах,
есть сабля для сечи. Руби же, начав!
Поддавшийся страху — летит под копыта!
Герой — продержавшийся дольше на час».
Гороглы-бек не считает недругов.
Ничего, кроме боя, и в мыслях нету,
смерти не боится:
«Хоть сорок лет будем биться —
лишь тот и умрет с любой стороны,
чьи у аллаха дни сочтены».
Вот только вспоминает Гороглы друга —
верного своего Гиркука.
И сосчитать-то нельзя, кажется,
все его достоинства, добрые качества.
«Будь он сейчас под седлом у меня —
сколько подмоги от этого коня!
Сам бы вынес в место любое,
был бы соратником в гуще боя,
лучше человека понял бы речь,
снял бы полгруза с моих плеч.
Ладно, хватит об иноходце.

Будем надеяться, еще найдется».
А сам покуда
хлещет камчой Маджнункука,
торопит йигитов, на все горы орет:
«В бой, молодцы! В бой, вперед!»
Враг преграждает путь Гвроглы —
с шумом вступает в бой Гороглы.
Саблю выхватывает из ножен:
«Не поворачивать, эй, орлы!»
Пламенем
сорок славных горят.
Знаменем
вражий машет отряд.
Сорок йигитов с саблями наголо
враз с сорока сторон летят.
Вот и идет битва опять.
Кто-то спешит землю обнять.
Вот Гороглы-бек беспощадный
рубит клинком ражую рать.
Топчут йигиты вражеский стан.
Кровью омыта острая сталь.
В яростный танец больше не встанет
тот, кто вчера слишком устал.
Лучше б себя тот поберег,
кто им решил встать поперек!
Надвое рубят недруга беки —
что тут сказать, крепкий народ!
Сорок батыров в лучшей поре
войско теснят, гонят к горе.
В войске кричат: «Бейте их! Бейте!»
Что за исход в смертной игре?
Поднялся враг — все, кто в живых!
Сорок — опять окружены.
Ждать от врага трудно пощады —
были б судьбой пощажены!
Сабля войдет в мягкую плоть —
разом душа вылетит прочь.
Крик Гороглы слышен над полем,
эхо вдали копится впрок.
«Мчатся вперед,
эй, Кувад-шах,
нам твой народ

не помешал.
Что же, держись, предупреждаю,
беки мои всех порешат!»
Ждет воронье зова на пир.
Доверху мир шумом набит.
Сорок бойцов с Гороглы-беком
рубят врага на поле битв.
Всем им великая сила дана.
Как удивительны беков дела!
Львами на воле бьются на поле,
словно колосья, косят тела.
Сталь их — алмаз. Тело — скала.
Вражий батыр — разом с коня.
Эй, Кувад-шах, кто же доселе
рати твои так разгонял?
Боем долина кипит, как казан,
плещет волною — вперед и назад.
Рубят мечом — и ускользают,
и на крови ноги скользят.
Бек Гороглы во главе сорока
волей аллаха гонит врага
слева направо, справа налево —
словно взбесившаяся река.
То ли поводья
напряжены,
то ли по воле
мчат скакуны?
«Эй, Кувад-шах, что твое войско
перед сынами вольной страны?
Мы — как слоны в стаде баранов,
бойню затеявшие слоны!
Я, Гороглы, бьюсь среди гор,
кровью залью камни кругом.
Эй, Кувад-шах, помни мой голос
и Гороглы ярый глагол!»
Гороглы-бек
так возгласил.
Враг уже без
веры и сил.
Топчут его, уничтожают,
даром что был так он спесив!
Плуг ли скользит, сабли парят?

Пахарь, боец — оба в полях.
То семена в землю полягут —
или людскую плоть распылят?
Сорок бойцов бьют, не щадят.
Волк ли овец в стаде считал?
Или орел в стае гусиной
в память гусей суры читал?
Поле покрыли павших тела,
ровным потоком кровь потекла.
Перед лицом яростной сечи
трус и смельчак — как из стекла.
Снова за рядом падает ряд.
Ярость и страх всюду царят.
Всадникам трудно —
скачут по трупам —
но не иссяк силы заряд.
Скрежет и лязг, топот, пальба —
грохоту мир отдан сполна!
Пули берданок, стрелы из лука,
дым — словно с гор туча сползла.
Столько людей тут полегло,
что потерять разум легко:
где тут своя кровь — где чужая,
что тут вблизи, что — далеко?
Кто тут напал, кто тут бежит?
Срублен мечом, пулей прошит?
Кто тут дрожит, кто тут смеется?
Кто уже мертв, кто еще жив?
Можно ли тут силы собрать —
пересчитать, выстроить рать?
Но Гороглы строит йигитов,
место в бою кажет опять!
Миг — и опять свистнула плеть,
снова летят головы с плеч.
Снова бежит в ужасе недруг —
тех, кто б сумел выстоять — нету! —
лишь бы спастись, мертвым не лечь...
Труса не жаль, дальше езжай!
Кто тут кого к скалам прижал?
Небо в дыму, в копоти горы,
пышет всю битвы пожар.
Кто тут покрыл славой булат,

кто только пыль выбил — и рад?
Кто подарить смог Эрзеруму
тысячи вдов новых подряд?
Пыль до вершин, дым до небес.
Не сосчитать недругам бед.
Начался ад для кизилбашей
здесь, среди гор, в каменной чаше,
чуть подоспел Гороглы-бек!
Словно под вихрем гнется трава,
с седел йигиты летят, как листва.
Смерть налетает ливнем осенним,
жизнь понемногу теряет права.
Тут, у подножья каменных стен,
встали в долине горы из тел.
Гороглы-бек вместе с дружиной
мчит, не боясь стали и стрел.
Как ни поедут, путь изменив —
вправо ли, влево, вверх или вниз —
зайцев пугливей или оленей
люди Эрзерума мчатся от них.
Сорок тулпаров — ярых коней.
«Чу!» — и несутся ветра скорей.
Мчатся батыры с саблями наголо,
словно из логова сорок зверей.
На Гороглы гляньте в бою:
смерть пожинает жатву свою!
Словно пастух — стадо баранов,
гонит врагов в конном строю.
Сечу лишь смерть может пресечь,
что увлекла тысячи в сеть.
Как ни бегут, жизни спасая, —
всем на крючке рока висеть!
Как ты словами зря ни части —
честь лишь у честных вечно в чести!
Гороглы с йигитами ударом кратким
разом вражьих порушил порядки,
спутал ряды, опрокинул палатки.
И там и тут —
все бегут.
А у кого близких порубали,
те завыли, зарыдали: «Сын мой! Брат мой!» —
бегут обратно.

А им навстречу —
иные речи: «Вай, где мы?
Это не люди — дэвы,
это, мол, вселенский мор, все мы погибли —
всё равно, что в могиле!..»
Кричат и это и много другого,
хватаются за голову,
раздирают лица,
спешат скрыться,
в войске зычный
вой стоязычный.
Но вражьим силам-то нет числа,
а дружина числом мала,
и скромно просит Гороглы:
«О святые гайиб-эраны,
подайте надежду,
даруйте поддержку,
дух поднимите усталым батырам,
дайте победу над врагом постылым!»
А джигитам говорит: «Батыры, львы мои,
вы ведь недаром мечи вынули,
затяните пояса, не сомневайтесь в победе,
бегут перед нами трусы эти!
Коней не сдерживайте, не разъединяйтесь,
нам нельзя ослаблять натиск,
нельзя, чтобы дух перевел враг —
надо с ним покончить враз.
Вперед, джигиты! Враги будут биты!» —
так Гороглы несокрушимый
ведет в наступленье свою дружину.
Флаг широко развевается
бело-черный в чистом поле.
И о трупы спотыкается
конь ученый в чистом поле.
Что за львы-батыры мощные
стан согнули в чистом поле!
И стекает в пыль горячую
кровь от пули в чистом поле.
Пали львы широкогрудые,
кажут спины в чистом поле.
И торчит между лопатками
древко пики в чистом поле.

И стрела пробила острая
чей-то панцирь в чистом поле.
Стольких тащит смерть — приходится
спотыкаться в чистом поле!
Кувад-шаха рать огромную
истребили в чистом поле.
С неба градом гибель падала
в изобилье в чистом поле.
Болтуны или молчальники —
пали рядом в чистом поле.
Беки со стальными саблями
их застigli в чистом поле.
И снопами трупы свалены
и застыли в чистом поле.
И с землей смешалась красная
кровь людская в чистом поле.
И один остался с мертвыми
звук карная в чистом поле.
Изогнулись луки желтые —
и стреляли в чистом поле.
И ряды согнулись стройные —
наземь пали в чистом поле.
Длинношее арабские
мчатся кони в чистом поле.
Не уйти казахской коннице
от погони в чистом поле.
Эй, батыры! Стойте! Вы куда
поскакали в чистом поле?
Не бегите — нету выхода:
горы, скалы вокруг поля.
Командирам, управителям
было плохо в чистом поле.
Разогнались — и увидели
гибель войска в чистом поле!
Горы, что теперь под снегом-то—
обступали чисто поле.
И отрядам ехать некуда —
вот и пали в чистом поле!
В бой врывались беки группами,
кони мчались, тяжело топали,
и тела упавших бухали,
и камчи по спинам хлопали.

И скакали беки, гикали,
и о саблю саблей жикали,
и летели крики хриплые
над землею в чистом поле.
Недруг недруга не баловал,
оглушали барабанами,
кровь ручьем стекала, паром ли
подымалась над тулпарами.
У людей трещали кости — и
косари летели с косами:
это беков сабли острые
проносились в чистом поле.
Друг за другом скачут конники,
как снопы, лежат покойники.
Кто ушел, отбился кое-как —
эти ж тут легли, соколики.
Кровь впиталась в землю черная,
сабля рядышком никчемная,
голова же отсеченная
покатилась в чисто поле.
Те, что пали, землю обняли —
жаркой кровью землю облили.
Всем одной могилой общею
оказалось чисто поле.
Беки молнией ударили,
Кувад-шаха гибнет армия
Эрзерума ополчение
не предвидит облегчения.
Смерть нависла надо всеми — и
нет от Гороглы спасения:
пусть иной обороняется —
с ним он в силе не сравняется!
Счета нету шахским воинам,
смертью грозною присвоенным.
Скачут, рубят беки гордые,
громоздя горами головы.
Стонут недруги, растеряны.
«Нам не даст аллах состариться!»
Ведь с такими-то потерями
нас и следа не останется.
Только нынче мы увидели,
что за силу мы обидели!

Кто как может — пусть спасается
Гороглы с кровавой жаждою
точит зубы тут на каждого,
на любую жизнь позарится!
Уходите в чисто поле...»
Вот и Гороглы — пожалуйста!
Скачет, гонит всех кругом,
а догонит — и безжалостный
нанесет удар вдогон!
Сабля поднятая, наголо,
ослепляет блеском рать.
Сколько вдов уже заплакало,
скольким впредь еще рыдать!
Конь украшен сбруей бархатной —
Гороглы ее кроил:
нынче ордам кизилбашеским
смерть несет, как Азраил!
Убегают беспорядочно.
Бек разгневан, как река.
Кизилбашам негде спрятаться
от жестокого врага.
Конные бегут и пешие,
войско гибнет по частям.
Словно частым гребнем бешеным
кто долину прочесал.
Как убиты, так и брошены,
трупы воинов лежат.
Пораженьем огорошенный,
сам испуган Кувад-шах.
Тощий конь — лихой, стремительный.
Стремена скрипят слегка.
Жирный конь бежит помедленней,
не спасает седока.
Кто скакал — те нынче вон они:
как дома разорены.
И на вспухших трупах — вороны
и стервятников ряды.
И глазницы их ограблены,
и в неслышном крике рты.
Что там путник невнимательный! —
не узнают даже матери
их недавней красоты...

Гороглы же пьян от боя,
полон страсти, как река.
Блещут новою луною
сабли славных сорока.
Вся дружина в напряженье —
завершить разгром спешат.
Увидав исход сраженья,
растерялся Кувад-шах.
Он глядит на всё на это:
«Никого-то им не жаль,
этим дьяволам отпетым!..
Были беды, будут беды —
лучше нам от них бежать!»
И, как персик переспелый,
покатился с поля первым/
впереди своих людей.
Гороглы —еще лютей!..
И за ним отважных сорок,
и бегут враги гурьбой,
оставляя жалким сором
все пожитки за собой.
Кто сочтет на поле павших?
Не было страшнее сеч!
Гороглы на кизилбашах
не устал тупить свой меч.
Гонит их, кричит: «Рубите!
Пусть отсюда с головой
ни один из них не выйдет,
не останется живой!
Ну-ка, путь загородите!..
Страшный рык при грозном виде,
беки вслед за ним толпой.
Враг бежит поодиночке,
позабывши всякий стыд,
закрывая в страхе очи...
Гороглы за сына мстит!
Ноги, сабли — землю пашут!
Что взойдет на поле тут?..
А остатки кизилбашей
беков яростных клянут.
В бегстве жалком и поспешном
плохо конным, страшно пешим.

«Бей! Руби!» — во все углы
крик доходит Гороглы.
И, услышав страшный голос,
беглецы, теряя честь,
хоть на скалы, хоть на горы
от врага готовы лезть.
Сорок храбрых окрыленно,
захватив добро, знамена,
возвращаются назад,
все в поту, покрыты кровью,
собираясь под горою,
где укрылся храбрый брат.
Вот награда всем усильям,
так закончен счет обид.
Враг несчетный перебит.
Беки бодры и красивы,
хоть хранят походный вид.
Далеко Гороглы пришлось гнать
отступающую шахскую рать.
Радостный, гордый,
возвращается в горы.
А в ту самую пору, ввечеру,
Тулак покинул лисью нору,
по сухому руслу выполз из оврага,
выглянул — нет ли кого рядом? —
видит: трупы кругом,
один на другом!
Всю долину усеяли трупы —
мир не видывал такой рубки!
Смотрит Тулак, своих
вроде бы нет среди них...
Понял: бежали шахские войска,
а дружина, конечно, преследует врага.
Тут наш воин рьяный
сразу духом воспрянул,
встал во весь рост
и, не будь прост,
поднял обломок чьей-то пики,
да с шумом великим
со всех концов
идет в наступленье на мертвецов.
«Эй, вы! — на всю округу он возгласил. —

Давайте, защищайтесь, если хватит сил!»
А тут как раз, рассеяв врага,
Гороглы едет со своими сорока.
Тулак, стараться рад,
еще пуще того заорал,
пику с размаху вонзил в мертвеца,
кричит: «Одолел я тебя, глупца!
А ну, шельмец, не шевелись!
Был живой — дрожал, как лист,
а теперь, когда я тебя прикончил,
ты еще будешь дергаться в корчах?»
Так он, словно не видя товарищей,
стоит над трупом и приговаривает.
Тут кто-то из джигитов говорит спокойненько:
«Гляньте на Тулака — убивает покойника!»
А другой ему кричит: «Эй, дядя Тулак,
так кто-то живой у тебя в тылах,
погляди назад,
как бы он тебя не ткнул в зад!»
У Тулака от страха
взмокла рубаха:
«Вот, когда не гадал, не думал,
а духи наказали, ветер с запада дунул!»
Назад повернулся,
побежал, споткнулся,
встал, оглянулся — никого!
Высмеяли его...
Но сознаться не хочет,
голосит, хлопочет:
«Куда ж он делся, ублюдок? Убежать не
может —
ведь я его начисто обезножил!
Сейчас я ему выдам!..»
Стоит с воинственным видом.
Подъехал Гороглы, и храбрец Тулак,
обращаясь к беку, говорит так:
«Здравствуйте, мой бек, слава вам, слава!
Видите трупы на горах, что слева?
Это я, в одиночку, положил их!
Чьих покойников больше, моих — или всей
дружины?
Так же верно, как то, что Тулак еще жив:

я больше врагов положил!
За мои заслуги меня бы нужно
давным-давно назначить конюшим.
А я, видно, так и проживу свой век,
ожидая, когда меня пожалует бек...»
Гороглы отвечает: «Спасибо, Тулак!
Ты у нас и вправду во всем мастак...»
Но — хватит о нем: вы, наверное, сами
давно хотите узнать о Хасане.
А Хасан и Далли до этой поры
всё еще на вершине горы.
Совсем у Хасана
рубцуется рана,
встает без поддержки,
полон надежды.
А Гороглы радуется, стоит довольный,
говорит знатным своим воинам:
«Давайте не спеша
поднимемся на вершину.
Чует моя душа,
там поход завершим мы.
Там Хасан
окажется сам!
Какой дадите совет?» Говорят Гороглы-беку:
«К чему всем наверх? Отправьте разведку».
В тот же миг
он послал двоих.
Наказывает: «Если, мол, увидите Гирата,
нам сюда сообщите сразу.
Мы тоже поднимемся и, даст бог,
отыщем Хасана без новых тревог».
Поехали джигиты, поднялись изрядно —
видят наверху на привязи Гирата!
Вернулись, говорят — коня, мол, заметили,
а больше никого — вниз не замедлили.
Послушал Гороглы, встал, омрачился:
«Эй,— говорит,— джигиты, какой-то грех
случился!
Будь Хасан здоров, он бы не стерпел,
услышав рубку и пенье стрел!
Садитесь в седла, езжайте следом,
все за Гиратом наверх поедем.

Ох, боюсь, дело худо...»
Гороглы сел на Маджнункука,
Аваз на гнедого,
дружина готова,
едут в горы.
Нету горя
страшней, тяжелей,
чем боль за детей!
Гороглы, бесстрашный на поле брани,
осунулся, плачет, стонет, как раненый.
Едут гуськом, весь отряд подряд,
поднялись, смотрят—на привязи Гират.
Тут Гороглы воззвал к Хасану:
«Спешил я в сады,
на травы, в цветы —
но с сердцем не смог распрощаться.
О сын мой, Хасан! Живой еще ты?..
Увидеть тебя — это счастье!
Ты силой пленял,
могучий, как нар.
Хранил ли ты память в разлуке?
Твой образ отец в душе сохранял,
сгорая от горькой разлуки.
Призывы ль ты слал,
измучен и слаб?
Минуты отчаяньем метил?
Не надо богатств, не надо мне слав —
о, только тебя бы я встретил!
О сын мой, Хасан, из батыров батыр,
я знаю — ты болен иль ранен.
Один против войска ведь ты выходил,
испытанным тысячам равен!
Словам вопреки, как сокол с руки,
взлетел ты — и нету Хасана.
Мой светоч погас, не видно ни зги,
ты сам приготовил мне саван!
Скачу из Чамбила, в слезах и без сил —
кочующий свет среди ночи.
Откликнись, Хасан,— ты жив еще, сын?
Подай мне хоть голос, сыночек!
Я еду к тебе в безмерной тоске,
и днями скачу и ночами.

Услышь я твой голос хоть раз вдалеке —
на сердце бы мне полегчало.
Один для меня ты светоч в ночи,
зову неустанно, горяю.
Отец твой пришел — ответь, не молчи,
иль вправду от горя сгорю я.
Под грузом я гнусь, а нужен ли груз?
Коль нет тебя — труд мой излишен.
Отец твой пришел! Развеемся грусть,
едва мы твой голос услышим.
Сушили пески
и этак и так,
я стал от тоски
одним из бродяг.
И скорбь повсеместна в Чамбиле.
Ответь мне, Хасан, чтоб сердце отца
и боль и тоска не убили.
Родная земля скорбит без тебя,
и весь наш народ безутешен.
Откликнись — не то умру я, скорбя,
лишенный последней надежды.
О сжался, аллах, да будет он жив,
пускай во мгновения эти
услышит отца сердечный призыв
и радостным эхом ответит.
Я близок к концу.
Один ты отцу
поддержка, сынок, и опора.
Ты жив ли, Хасан?
Ответишь ты сам,
коль смерти не хочешь мне скорой!
К тебе я пришел, дружину привел,
на углях разлуки сгорая.
Ты жив ли, мой лев?.. Прими же привет
отца и родимого края».
Так его слово пронзило Хасана,
что у него снова заныла рана.
Не в силах подняться,
своим показаться,
сидит, плачет Хасанхан.
Отклика не услышав,
Гороглы и сорок йигитов

едут выше, горем убитые.
Забыв свои подвиги ратные,
Авазхан с плачем взывает к Гирату:
«Зовусь я Авазом, и плачу я горько.
Где брат Хасанхан мой и всадник твой гордый?
Увидев Гирата, забыл я покой,
и зов мой к Хасану уносится в горы.
Так где ж твой хозяин, твой славный седок?
Что сделал ты с ним? Почему не помог?
Гиркук, он здоров — или болен доньне?
В горах он с тобою — или на равнине?
Где шах всех наездников, брат мой Хасан,
с которым другого бы вряд ли сравнили?
Так где ж твой хозяин, твой славный седок?
Что сделал ты с ним? Почему не помог?
Я речи мои обращаю к Гирату:
тебе мои очи несказанно рады!
И ночи и дни проводил я без сна,
но встретив тебя — повстречаю и брата!
Так где ж твой хозяин, твой верный седок?
Что сделал ты с ним? Почему не помог?
Я рад тебя видеть живым и здоровым,
но что же с Хасаном случилось в дороге?
Мы в горе, покуда не видим его,
взываем на каменном этом пороге.
Так где ж твой хозяин, твой верный седок?
Что сделал ты с ним, почему не помог?
Готов я вскочить на Гиркука лихого,
чалмой золотою украситья снова,
но должен сперва о Хасане узнать,
ответ получить на тревожное слово.
Так где ж твой хозяин, твой верный седок?
Что сделал ты с ним, почему не помог?
Для каждого сроки назначены в мире.
Он был господином в родимом Чамбиле,
ты с ним из Чамбила сюда прискакал —
так что ж вы за чашу с ним вместе испили?
И где твой хозяин, твой верный седок?
Что сделал ты с ним, почему не помог?
Послушай, Гиркук, и пойми мои речи —
ведь ты разбираешь слова человечьи.
И днем я и ночью гадаю без сна:

что пало Хасану на юные плечи?
Так где ж твой хозяин, твой верный седок?
Что сделал ты с ним? Почему не помог?»
Едва лишь Гиркук заприметил Аваза —
он тотчас заржал и задвигался сразу.
От ржання того задрожал Дагестан,
как будто слышал волшебную фразу!
Был голос Гиркука подобен рыданию,
и дрогнула высь, затуманились дали,
и поняли сразу йигиты коня,
как будто воочию всё увидали.
И так молодцы говорили вздыхая:
«Эх, жалость какая... Беда-то какая!»
Хасан между тем ведь лежал на горе —
его увидала ватага лихая!
Услышав, как печально Гират заржал,
опечалились и беки: «Ах, как жаль!
Что-то и вправду стряслось, пожалуй!»
И все сорок йигитов наверх добежали.
Видят — Хасан живой, в слезах!
Они без промедленья — все назад,
требуют подарков за добрую весть:
«Здесь! — кричат. — Хасан здесь!»
Гороглы с Авазом за брата и сына
роздали всё, что йигиты просили,
идут сами
взглянуть на Хасана.
У него рубцы от тяжелой раны.
Ну, Гороглы сына нашел,
все былые горести отсек, как ножом,
радости его нет конца.
Сделали носилки, положили молодца,
перевязали опрятно —
и в путь обратный.
Долгая дорога, но победа — не беда!
Прибыли здоровые в Чамбила,
при встрече и заплакали, и запели
обе счастливые матушки-пери,
поглядели друг на друга,
поздоровались с сестрицей,
за всю долгую разлуку наговорились сторицей,
где были, с кем были —

спросить не забыли,
нацеловались,
намиловались.
Вскоре после приезда Гороглы,
подождав неделю, заговорил с Далли:
«О дочь моя, я тебя привезти приказал —
думал, твоим мужем будет Авазхан.
Но вон как всё получилось, однако!
Они оба мне сыновья, оба для меня одинаковы,
так что ты ответь на мои слова:
кого из них ты хочешь сама?»
Хан-Далли ответила: «О отец,
сама б я промолчала о делах о тех,
но раз вы спросили — я должна
всё вам высказать сполна.
Оба они вам сыновья, оба одинаковы,
но вы меня за Хасана отдайте, однако.
Не потому, что не мил мне Аваз,
но мы все будем жить в кишлаке у вас,
зайдешь к соседке, хоть и хорошей,
а она меня, глядишь, и огорошит:
«Как тебя, дескать, Аваз взял?
Выходит, ты жена двум сыновьям!»
А что проку
в таких упреках?
Чтоб я такое не услышала,
вы меня отдайте за Хасанхана!»
Понравились Гороглы
слова Хан-Далли.
«У ней и вправду
ума палата,
пожалуй, о наших делах обо всех
у ней совета попросить не грех!»
Собрал Гороглы свой народ таки-явмут,
сразу и свадьбу затеяли тут.
Сорок дней праздника шли —
женили Хасанхана на Хан-Далли.
Резали кобылиц, верблюдов жирных,
овец, птицу — уйму живности.
От разных народов с утра до заката
шли шуты и музыканты,
шли острословы — откуда у них что

находится? —
шли танцоры, канатоходцы.
Шли затейники разного рода.
Так начался той у большого народа.
С той и с этой стороны
прибывают наездники и скакуны.
Всех принимать отдан приказ —
многое Гороглы для тоя припас.
Недаром пошла его слава
по всем краям — и слева, и справа.
Певцы поют на разный лад,
сказывают сказки о разных делах,
начинается улак.
Каждому хочется
посмотреть канатоходца.
Что ни шаг —
шуты смешат.
Всякое народ
себе по вкусу найдет.
Парни состязаются в стрельбе из лука
стреляют один другого лучше.
А музыканты то нежно, то грубо
дергают струны, дуют в трубы.
Сколько гиджаков, сколько дутаров,
сколько рубабов, сколько ситаров!
Сколько танцев
в памяти останется!
Каблуки и медь
не устают греметь...
А в этой стороне словно шум драки —
это старики спорят об улаке:
«Ну, мол, и молодежь пошла!..
Да нет, тяжелого взяли козла...»
А джигиты ловкие, поднатужась,
на скаку с земли поднимают тушу,
рвут друг у друга крепкие парни,
кидают в седла, отдают напарникам.
А в той стороне — скачки, пайга.
Там еще коней пробуют пока,
скачут вдаль, скачут близко,
пробуют шагом, пробуют быстро,
с грузом и без груза, так, иначе —

вот-вот начнутся скачки...
Кто видел — грустит,
кто не видел — грустит.
Всех лучше тем, у кого на зубах хрустит.
В добрый час Гороглы затеял свой той,
народ насытил вкусной едой,
начать приказывает пайгу,
коней показывает на скаку.
А внутри, в ичкари, где живут пери,
девушки-подружки песни пели.
А той Гороглы свой устроил так:
чуть ли не с ночи начал улак.
И юные парни, охочи до драки,
козла притащили — да на улаке
ждут, когда будет условный знак.
Молва об улаке весть разнесла,
о том, что уже притащили козла.
Народу собралось! Шумят — и ладно.
А на улаке драка пошла.
В схватку ринулись, кто как мог,
каждый рвет к себе под шумок.
Скопилась всадников куча мала,
кто-то подмял под себя козла,
вырвать не вырвут, не вырвутся сами!
только сопят и вопят со зла.
Стара узбекская эта игра —
как сам узбекский народ, стара:
летом сгонят
коней с утра —
мокнут кони,
лето, жара!
Каждый место займет по рангу,
гикнут — и начинают драку!..
Зато и узнают по улаку,
кого батыром признать пора.
А кто-то сперва стоит в стороне;
но кинут козла — тут и он на коне:
в седле перегнется, схватит, несется,
всю прыть и уменье покажет вдвойне!
А кто-то скачет, до пояса гол,
лошадь меняет одну за другой,
в гущу врывается, рвется, старается —

а не коснется козла и рукой!
Той необъятен, народу — не счесть.
Зрителям радость, участникам честь.
Лихому тулпару всадник под пару!..
Смысл и в улаке кой-какой есть.
Ловок йигит и скакун горазд —
сумеют козла удержать не раз.
А конь неуклюж, йигит слабосилен —
лучше не пробуй, в толпу не лазь!
Йигит не рвется к цели, етоит —
разве приметен такой йигит?
Здесь завоевывает признание
лишь сила, смелость — не бравый вид!
А у глашатая голос сел —
кричал немолчно: «Улак — для всех!
Не говорите, что не слышали!
Равны награды у нас для всех!
Кто честно выиграл — получай!
Кто тушу выронил — не серчай!
Здесь верят ловкости, верят силе,
а не хвастливым пустым речам.
Кто взял обманом —
наград не жди.
Лишь честный малый
у нас в чести.
С земли поднимешь — твоя победа,
но, ухвативши, не отпусти!»
Такой у свалки лихой размах,
что конь послабже тут будет смят.
Иным и сильным, коль кони слабы,
противник равный поставит мат.
Здесь отовсюду собрался люд,
награды щедро гостям дают,
и призов столько, что без награды
едва ли кто и остался тут!
Сварили столько и напекли!
Под силу только лишь Гороглы,
чтоб сорок дней продолжался праздник
— а все довольны и веселы!
Бек, не жалея, потрянул казной:
все дни без счета дают козлов,
и скачут днем, и танцуют ночью,

и веселятся, ночам назло!
Канатоходец крепит канат,
и все с охотой спешат, глядят.
И сорок дней он своим искусством
всех огорошивает подряд.
Пока йигиты кончают спор,
поет девичий высокий хор,
детей и взрослых смешит затейник,
певцы чаруют широкий двор.
Дней сорок длился он, той Далли,
дней тридцать разные игры шли.
Готов любого
принять с любовью —
овец без счета у Гороглы.
Людей собралось — сверх всяких мер,
все понаехали, кто сумел,
на этот праздник сорокадневный
у Гороглы, у главы туркмен.
И гостю — чуть ли не всем подряд! —
дают в подарок коня, халат!
Был Гороглы неустанно щедр,
не мог гостей отпустить ни с чем.
Долой обиды в годину счастья!
Оно дороже любых вещей...
Теперь и мы покончим с этим тоем
и с добрым словом «Хан-Далли» закроем.
Нас долго ветром песенным несло
вслед за словами добрыми моими.
А говорят: «Добро оставит имя,
лишь злое оставляет в мире зло».
И рухнет мир подчас от слова злого,
а доброе — и змей приманит слово...
Иные речи к вечеру умрут,
не всякая для памяти годится,
не каждым словом следует гордиться,
но ведь не каждый камень — изумруд!
Дурное слово — свалит и слона;
у доброго — хорошие слова:
они утешат, укрепят, восславят.
Всяк говорит по своему уму,
но забывать о сердце — ни к чему:
оно промашки разума исправит.

Бывает слово — мусор, слово — грязь.
Бывает слово — камень драгоценный.
Алмаз опасно перепутать цельный
с куском стекла, что промелькнет искрясь.
Среди узбеков много знатоков,
но их подход совсем не одинаков:
ученый различает смысл знаков,
а умный различает смысл слов.
Иной захочет «Хан-Далли» сказать —
и ну по гребням слов чужих скакать!
Сто лишних скажет, главного — не свяжет...
Что связывать, коль нечего сказать?
Бывали раньше славные бахши,
певали это слово от души,
показывали многим поколениям,
какие речи вправду хороши.
Оставлен без вниманья этот путь,
слагают без вниманья, как-нибудь.
Тут бейт кривой, там рубаи безногий —
им до конца бы только дотянуть!
Народ не любит этих «новостей»,
гроша не даст за десять повестей.
Хоть уговаривай — не станут слушать,
хоть год талдычь — не соберешь гостей.
Кому их могут нравиться слова,
когда вся эта братия сама
в значенье слов не чувствует различья,
как свет дневной не чувствует сова!
Здесь, в «Хан-Далли», шайров прежних речь
я, сколько мог, старался вам сберечь.
И новым бейтом
я твердил об этом,
веля им в след старинной речи лечь.
Другие же поэты наших лет
своим стихом не оправдают хлеб.
Как сказывать, коль сам ты слов не чуешь?
Меня им не догнать в полете, нет!
О сколько нам приходится теперь
тупых певцов и неучей терпеть!
Не зная сказа, сказывать берутся,
не зная песни, затевают петь.
Коверкают хорошие слова —

солемой станет свежая трава!
А коль покажут вам мужей могучих,
так низведут до карликов сперва!
Живое превратят в костяк они,
гоняют бейты, как бродяг, они,
У них мудрец, прославившийся в прошлом,
таким же глупым станет, как они!
Возьмут рассказы, что сложил народ,
их перескажут задом наперед.
Не зная, как свести концы с концами,
всё так сплетут, что черт не разберет.
Не зря о том твердит Джуманбульбуль,
он прожил жизнь в почете и без бурь.
И как он прежним людям был желанен,
так он и будущим известен будь!
Готов послушать каждый, и не раз,
его словами сложенный рассказ.
Учились бы шайры этой речи —
и сами спеть сумели бы для вас!
Но не согреют душу их слова,
влезть не сумеют в уши их слова.
Пускай шумят, о чем хотят, шайры —
сильны их глотки, только речь — слаба.

Перевод А.Наумова